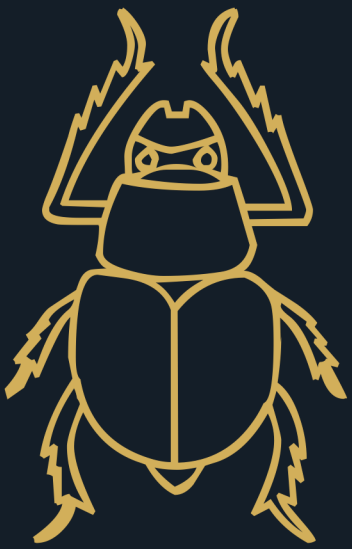
ГОВАРД КАРТЕР

ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА

ТОМ III

ГОВАРД КАРТЕР

ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА

Том III. Сокровищница и боковая камера

Об этой книге

Третий, последний том Говарда Картера рассказывает о работах 1926–1930 годов в двух малых камерах гробницы — во Внутренней сокровищнице за погребальной камерой и в боковой камере, служившей кладовой.

Во Внутренней сокровищнице стояли ковчег Анубиса и золоченый канопический ларец, ларцы с драгоценностями, модели ладей, ушебти; в боковой камере — утварь, игральные доски, луки и щиты, сосуды с вином и маслами. Введение посвящено царям амарнской поры, последняя глава — причинам порчи предметов в гробнице. В приложениях — заключение Дугласа Дерри, химия гробницы Альфреда Лукаса и описание предметов к таблицам снимков Гарри Бертона.

Содержание

Предисловие	5
Введение. Факты и предположения о царях амарнской поры	9
Глава I. Камера за погребальной камерой	38
Глава II. Погребальная утварь, найденная в комнате за погребальной камерой	53
Глава III. Боковая камера	136
Глава IV. Предметы, найденные в боковой камере	149
Глава V. Главная причина порчи и химических изменений предметов в гробнице	212
Приложение I. Заключение о двух человеческих плодах, найденных в гробнице Тутанхамона	225
Приложение II. Химия гробницы	228
Приложение III. Описание предметов	241

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Этот том посвящен двум небольшим кладовым гробницы: одна примыкает к погребальной камере, другая — к передней камере. Сначала их называли кладовой и боковой камерой, но я переименовал их во внутреннюю сокровищницу и кладовую. Сами древние египтяне называли такие небольшие помещения «сокровищницами», и смотря по их расположению и назначению они звались «правой» или «левой сокровищницей» либо «внутренней сокровищницей». Поскольку помещение, называвшееся «внутренней сокровищницей», служило, по-видимому, хранилищем для канопической утвари и другого имущества, соответствующую комнату в этой гробнице я назвал внутренней сокровищницей.

Если сравнить план этой гробницы с обычной царской гробницей XVIII династии — пожалуй, лучший образец здесь гробница Тутмоса IV, — сразу видно, что она представляет собой видоизмененный погребальный зал с «колодцем» (то есть углублением в конце зала для саркофага), но без всех тех коридоров и покоев, которые должны к нему вести. Таким образом, помещение, названное здесь передней камерой, — это видоизмененный погребальный зал, погребальная камера — «колодец», а внутренняя сокровищница и боковая камера — лишь две из четырех кладовых, или сокровищниц, которые принадлежат обычному погребальному залу с «колодцем» для саркофага.

Этим томом завершается и предварительный рассказ об открытии гробницы Тутанхамона и о ее содержимом. Он подводит итог десяти сезонам работы, ушедшим на сохранение, запись и перевозку всех находок в Каирский музей. Весь второй сезон ушел только на разборку четырех огромных погребальных ковчегов, укрывавших саркофаг, а два последних сезона — на их укрепление для перевозки. Теперь они вместе с остальной погребальной утварью надежно размещены и выставлены в этом музее.

После того как в 1925 году с правительством Зивар-паши была достигнута договоренность о признании заслуг открытия, работы и больших расходов, понесенных наследниками лорда Карнарвона, а также пользы, которую открытие принесло Египту в целом, в Египте сменилось пять правительств. В 1930 году кабинет партии Вафд во главе с его превосходительством Наххас-пашой решил не выпускать из страны ни одной древности из этой находки и вместо обещанных дублетов выплатить денежное возмещение.

Поэтому я считаю справедливым сделать следующее заявление. Почти вся тяжесть работы легла на наследников лорда Карнарвона и на Альмину, графиню Карнарвон. Им помогла любезность попечителей и директора музея Метрополитен в Нью-Йорке, которые великодушно предоставили ценные услуги мистера Артура Мейса, мистера Гарри Бертона, а также мистеров Хаузера и Холла. А по любезности египетского правительства я каждую зиму пользовался деятельной помощью мистера А. Лукаса, правительственного химика при Каирском музее. Расходы на предварительные раскопки и на работу с содержимым гробницы, которые несли наследники лорда Карнарвона и Альмина, графиня Карнарвон, составили 36 000 фунтов, а труд, предоставленный музеем Метрополитен, оценивался в 8000

фунтов, так что общая стоимость составила 44 000 фунтов стерлингов. Осенью 1930 года египетское правительство выплатило наследникам лорда Карнарвона и Альмине, графине Карнарвон, сумму, равную 36 000 фунтов стерлингов.

Расходы на укрепление четырех огромных ковчегов для перевозки в Каир, занявшее два последних сезона, которые закончились в феврале 1932 года, взяли на себя египетское правительство и я.

Погребальная утварь древнеегипетской гробницы — богатый предмет для изучения. Она полна свидетельств о минувших временах, о вкусах, нравах и обычаях сменявших друг друга поколений. Мебель, одежда и украшения, военное и охотничье снаряжение, даже трости и посохи — все дает пищу для размышлений и любопытных догадок. Среди чисто обрядовых принадлежностей погребального обычая встречаются простые семейные реликвии, с которыми, должно быть, было связано немало человеческих воспоминаний. Изучая их, мы можем мысленно представить себе привычки и характер народа, которому они принадлежали. И если на этом пути нам попадется предмет, который кажется нам просто странным или даже отталкивающим, надо помнить, что, когда религия давно забыта, предмет ее обряда, изображение ее бога воспринимаются уже не более чем как человеческое изделие — их религиозная сила ушла.

Из этого погребения мы узнаем любопытный факт, который, возможно, прольет немало света на историю египетских царей эпохи династий. Наследников приобщали к престолу совсем юными. По-видимому, ради продолжения династии их женили как можно раньше и тем делали соправителями государя. Тутанхамон и наследная царевна Анхесенамон были приобщены к престолу, когда им было всего девять и десять лет. И замечу здесь, что на

протяжении всей египетской истории эпохи династий всякий раз, когда у нас есть данные о вероятном возрасте царя в час смерти и о продолжительности его царствования, оказывается, что он должен был взойти на престол в ранней юности, а иногда еще младенцем.

Уже после того как было написано введение к этому тому, я узнал, что сотрудники Общества по исследованию Египта недавно нашли в Эль-Амарне запись, где назван XIX год царствования Эхнатона. Это показывает, что царь прожил по меньшей мере на два года дольше, чем до сих пор предполагалось. Трудно, однако, представить, что летописцы государственного ведомства при Рамсесе II, менее чем через столетие, не знали продолжительности царствования Эхнатона и его ближайших преемников, когда приписывали пятьдесят девять лет Хоремхебу (см. введение). Объяснение, быть может, в том, что соправления перекрывали друг друга еще дольше, чем предполагалось. Винные кувшины из этой гробницы (см. главу IV) показывают, что хозяйство Атона существовало по меньшей мере двадцать один год. Изучение той поры сопряжено со многими трудностями; оно все еще остро нуждается в данных и в строжайшем исследовании.

Многочисленным коллегам, которые так любезно помогали всякий раз, когда я к ним обращался, я хотел бы здесь выразить мою благодарность, особенно доктору Алану Гардинеру за его любезную помощь в переводе надписей. Благодаря щедрости попечителей и директора музея Метрополитен я пользовался неутомимым трудом мистера Гарри Бертона; им и ему я глубоко признателен.

Говард Картер

Луксор, ноябрь 1932 года

ВВЕДЕНИЕ. ФАКТЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ЦАРЯХ АМАРНСКОЙ ПОРЫ

✦

Когда пытаешься верно представить себе царей, причастных к амарнской ереси, — а именно Аменхотепа III, Аменхотепа IV (Эхнатона), Сменхкару, Тутанхатона (Тутанхамона) и «божественного отца» царя Эйе, — сталкиваешься со множеством трудностей и неизбежно с недостатком данных. О подлинной их истории у нас мало достоверного, и, если вспомнить, как многочисленны их памятники, поразительно, насколько скудны сведения, которые удается из них извлечь. Немногие исторические документы, которыми мы располагаем, очень разнородны: то выветренная надпись на скале, то скарабей или кусок полотна, обрывок папируса или черепок, которые случай сохранил и вынес на свет. Намеки на многочисленных рельефах и росписях в храмах и гробничных часовнях этой поры — вот единственный иной источник наших знаний. А они (главным образом в пространных надписях) состоят большей частью из обычных восхвалений царя — то как могучего правителя, то как могучей опоры веры, то как единственного земного представителя и уст верховного бога. Лишь в отдельных случаях удается почерпнуть из них какие-то сведения о самих царях и их домах; поэтому множество важных вопросов и подробностей остается без ответа, если не считать наших собственных догадок.

Перебирая эти записи, лишь кое-где замечаешь, как покров, окутывающий этих царей, словно на миг приподнимается и мы видим какой-нибудь поразительный или загадочный факт. О

домашней стороне их жизни и дел во многом можно только догадываться, а из того материала, что у нас есть, выводы приходится делать путем умозаключений.

Другая трудность — неоднозначность дат на их памятниках: даты эти сами по себе сбивчивы, ибо в них соединены год царствования и гражданский год. Поэтому, если нам неизвестны точный гражданский год, месяц и день восшествия царя на престол, эти даты почти бесполезны для точного счета времени. Например, I год, 3-й месяц третьего времени года такого-то царствования может означать и год с одиннадцатью месяцами, и всего тринадцать месяцев от дня восшествия царя. Чтобы преодолеть эту трудность там, где нужно, и прийти к среднему, равно удаленному от обеих крайностей, я считал времена года, месяцы и дни гражданского года, приводимые на памятниках, за половину года царствования.

Я сетую на это не для того, чтобы умалить ценность древних памятников и записей или упрекнуть исследователя, а лишь чтобы оправдать все «может быть» и «вероятно» в приведенной ниже — неизбежно предварительной — последовательности событий.

Манефон у Иосифа Флавия сообщает, что Аменхотеп III царствовал тридцать лет и десять месяцев, однако есть его памятники, датированные даже XXXVII годом царствования, и если принять во внимание сцену на притолоке в гробнице Хуйи, о которой речь пойдет ниже и где показаны рядом, на равных, два царских дома (то есть Аменхотепа III и Аменхотепа IV), то его царствование должно было продлиться приблизительно до XL года.

Это расхождение, возможно, объясняет надпись на пирамидном храме в Медуме, выведенная чернилами с всегда

готовой египетской палетки «писца Мая», который пришел «посмотреть на величайшую пирамиду Гора-Души царя Снофру». Надпись гласит: «*Год XXX при величестве царя Небмаатра, сына Амона, покоящегося в истине, Аменхотепа* (III), *правителя Фив, владыки силы, правителя радости, любящего того, кто ненавидит неправду сердца, сажающего потомство мужское на место отца его и утверждающего наследие его в стране*». «Наследником», о котором говорит надпись, может быть не кто иной, как Аменхотеп IV, впоследствии принявший имя Эхнатон. Вероятно, была какая-то причина возвести этого юного царевича на престол, а расхождение, подобное тому, что мы находим между сообщением Манефона и египетскими памятниками, объясняется соправлением этих двух царей. Тридцать лет и десять месяцев, приписанные Аменхотепу III Манефоном, очевидно, и есть продолжительность его единоличного царствования.

Главные датированные памятники до этого соправления таковы: 1) скарабей, сообщающий о браке царя с Тии, дочерью Юи и Туи, который должен был состояться до II года его царствования (см. следующего скарабея) — вероятнее всего, при восшествии на престол, когда ему было около девяти лет; 2) надписи в каменоломнях Туры и Эль-Берше, открытых в III год его царствования; 3) скарабей III года, сообщающий об охоте на диких быков, где упомянута великая царская супруга Тии; 4) две стелы у первого порога, сообщающие о нубийском походе в VI год его царствования; 5) скарабей, сообщающий о 102 львах, убитых его величеством с I по X год царствования; 6) скарабей, датированный «годом X», сообщающий о его браке с чужеземной царевной Киргипой, дочерью Сатирны, царя Нахарины; 7) скарабей, сообщающий об устройстве увеселительного озера в XI год его

царствования; 8) первый юбилей царя между XXX и XXXI годами царствования, записанный в гробнице везира Хаемхета в Фивах.

После начала соправления с сыном, Аменхотепом IV, мы находим следующие датированные памятники. Указ поминального храма, законно утвердивший навечно дар на содержание поминального культа царя и всенародно прочитанный в его поминальном храме в Фивах, датирован XXXII годом царствования Аменхотепа III; на жертвеннике в Гебель-Сильсиле упомянут год XXXV; третий юбилей царя записан в гробнице некоего Херуфа под таким заголовком: «*Год XXXVI. Приведение друзей* [царя] *для представления* (царскому) *лицу на третьем юбилее его величества*», причем в титулатуре упомянута царица Тии; а стела того же времени в Серабит-эль-Хадиме на Синае сообщает о походе туда в тот год. Мистер Уинлок нашел дату этого царствования даже XXXVII года во дворце царя в Фивах, к югу от Мединет-Абу. Поскольку в этих записях нет указаний на соправление, обратимся от надписей к изобразительным памятникам.

Единственная в своем роде сцена на притолоке в гробнице Хуйи в Эль-Амарне показывает нам рядом два царских дома — Аменхотепа III и Эхнатона. Это равновесие двух домов не только подтверждает соправление двух царей, но и дает основание полагать, что Аменхотеп III прожил еще по меньшей мере год или около того после рождения четвертой дочери Эхнатона, Нефернеферуатон-Ташерит. Под этой сценой молитва Хуйи на левом косяке двери повторяет привычное приветствие трем почитаемым силам — Атону, царю и царице, но на правом косяке приветствуются Эхнатон, его отец Аменхотеп III и его мать Тии. Изображением к этому тексту служит сцена на притолоке над ним. Картина разделена на две половины: слева — дом Эхнатона,

справа — дом Аменхотепа III. В первой сцене Эхнатон и его царица Нефертити сидят рядом на ложе, а перед ними их четыре дочери с опахалами. На парной картине Аменхотеп III в облегающем головном уборе *немес* сидит на кресле, словно обращаясь к своей жене, которая сидит напротив него, и у ее колен — царевна Бакетатон. Над обоими домами изображен диск Атона, и его лучи равно подают им знак жизни. Картина по меньшей мере подкрепляет известные или подозреваемые факты, и мы узнаем из нее, что Аменхотеп III должен был жить еще по меньшей мере год или около того после рождения четвертой дочери Эхнатона, то есть приблизительно до XL года своего царствования, когда ему было не меньше сорока девяти лет, что, вероятно, совпадает с IX годом царствования Эхнатона. Судя по росту Бакетатон на этой картине, она была примерно того же возраста, что и Анхесенпаатон.

Необычайное сходство фигуры Аменхотепа III в правой сцене, о которой только что шла речь, с сидящим царем на небольшой неоконченной стеле в Берлинском музее (№ 20716), найденной в Эль-Амарне, заставляет думать, что обе работы исполнены одним мастером, и хочется сказать — возможно, скульптором Иути, который изображен в гробнице Хуйи заканчивающим статуэтку Бакетатон. На берлинской стеле под диском и лучами Атона несомненно изображены два царя. Эхнатон — вероятно, царь, стоящий справа; на нем корона *хепреш*, и он наливает вино в чашу царя слева, который сидит и одет точно так же, как Аменхотеп III в сцене на притолоке. Эта стела, по-видимому, еще один отголосок соправления двух царей, при котором Эхнатон, без сомнения, стал верховным государем.

Царица Тии, мать Аменхотепа IV, была не царского рода: она была дочерью придворного сановника и его жены, известных нам

под именами Юя и Туя. Поэтому высокие титулы Тии — «Наследная царевна, владычица Севера и Юга, великая царская супруга, госпожа Обеих Земель» — были не наследственными, а получены через брак с Аменхотепом III. Она была официальной, любимой и главной женой царя, и потому ее отец Юя достиг высокого положения и, возможно, как отец царицы, получил звание «божественного отца». Таким образом, Аменхотеп IV не мог считаться вполне царского рода, и, быть может, отчасти поэтому понадобилось «сажать потомство мужское на место отца его и утверждать наследие его в стране», как сказано в последних словах упомянутой выше медумской надписи.

Аменхотеп III, по-видимому, тоже был не вполне царской крови, поскольку особые сцены и надписи в храме Амона в Луксоре, подобные тем, что были сделаны для царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, приписывают ему сверхъестественное рождение и венчание на царство богами, иными словами — провозглашают его рождение не иначе как божественным. Позднее в различных провозглашениях его сын Аменхотеп IV выступает сыном «Отца Атона» — божества, которому даны и божественные эпитеты, и царская титулатура.

Как бы то ни было, наследие его было утверждено, он был посажен на место своего отца и стал, по сути, единовластным правителем. В течение семи лет этого соправления Атон стал верховным божеством и верховным владыкой. Этот Атон, занявший таким образом место Амона, именовался «Отцом» и считался начавшим свое царствование как верховный бог и верховный царь в тот же день, что и его будущий пророк и восстановитель, Аменхотеп IV.

Атон был известен издавна, но Аменхотеп IV, по-видимому, стал тем, через кого были открыты его истинная природа и

верховное достоинство.

Баттискомб Ганн справедливо указывает, что главной целью именования этого бога — «Да живет Ра, Хорахте, ликующий на небосклоне во имени своем: „Шу, который есть Атон“» — было установить тождество Атона, Хорахте и Ра и тем провозгласить единство Атона с другими чисто солнечными богами Египта, почитавшимися с начала истории, и так упрочить и узаконить его положение верховного бога. Учение об Атоне не только не пыталось полностью порвать с прошлым, но прямо стремилось привлечь к себе приверженцев старых солнечных культов. И невольно задаешься вопросом, не было ли это движение плодом борьбы за первенство между Севером и Югом — между сторонниками Ра-Хорахте из Гелиополя и сторонниками Амона из Фив. Одно, однако, ясно: первенство Атона возрастало и угасало вместе с царствованием Эхнатона.

В течение семи лет от восшествия Аменхотепа IV на престол был основан город, будто бы для «его отца Атона», в 250 милях к северу от Фив и в 200 милях к югу от Гелиополя, если считать по течению реки, и туда был перенесен двор Эхнатона. Границы этого места, обычно называемого Эль-Амарной, а правильнее — его собственным именем Ахетатон, были отмечены пограничными плитами. На этих плитах мы читаем, что перед друзьями царя, великими и могущественными, военачальниками и прочими людьми всей страны его величество сказал:

> *«Вот Ахетатон, который Атон желает, чтобы я сделал ему как памятник во имя великое моего величества навеки: это Атон, отец мой, привел меня в Ахетатон. Не вельможа указал мне на него, не человек во всей стране указал мне на него, говоря: „Подобает его величеству сделать Небосклон Атона в этом месте“. Нет, это Атон, отец мой, указал мне на него, чтобы*

сделать его для него Небосклоном Атона… Я сделаю Ахетатон для Атона, отца моего, в этом месте. Я не сделаю ему Ахетатон ни к югу от него, ни к северу от него, ни к западу от него, ни к востоку от него. Я не перейду за южную плиту Ахетатона к югу и не перейду за северную плиту Ахетатона к северу, чтобы сделать ему Ахетатон там; и не сделаю ему его на западной стороне Ахетатона. Нет, я сделаю Ахетатон для Атона, отца моего, на восточной стороне Ахетатона… и царица не скажет мне: „Вот хорошее место для Ахетатона в другом месте", — и я не послушаю ее…»

Затем царь перечисляет различные постройки, которые он возведет в Ахетатоне, и говорит: «*Пусть сделают мне гробницу в восточной горе; мое погребение будет совершено в ней… и погребение главной царской супруги Нефертити будет совершено в ней… и погребение царской дочери Меритатон будет совершено в ней… Гробницы „Великого Зрящего", и божественных отцов Атона, и жрецов Атона… гробницы сановников будут сделаны в восточной горе Ахетатона, и они будут погребены в них*».

Речь царя приводит на память старую французскую поговорку: *Qui s'excuse s'accuse* — «кто оправдывается, тот сам себя обвиняет», — и по впечатлению этот новый город кажется на редкость похожим на убежище для юного царя, который под влиянием неведомых сил при царском дворе стал пророком и устами политико-религиозного движения.

С этой минуты, должно быть, закипела великая деятельность, ибо новая царская столица быстро выросла и расцвела. Поднялись храмы и гробницы, дворцы и жилища. Молоток опередил резец: от самых южных до самых северных пределов державы имя Амона сбивали, а имя Атона высекали. Старый и уже отошедший от дел Аменхотеп III был лишен своего личного имени и провел остаток

жизни лишь с тронным именем Небмаатра. Атон, будучи богом царской столицы, стал главным богом страны.

В новом своем местопребывании учение об Атоне пышно расцвело, но, как большинство заморских растений, прожило недолго — едва десять или одиннадцать лет.

Когда верх одержали сторонники Амона, город Ахетатон был разрушен, а мумию царя, погребенную в царской гробнице в восточной горе, перенесли в грубо высеченную в скале камеру в Долине царей, чтобы уберечь ее от гнева победившей стороны. Судя по оттискам печатей, найденным в этом тайнике, перенос, по-видимому, задумал и осуществил Тутанхамон.[1]

[1] Этот тайник Эхнатона, открытый в Долине царей мистером Теодором М. Дэвисом в 1907 году, был по какой-то неясной причине назван «Гробницей царицы Тии». Однако найденная в нем мумия принадлежит мужчине, и данные указывают, что это мумия Эхнатона. Недавно мистер Энгельбах, хранитель Каирского музея, исходя из надписей на гробе, привел доводы в пользу того, что это останки Сменхкары, но, как указал мне доктор Алан Гардинер, эти надписи относятся к женщине, а не к мужчине. Хорошо известно, что при древних перевозках царских мумий в более надежные места, особенно после ограблений, для этого брали любой временный или пригодный гроб, оказавшийся под рукой.

Останки скелета Эхнатона тщательно исследовал профессор Эллиот Смит, который утверждал, что возраст умершего около двадцати пяти или двадцати шести лет; однако под настойчивым нажимом археологов он сказал: «Ни один анатом не вправе отрицать, что этому человеку могло быть двадцать восемь лет, но крайне маловероятно, чтобы он мог достичь тридцати, если был нормален». Доктор Дуглас Дерри также исследовал скелет и пришел к заключению, что он принадлежал мужчине не старше примерно двадцати четырех лет.

Однако скульптура с одного карнакского памятника, датированная V годом царствования, изображает Эхнатона еще

под его прежними именами и в сопровождении двух дочерей, младшей из которых не меньше года. Значит, царю тогда было не меньше пятнадцати-шестнадцати лет, и если прибавить последующие двенадцать лет царствования, трудно допустить, чтобы ко времени смерти ему было меньше двадцати семи или двадцати восьми лет.

Эта оценка возраста Эхнатона едва ли сильно ошибочна, ибо, пытаясь восстановить даты и события царствования, обнаруживаешь, что царю шел самое большее двадцать восьмой год, когда он умер, и даже возможно, что он умер двадцати семи лет. Физических причин считать его старше, конечно, нет, но законы природы не позволяют считать его моложе.

Так как у нас есть даты царствования Эхнатона на винных кувшинах, найденных в Эль-Амарне, вплоть до XVII года, довольно ясно, что он взошел на престол около десяти лет от роду; а так как это событие, по-видимому, произошло к концу XXXI года царствования его отца, он должен был родиться в XXI год царствования этого царя.

Это значит, что Аменхотеп IV был женат на царевне Нефертити, когда ему было около десяти лет.

Кем на самом деле была Нефертити, неизвестно. Ничто не говорит нам и о ее возрасте, кроме различных сцен на памятниках, где она кажется примерно ровесницей мужа. По праву ей следовало быть наследной царевной, ибо весьма сомнительно, чтобы царевич мог царствовать иначе как муж наследницы царства, право на которое по древнеегипетскому закону престолонаследия передавалось по женской линии. Ее считали дочерью царицы Тии, но это оспаривалось. По мнению Питри, она, возможно, была Тадухепой, дочерью царя Митанни Душратты от египетской царевны, и в Египте получила имя

Нефертити, позднее измененное на Нефернеферуатон-Нефертити. Клинописное письмо Душратты показывает, что Аменхотеп III просил у него дочь, чтобы она стала владычицей Египта, а в другом письме Душратта называет Напхуририю (по-видимому, клинописная передача имени Неферхеперура, то есть Аменхотепа IV) своим зятем и говорит о себе как о тесте; так что при таких фактах Тадухепа и Нефертити, возможно, одно и то же лицо, но ничто пока этого не доказывает. Вероятнее, что она была дочерью Аменхотепа III, ибо именно через этот брак царевич Аменхотеп (IV) взошел на престол.

В последовательности дальнейших событий важно принять в расчет наступление зрелости. В Англии по закону зрелость наступает у мальчиков в четырнадцать лет, у девочек в двенадцать; в Египте, по словам доктора Салех-бея Хамди, у мальчиков она наступает около двенадцати-тринадцати лет, а в эпоху династий, возможно, и раньше. Таким образом, у Аменхотепа IV не будет неразумным отнести это к возрасту двенадцати-тринадцати лет, то есть ко II–III годам его царствования.

Теперь наше внимание сосредоточивается на шести маленьких девочках — детях, рожденных в его браке с Нефертити. Если положить в среднем по пятнадцать месяцев между рождением каждого ребенка, а зрелость отнести к возрасту между двенадцатью и тринадцатью годами, то Аменхотепу IV исполнилось бы двадцать лет, когда родилась его шестая, младшая дочь Сетепенра, то есть незадолго до или вскоре после завершения X года царствования. Старшая дочь, Меритатон, в таком случае родилась, по-видимому, к концу IV года его царствования, а вторая дочь, Мекетатон, — когда он завершил V год царствования: карнакский памятник, датированный «годом

V», о котором говорилось выше, показывает двух дочерей. По этому же расчету третья царевна, Анхесенпаатон, родилась в начале VII года его царствования: пограничная стела в Эль-Амарне, датированная «годом VI» и сколькими-то месяцами, с последующей датой «год VIII», показывает трех дочерей — Меритатон, Мекетатон и Анхесенпаатон. Следует, однако, заметить, что фигура Анхесенпаатон выглядит так, будто ее могли добавить уже после первоначального замысла стелы. Таким образом, четвертая, пятая и шестая дочери появились на свет приблизительно так: Нефернеферуатон-Ташерит — в середине VIII года, Нефернеферура — к концу IX года, а Сетепенра — около завершения X или в начале XI года царствования.

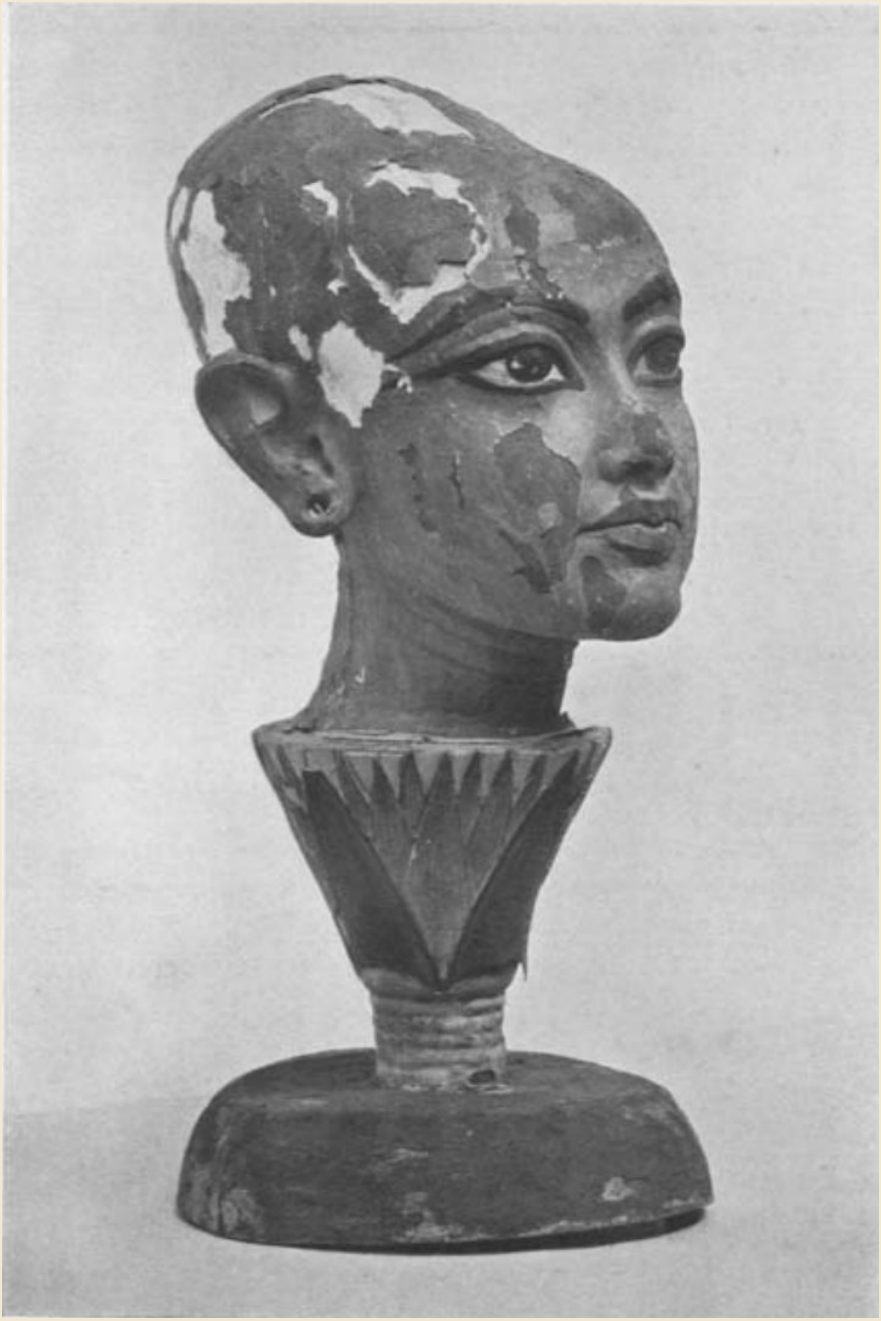

Таблица I. Портретная голова Тутанхамона. Резная и расписная деревянная голова юного царя-отрока, изображенного, по обычаю, поднимающимся из цветка лотоса, подобно юному богу Солнца, вышедшему из первозданных вод. Найдена во входном коридоре гробницы

В гробнице Мериры II в Эль-Амарне есть сцена «Приношение дани Юга царю», датированная «годом XII» и сколькими-то месяцами. Здесь за царем и царицей стоят шесть их дочерей. Шестая дочь, Сетепенра, изображена уже умеющей ходить и играющей со своей сестрой Нефернеферура, которая держит на руках маленькую газель; это говорит о том, что младшей дочери шел уже второй год, — то есть был XII год царствования и сколько-то месяцев. Во многих подобных сценах в частных гробничных часовнях Эль-Амарны, изображающих этих детей, относительный возраст каждой девочки показан ее ростом. Такое тщательное различение исключает возможность рождения близнецов и потому полезно при определении их возраста.

Подобный расчет, конечно, нельзя считать точным, но ошибка в нем вряд ли больше года. Свидетельство этой датированной сцены позволяет подтвердить приблизительный возраст царя в час смерти: двенадцать с половиной лет до зрелости, да семь с половиной лет на шесть дочерей, да два года — возраст младшей дочери, всего 22 года, что приходится на XII год царствования и сколько-то месяцев; да еще оставшиеся 5 лет его царствования — всего 27 лет. Поэтому не кажется неразумным отнести «Приношение дани Юга» ко времени, когда царю шел двадцать третий год, а его смерть — к какому-то времени на двадцать восьмом году жизни.

Хотя переворот и в религии, и в искусстве заметен уже на фиванских памятниках ранних лет Аменхотепа IV, письмо к царю,

датированное «годом V, 7-м месяцем, 14-м днем», от его управителя в Мемфисе, где царю даны титулы «Великий властью в Карнаке, правитель Фив» и упомянуты Птах и другие боги, ясно показывает, что царь был тогда еще в Фивах и еще не оставил старой веры. Кроме того, надписи на винных кувшинах, найденных в Эль-Амарне, до V года идут под именем Аменхотепа (IV), а с VI по XVII год — под именем Эхнатона; и самое раннее упоминание нового имени царя (Эхнатон), по-видимому, находится на пограничных стелах Ахетатона, датированных VI годом, 8-м месяцем, 13-м днем.

При таких фактах царь перенес свой двор на новое место не раньше чем в VII году своего царствования; и Атон тоже не достиг господства и не получил своих полных имен и титулатуры — «*Да живет благой бог, радующийся истине, владыка всего, что объемлет Атон, владыка неба, Атон живой, великий, озаряющий Обе Земли, да живет Отец: „Да живет Ра, Хорахте, ликующий на небосклоне во имени своем: «Шу, который есть Атон»“, наделенный жизнью во веки веков, Атон живой, великий, пребывающий в юбилее, обитающий в храме Атона в Ахетатоне*», — раньше этой даты. Именно тогда, при посредстве своего сына и пророка, он обрел бесспорное первенство как царь-бог вселенной. И, как полагает Ганн, новое имя царя, Эхнатон (то есть «Благо Атону»), может прямо намекать на это счастливое восстановление. Следует, однако, заметить, что по какой-то причине имена Атона в картушах были изменены. Вместо прежних форм, приведенных выше, мы находим: «*Да живет Ра, правитель небосклона, ликующий на небосклоне во имени своем: „Ра-Отец, вернувшийся как Атон“*». Эта перемена имени, по-видимому, отмечает какое-то событие и произошла, кажется, около VIII года царствования.

Выразительные и трогательные изображения в царской гробнице в Эль-Амарне показывают, что вторая дочь царя, Мекетатон, умерла еще в нежном возрасте. В сцене ее погребения мы видим всю царскую семью и всех домочадцев, оплакивающих тело этой маленькой девочки. В этой сцене плача Меритатон, Анхесенпаатон и Нефернеферуатон-Ташерит изображены соответственно их возрасту, а четвертая дочь, несомненно Нефернеферура, показана младенцем на руках у кормилицы. Мекетатон, по-видимому, умерла вскоре после рождения сестры Нефернеферура, когда ей было около пяти с половиной лет, то есть в начале X года царствования ее отца.

Относительно даты смерти Аменхотепа III приходится полагаться на догадки; вероятно, он умер примерно в то же время, что и Мекетатон. Через год или около того после этого события мы видим Эхнатона уже с другим соправителем. Наследная царевна Меритатон, которой могло быть не больше девяти лет, была выдана замуж, возможно, чтобы предотвратить какую-то смуту, за малоизвестного царевича, известного нам под именем Сменхкара. Когда именно состоялся этот брак, неясно, но последовательность дальнейших событий указывает, что он состоялся около XIII года царствования Эхнатона. Из надписи на одной гробнице в Фивах мы узнаем, что это царствование длилось три года и несколько месяцев; известно нам и то, что Тутанхатон был преемником Сменхкары, но мы не уверены, наследовал ли он Сменхкаре или Эхнатону, иными словами — был ли Тутанхатон на короткое время соправителем Эхнатона или нет. Но поскольку его первоначальное имя содержит имя Атона и поскольку первоначальный замысел его светского трона — вспомним человеческие руки у диска Атона вместе с именами Атона и царя в картушах (т. I, таблица II) — основан на чистом амарнском

искусстве и почитании Атона, приходится думать, что Тутанхатон какое-то время был соправителем Эхнатона.

В гробнице Мериры II, где мы находим историческое событие «Приношение дани Юга царю», датированное «годом XII», есть неоконченная сцена, изображающая нового царя Сменхкару и его жену Меритатон. Так как росписи в этой гробнице по логике вещей должны были выполняться в какое-то время после XII года, то XIII–XIV год было бы не лишено основания считать датой неоконченной сцены. В сцене дани Меритатон изображена незамужней, следовательно, ее брак со Сменхкарой должен быть позже этой даты. Во всяком случае, последняя дата царствования Эхнатона — XVII год, сцена дани датирована XII годом и сколькими-то месяцами, следовательно, у нас есть самое большее пять лет, в которые нужно уместить соправление Сменхкары, длившееся несколько больше трех лет, а за ним — Тутанхатона.

Попутно следует отметить, что к концу царствования Сменхкары есть явные свидетельства того, что древняя религия Фив — культ Амона — снова начинает давать о себе знать. А на так называемом церковном троне Тутанхатона, хотя он и основан на амарнском искусстве и почитании Атона, имена Атона и Амона стоят рядом в своем первоначальном виде (см. главу IV); на его же светском троне в некоторых местах имя Атона стерто и заменено именем Амона (см. т. I).

Итак, из записанных данных мы ясно видим, что первенство божественного и царственного «Отца Атона» не могло длиться больше десяти лет или около того, а именно с какого-то времени в VII году до XVII года царствования Эхнатона.

Надпись на ларце, найденном в гробнице Тутанхамона, где приведены 1) полная титулатура Эхнатона, за ней 2) титулатура Анххеперура Мери-Неферхеперура с личным именем

Нефернеферуатон Мери-Уаэнра и 3) имя и титулы великой царской супруги Меритатон, — неоспоримое свидетельство соправления этих двух царей. Картуши на двух шишечках ларца, а именно «Анххеперура, возлюбленный Неферхеперура» и «Нефернеферуатон, возлюбленный Уаэнра», доказывают, кому принадлежал ларец (то есть Сменхкаре); следовательно, не было бы причины помещать на крышке совместную титулатуру двух царей, если бы они не были соправителями. А имя и титулы великой царской супруги Меритатон в конце этой совместной титулатуры показывают, что Анххеперура стал царем по древнеегипетскому закону престолонаследия — через брак с наследницей царства, наследной царевной. Но кто был Анххеперура — Сменхкара Джесерхеперу, — чьи имена, как мы узнаем из приведенной надписи, были изменены на Анххеперура, возлюбленный Неферхеперура, и так далее? Нет документа, который сказал бы нам это, но эпитеты, данные этому царю-отроку и прямо образованные от тронного имени самого Эхнатона, указывают по меньшей мере на близкое родство и даже наводят на мысль, что он мог быть сыном царя. Такое предположение вполне мыслимо, ибо при XVIII династии было в обычае женить царевичей от неофициальных жен или наложниц на их сводных сестрах от главной жены, когда у главной жены не было живых сыновей. Немногие памятники, в которых можно узнать этого царя-отрока, показывают сходство с Эхнатоном. Можно привести и другой довод. Если, исходя из поразительного сходства в строении Тутанхатона с его тестем Эхнатоном, считать его сыном Эхнатона от неофициальной жены (а я полагаю, что так оно и есть), то крайне маловероятно, чтобы первенство было отдано тому (Сменхкаре), кто не был его (Эхнатона) сыном.

Примечательная стела в Берлинском музее (№ 17813) считалась изображением Эхнатона и его царицы Нефертити, но двойная корона на одной фигуре и корона *хепреш* на другой ясно показывают, что здесь изображены *два царя*, а не царь и его супруга. Изображенные царственные особы, я полагаю, несомненно Эхнатон и его соправитель Сменхкара, или, вернее, Нефернеферуатон Мери-Уаэнра, как нам следует теперь его называть.

Как указывает Ньюберри, «близкие отношения между фараоном и юношей, показанные сценой на этой стеле, напоминают отношения между императором Адрианом и юным Антиноем». В связи с привязанностью Эхнатона к юноше можно указать, что Ганн и Вулли отметили весьма примечательный факт, касающийся царицы Нефертити, в Эль-Хавате (одном из мест Эль-Амарны), который, быть может, имеет некоторое отношение к этой близости между царем и юношей. В Эль-Хавате, пишет Вулли,

> «как нигде больше, имя царицы почти повсюду было тщательно стерто, а поверх, по камню, написано имя ее старшей дочери Меритатон; отличительные приметы царицы были замазаны цементом, черты лица перерезаны, а голова увеличена до преувеличенно вытянутого черепа старшей царевны… Владение этим святилищем или покровительство над ним перешло от матери к дочери либо еще при жизни первой, либо после ее смерти».

Поэтому не исключено, что Нефертити умерла около времени этого соправления. Ее смерть даже могла отчасти стать причиной этого брака.

Если Сменхкара взошел на престол около XIII года царствования Эхнатона и был его сыном, ему могло быть не

больше девяти-десяти лет, когда его женили на старшей царевне, которая была примерно того же возраста.

Ньюберри обращает внимание и на то, что «есть, вероятно, еще один памятник, где Сменхкара изображен рядом со своим тестем Эхнатоном. В 1894 году Хекекьян-бей, копая близ огромной поверженной статуи Рамсеса II в Мемфисе, нашел несколько обломков скульптуры времени амарнских царей. На одном из них, ныне находящемся в музее Сиднейского университета в Австралии, есть надпись, упоминающая храм Атона в Мемфисе. Другой обломок скульптуры показывает юного царя с опахалом из страусовых перьев в руке и в двойной короне, с уреем над челом; перед ним мы видим предплечье и часть ниспадающих одежд гораздо более крупной фигуры, которая, очевидно, изображала другого царя. Борхардт справедливо истолковал эту сцену как изображение Эхнатона и его соправителя Сменхкары».

Этот обломок скульптуры, по-видимому, подтверждает догадку, что Сменхкара был еще мальчиком, когда взошел на престол как соправитель. Датированные надписи его царствования на винных кувшинах, найденных в Эль-Амарне, доходят до II года; надпись на кувшине для масла датирована III годом; а упомянутая выше надпись на поминальной часовне в Фивах, оставленная жрецом-*уаб* Амона по имени Пере, датирована «годом III, третьим месяцем половодья, днем 10». Небольшая известняковая плита с раскрашенным рельефом юного царя и царицы из Эль-Амарны, ныне в Берлинском музее (№ 15000), по всей вероятности, изображает этого юного царя и его жену Меритатон.

Этим почти исчерпываются почерпнутые из памятников сведения о недолгой жизни Сменхкары. Родившись, вероятно, в IV год царствования Эхнатона, он после короткого и неясного

царствования, около тринадцати лет от роду, исчезает в забвении, а вместе с ним и его жена, и престол, или, вернее, как я полагаю, соправление, перешел к следующему притязателю, или последнему наследнику, — Тутанхатону.

Мы уже отмечали, что вторая дочь, Мекетатон, умерла незамужней. Таким образом, наследницей стала третья дочь, Анхесенпаатон, и ее выдали за Тутанхатона («Живое подобие Атона»), как он тогда звался, — того самого Тутанхамона («Живое подобие Амона»), который теперь так хорошо нам знаком. Когда состоялся этот брак, можно только гадать. Вероятно, это произошло еще при жизни Эхнатона, к самому концу его царствования, когда Анхесенпаатон было около десяти лет, а Тутанхатону всего девять.

Совокупность данных, полученных при очень тщательном анатомическом исследовании мумии Тутанхамона, доказывает, что он, без сомнения, умер юношей лет восемнадцати (см. т. II). Кусок полотна, найденный в Долине царей, был помечен: «*Благой бог, владыка Обеих Земель, Небхеперура* (Тутанхамон), *возлюбленный Мином: полотно года VI*», но более поздние надписи на винных кувшинах, найденных в его гробнице и датированных «*Годом IX. Вино дома Тутанхамона с Западной реки*», указывают, что он царствовал не меньше девяти лет (см. главу IV).

Оценку его возраста при восшествии на престол вполне подтверждают его портретная голова, поднимающаяся из цветка лотоса (таблица I), и статуэтка на его золотом посохе (т. II, таблица VII), изображающая пухлую маленькую фигурку во всем облике крайней юности; а возраст его смерти подтверждает его золотая маска (т. II, фронтиспис), которая верно передает его черты и показывает его мягким, утонченным на вид юношей, уже на исходе отрочества.

О его происхождении у нас нет убедительных данных, и нам остаются лишь предположения, основанные на здравом смысле. Поскольку маловероятно, чтобы он был простым человеком, мы должны, за неимением лучших сведений, допустить, что он был царской крови и имел какое-то косвенное право на престол сам по себе. Для этого у нас есть некоторые основания. Общая форма его головы, очень необычного склада, так похожа на голову его тестя, что более чем вероятно кровное родство между двумя царями. В сущности, это поразительное сходство делает вероятность кровного родства почти уверенностью. Когда мумию разворачивали, первым и самым сильным впечатлением у всех присутствовавших было его поразительное сходство в строении с Эхнатоном. И, рискуя наскучить, повторю: это сильное сходство — слишком явное, чтобы счесть его простой случайностью, — открывает историку этой поры совершенно новую сторону дела, которая может пролить свет и на недолгого Сменхкару, и на Тутанхамона: оба они, как мы знаем, получили престол, женившись на дочерях Эхнатона. Темнота их происхождения становится понятной, если эти два царевича были детьми от неофициального брака — предположение вовсе не невероятное, ведь в царской семье XVIII династии тому есть примеры, а именно браки царевичей от вторых жен или наложниц с их сводными сестрами от официальной жены, когда у нее (официальной жены) не было живых сыновей.

Есть все основания полагать, что у Эхнатона были и другие жены, ибо Душратта, царь Митанни, в письме к нему шлет приветы его (Эхнатона) другим женам (см. т. II).

Сила жреческой партии Амона, как мы уже видели, в царствование Сменхкары быстро росла. Вопрос о наследнике престола должен был тогда стать жизненно важным, и можно не

сомневаться, что борьба придворных партий была в разгаре. И раз у царицы Нефертити не было сына, не более ли чем вероятно, что соправителем и преемником избрали сына от менее значительного брака? Его женитьба на старшей из оставшихся в живых официальных дочерей последовала бы сама собой.

Следует, однако, упомянуть и другую сторону дела, которую нельзя упускать из виду. Родственные черты, заметные у Тутанхамона, могли перейти к нему прямо от Эхнатона или через царицу Тии. Особенности телосложения, которые видны у всех этих царей, называемых еретиками, не встречаются ни у кого из членов предшествующего рода Аменхотепов, но заметны на некоторых более личных, в отличие от более условных, портретах царицы Тии, от которой Эхнатон, по-видимому, и унаследовал свои телесные особенности. В надписи на гранитных львах из Гебель-Баркала, ныне находящихся в Британском музее (№ 431), Тутанхамон говорит, что он «*восстановил памятники отца своего, царя Верхнего и Нижнего Египта, владыки Обеих Земель, Небмаатра, сына Ра, Аменхотепа* (III)» и так далее. Фамильные реликвии, или предметы семейного достояния, такие как золотая статуэтка Аменхотепа III на шейной цепочке и прядь волос царицы Тии, уложенная в ряд миниатюрных гробов, подражающих царскому погребению, были найдены среди погребальной утвари этой гробницы (см. главу II). Они говорят о близком родстве с этими предшественниками — родстве, которое заметно в профиле золотой маски Тутанхамона (т. II, таблица XXIII) и берлинской головы царицы, возможно Тии (Дэвис, «Гробница царицы Тии», таблица XXXV). Кроме того, из охотничьих скарабеев Аменхотепа III и из погребальной утвари этой гробницы мы узнаем, что забавы юного правителя — охота — были очень похожи на забавы Аменхотепа III; а этих

склонностей нет в жизни Эхнатона. Но против этих фактов есть следующие возражения. Хотя Тутанхамон и мог быть сыном Аменхотепа III от царицы Тии или от второй жены или наложницы, родиться он должен был в XXXIX год царствования этого царя. Сцены, изображающие старого царя и царицу и вполне могущие относиться к более позднему времени, показывают рядом с ними только одну дочь, Бакетатон. А если он был сыном Аменхотепа III от второй жены или наложницы, перед нами встает вопрос о телесных особенностях, заметных у Эхнатона и Тутанхамона, которые, по-видимому, унаследованы от царицы Тии — у Тутанхамона, вероятно, через ее сына Эхнатона. Вероятнее, думаю я, что слово «отец» в надписи на львах из Баркала имеет совсем иной смысл, то есть это обычное обозначение, которым древнеегипетские фараоны называли своих предшественников, вовсе не подразумевая непременно ближайшего родителя.

Впрочем, на одной плети, найденной в этой гробнице, упомянут «царский сын» по имени Тутмос (см. главу II).

К сожалению, египетские памятники на редкость сдержанны в отношении внебрачного потомства, но мы все же замечаем — особенно на таких изображениях, как в гробничных часовнях Паренефера и Эйе в Эль-Амарне, — женские покои при дворце, отведенные для женщин и прислуги, со стражами у дверей. Здесь среди множества женщин есть даже чужеземки, а на видном месте изображена девушка чуть старше Меритатон по имени «Сестра великой царской супруги Нефертити, Бенретмут», которую сопровождают карлики (см. главу IV) с шутливыми прозвищами «Везир царицы Эрнехех» и «Везир своей матери Паре». Быть может, именно в этих покоях и следует искать мать двух мальчиков — Сменхкары и Тутанхамона.

Есть еще одно обстоятельство, которое может пролить свет на этот вопрос. Одним из высших сановников государства после государя был Эйе, а его жена, по имени Тии, была «Великой кормилицей», «Кормилицей великой царской супруги Нефертити», «Воспитательницей богини» (то есть царицы) и «Наложницей царя». Среди титулов Эйе мы находим «Везир», «Носитель опахала по правую руку царя», «Начальник конницы», «Глава друзей царя» и «Божественный отец». Последний титул может означать, что царь был женат на его дочери. Оглянувшись назад, мы видим, что тот же самый титул получил Юя, сановник куда менее значительный, отец царицы Тии и тесть Аменхотепа III; а забегая немного вперед, мы видим, что первое, что предстает перед нами в погребальной камере Тутанхамона (т. II), — это Эйе в облике царя, с царскими знаками власти, совершающий обряд перед «Осирисом» (умершим) Тутанхамоном, причем его титул и имя — «Божественный отец Эйе» — заключены в царский картуш: таково личное имя фараоновой титулатуры, принятой Эйе.

Что между царем-отроком и сановником Эйе была какая-то связь, ясно показывает кусок золотой фольги, найденный мистером Теодором М. Дэвисом в Долине царей. На этом куске золота выбита сцена, где Тутанхамон замахивается серповидным мечом на ливийского врага перед высоким сановником «божественным отцом Эйе», который простирает левую руку к царю, а в правой держит свое опахало из страусовых перьев — знак должности. Царь назван здесь «Владыка Обеих Земель, Небхеперура, дающий жизнь, подобно Солнцу, навеки», а позади него стоит «великая царская супруга Анхесенамон» (прежде называвшаяся Анхесенпаатон). Эта сцена не имеет примеров, ибо положенный обряд поражения врага Египта всегда совершается царем перед божеством.

Довольно ясно, что, хотя к концу царствования Сменхкары в Фивах заметно усиление культа Амона, в царской столице Ахетатоне все еще господствовал Атон. Свидетельство тому — изображение на спинке светского трона Тутанхамона, которое явно несет все приметы амарнской ереси. Впоследствии, в угоду колебаниям в делах веры, имя Атона в некоторых местах было стерто и вместо него вписано имя Амона (см. т. II). Среди перстней с тронным именем Тутанхамона, найденных в Эль-Амарне, встречается совместное чтение с именами Атона и Амона, а на его церковном троне имена Атона и Амона беспрепятственно стоят рядом (см. главу IV). Такие данные убедительно показывают, что он начинал как почитатель Атона и что возвращение к прежнему учению шло постепенно, а не сразу. По-видимому, окончательная перемена произошла, когда он покинул столицу амарнской ереси и перенес двор обратно в Фивы, — событие, которое, вероятно, случилось вскоре после смерти Эхнатона.

Поэтому у нас есть все основания полагать, что и Тутанхамон, и Анхесенамон были еще детьми, когда наследовали Эхнатону. Положение престола было непрочным, и опасным оно, должно быть, было для этих детей в тот особенный час истории их страны.

Ясно, что в первые годы этого царствования детей за престолом должна была стоять какая-то сила. Этой силой, очевидно, был Эйе, о котором мы знаем по памятникам, что он был очень близким и личным другом Эхнатона и который, без сомнения, став регентом, обеспечил престол себе после смерти Тутанхамона. Возможно даже, что Эйе во многом и возвел мальчика на престол. Как бы то ни было, царем Эйе заканчивается знаменитая XVIII египетская династия.

Во внутренней сокровищнице этой гробницы были найдены два полных миниатюрных погребения. В них лежали мумии двух мертворожденных младенцев (см. главу II). Оба безымянны, но погребены под именем отца, Тутанхамона, ибо так и не пришли в этот мир живыми! Было ли это следствием какого-то недуга юной царицы Анхесенамон или следствием политических происков, окончившихся преступлением? Боюсь, на эти вопросы ответа не будет никогда, но можно предположить, что, останься один из этих младенцев в живых, Рамсесов, быть может, и не было бы.

Так престол перешел в руки великого управителя двора и «божественного отца» Эйе, который, судя по недавно найденному перстню с его картушем и картушем Анхесенамон, по-видимому, сочетался браком с юной вдовой-царицей. Судя по стеле в Берлинском музее, он царствовал около четырех с половиной лет после смерти Тутанхамона, пока его наконец не сменил знаменитый полководец Хоремхеб, основатель XIX египетской династии.

Когда я писал эту заметку о царях XVIII египетской династии, я узнал, что экспедиция Чикагского университета нашла близ Мединет-Абу надпись с датой даже XXVII года и сколько-то месяцев царствования Хоремхеба. Профессор Брестед в своих «Древних записях» (т. I) приводит следующее замечание:

> «При Рамсесе II в записях одной судебной тяжбы упоминается судебное разбирательство в 59 год Хоремхеба. Так как очевидно, что Хоремхеб взошел на престол не молодым человеком, крайне маловероятно, чтобы он царствовал почти 60 лет. Самая поздняя известная дата на памятниках его царствования — 21 год. Поэтому вероятно, что в начале XIX династии, когда составлялась летопись для государственных дел непосредственно предшествовавших царствований, годы Эхнатона и его

преемников были присоединены к царствованию Хоремхеба, а имена царей, когда-либо причастных к амарнской ереси, были вычеркнуты из записей…»

Если же исключить неясное и недолгое царствование Сменхкары как соправление внутри правления Эхнатона и если, как мы теперь узнали, царствование Хоремхеба продлилось далеко в XXVIII год, то следующий расчет, если он не простое совпадение, поистине очень заманчив: царствование Эхнатона — 17½ лет, Тутанхамона — 9½ лет, «божественного отца» Эйе — 4½ года, Хоремхеба — 27½ лет; всего 59 лет.

* * *

Говоря словами Метерлинка, было бы легко снабдить каждое утверждение приведенного выше текста частоколом сносок и ссылок. Во многих местах сам текст утонул бы в массе комментариев, совсем как в тех книгах, которые мы так ненавидели в школе. Поэтому я привожу здесь краткий перечень литературы и статей, относящихся к названным выше царям, причастным к так называемой амарнской ереси.

Б. Ганн. *Notes on the Aten and His Names* // The Journal of Egyptian Archaeology, IX, с. 168 и сл.; Дж. Г. Брестед. *Ancient Records of Egypt*, т. I, с. 43, прим.; т. II, § 841, 843, 870–874, 875, прим., 877, 921 и сл.; Н. де Г. Дэвис. *Rock Tombs of El Amarna*, т. II, с. 43, таблицы XXXVII, XXXVIII, XLI; т. III, с. 15 и сл., таблицы XIII, XVII, XVIII; т. V, с. 28 и сл., таблицы XXXIII, XXXIV, XXXVI, XLIII; т. VI; Н. де Г. Дэвис. *Akhenaten at Thebes* // The Journal of Egyptian Archaeology, IX, с. 146, прим. 4; А. Г. Гардинер. *Egyptian Grammar*, с. 204; Ф. Л. Гриффит. *Papyri, Kahun and Gurob*, 1898, таблица XXXVIII; Лепсиус. *Denkmäler*, III, с. 81, e, 188, i; П. Э. Ньюберри. *Scarabs*, с. 170–173, 176; П. Э. Ньюберри. *Akhenaten's Eldest Son-in-law, Ankhkheprure* // The Journal of Egyptian

Archaeology, XIV, с. 3–9; П. Э. Ньюберри. *King Ay, the Successor of Tutánkhamūn* // The Journal of Egyptian Archaeology, XVIII, с. 50 и сл.; Пит и Вулли. *The City of Akhenaten*, с. 123; У. М. Ф. Питри. *Tell El Amarna*, с. 32, таблица XV, 118; У. М. Ф. Питри. *A History of Egypt*, II, с. 179, 183, 207–209; У. М. Ф. Питри. *Medum*, с. 37; Присс. *Monuments*, XI, с. 3; *Recueil de Travaux*, Égypte, VI, с. 52; XXXII, с. 88; Эллиот Смит. *The Tomb of Queen Tiyi* (Mr. Theo. M. Davis's Excavations), с. XXIII и сл.; Дарресси. *The Tomb of Harmhabi and Touatânkh-Amanou* (Mr. Theo. M. Davis's Excavations), с. 128, рис. 4, 134 и сл., рис. 15; *Zeitschrift für Ägyptische Sprache*, LV, 20.

ГЛАВА I. КАМЕРА ЗА ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРОЙ

✦

(Сокровищница)

Ход нашей работы привел нас к тому, что настала пора обратить силы на сокровищницу за погребальной камерой (см. т. I), которую в этом случае, пожалуй, вернее назвать «Внутренней сокровищницей».

Размеры этой комнаты — не более 15 футов 8 дюймов на 12 футов 6 дюймов, высота — 7 футов 8 дюймов. Вход в нее — низкий открытый проем, вырубленный в северном конце западной стены погребальной камеры. Она чрезвычайно проста, и никакой попытки украсить ее не сделано. Четыре стены и потолок не выровнены, на поверхности скалы еще видны следы последних ударов резца. Словом, комната осталась точно такой, какой ее покинули древние египетские каменотесы, — даже последние известняковые осколки из-под их резцов лежали на полу.

Как ни мала и ни проста эта комната, величественная память прошлого живет в ней не меньше, чем в других. Когда впервые входишь в такое помещение, святость которого оставалась нерушимой более тридцати веков, пришелец испытывает благоговение, если не страх. Кажется почти кощунством тревожить этот долгий покой и нарушать это вечное безмолвие. Даже самый бесчувственный человек, переступив этот нетронутый порог, непременно ощутит трепет и изумление,

рожденные тайнами и тенями того великого Прошлого. Сама неподвижность здешнего воздуха, которую усиливает множество безжизненных вещей, наполняющих комнату и простоявших века за веками так, как их расставили благочестивые руки, рождает неизъяснимое чувство священного долга: прежде чем решиться войти, а тем более к чему-нибудь прикоснуться, невольно задумываешься. Чувства, которые при этом пробуждаются и корень которых — трепет, трудно передать словами; любопытство умолкает; самый звук собственных шагов, малейший шорох лишь усиливают страх и безотчетное благоговение — и пришелец немеет.

Этот зов прошлого заставлял медлить, прежде чем отважиться войти и приступить к исследованию, — пока не вспоминал, что, как бы ни чтил археолог прошлое, долг его — перед настоящим: его дело — истолковать сокрытое и отметить каждый шаг, который может привести его к цели.

Проход в эту комнату, в отличие от других, не был заложен кирпичом и запечатан; из него ясно было видно, что в ней находится. Через несколько дней после того, как мы ее обнаружили (17 февраля 1923 года), сделав беглый осмотр ее содержимого (см. т. I), мы нарочно закрыли проход деревянными досками, чтобы, пока мы занимаемся огромным материалом погребальной камеры, нас не отвлекало и не искушало желание потревожить какой-нибудь из предметов в этой маленькой комнате. Теперь эта деревянная загородка снята, и после четырех лет терпеливого ожидания наше внимание вновь обращено внутрь. Все, что в ней хранилось, снова предстало перед нами — множество предметов, и таинственных, и захватывающе интересных, но по большей части чисто погребальных и глубоко религиозных по своему назначению.

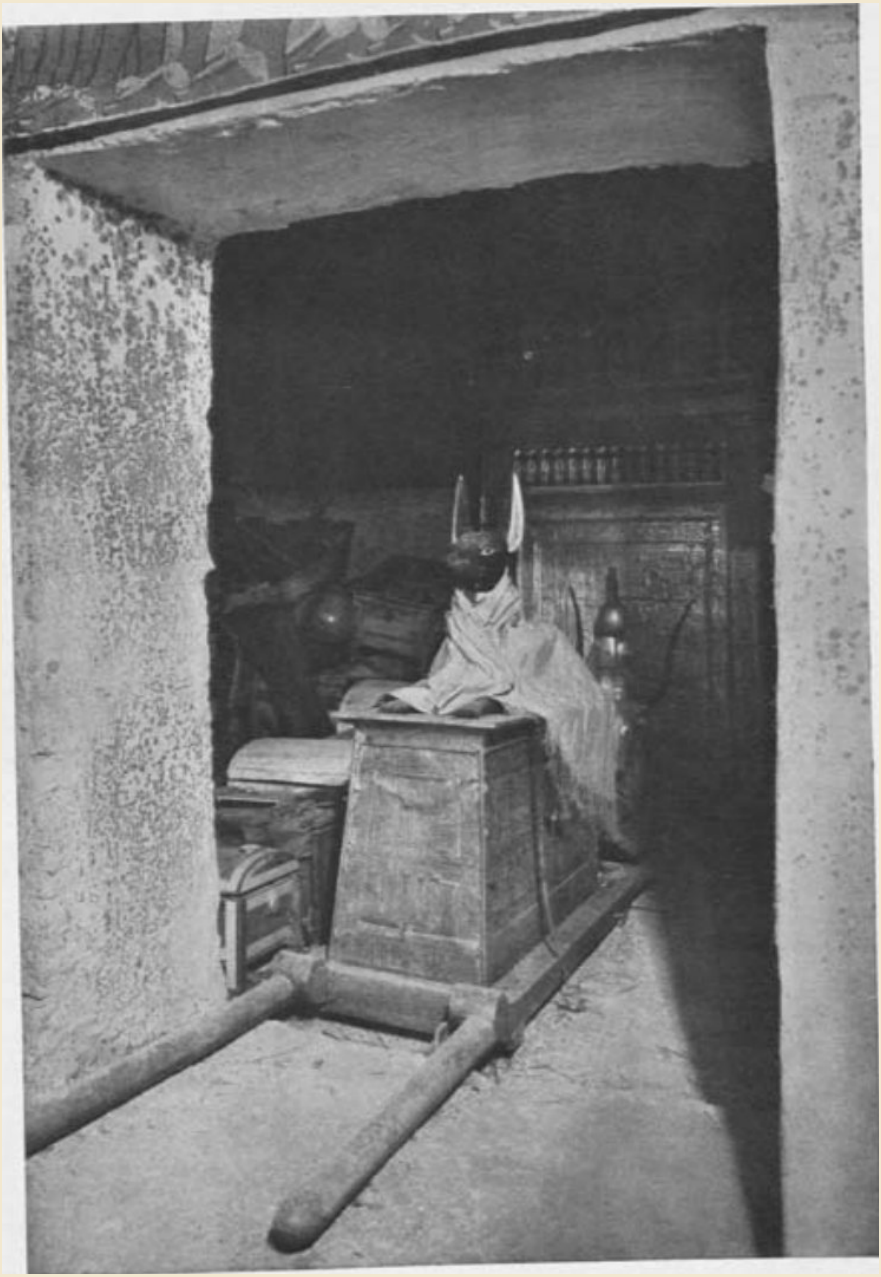

Таблица II. Анубис, охраняющий вход во Внутреннюю сокровищницу

В проходе, почти загораживая вход в комнату, стояла черная фигура пса Анубиса, похожего на шакала; укрытый льняной тканью, он лежал на позолоченном пилоне, установленном на санях с длинными шестами для переноски (таблица II). На полу за порогом, перед пилоном Анубиса, лежал маленький тростниковый факел на глиняной подставке, похожей на кирпич (таблица LII), с заклинанием «отразить врага Осириса (умершего), в каком бы образе он ни явился», а позади Анубиса — странная голова коровы (таблица IV, B): знаки гробницы и иного мира.

Вдоль южной стены, с востока на запад, стояло множество черных, мрачных ларцов в виде ковчегов (таблица III), все закрытые и запечатанные, кроме одного: его двустворчатые дверцы распахнулись, и за ними виднелись окутанные льняной тканью статуэтки царя, стоящего на спинах черных леопардов. С самого дня находки воображение терялось при мысли о том, что могут таить остальные ларцы. Теперь пришло время, когда мы скоро это узнаем.

На этих черных ларцах, без видимого порядка, если не считать того, что все они были обращены кормой на запад, громоздились модели судов (таблица III) с каютами, дозорными площадками, тронами и беседками на корме, в средней части и на палубе позади. А перед ларцами, на деревянной модели житницы, наполненной зерном, стояла еще одна лодка, сделанная тщательнее, — с такелажем и свернутым парусом (таблица III, A). Под этими черными ларцами, в юго-западном углу, находился огромный черный продолговатый ящик (таблица III, B), а в нем — окутанная льняной тканью фигура Осириса.

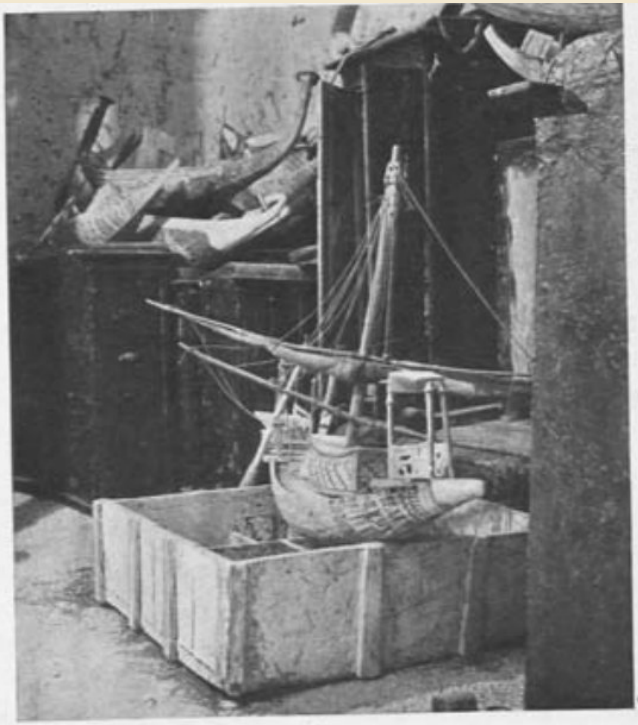
На противоположной стороне, параллельно пилону и саням Анубиса, выстроился ряд ларцов для драгоценностей, прекрасно украшенных слоновой костью, черным деревом и позолоченным гипсом, и несколько ящиков с выпуклыми крышками из простого дерева, выкрашенных белой краской (таблица IV, B). В них хранились украшения и другие драгоценности, но в одном из них, самом простом, крышку которого я приподнял, когда мы впервые вошли в комнату, лежало опахало из страусовых перьев с ручкой из слоновой кости — трогательная и прекрасная память о юном царе, по всей видимости столь же совершенная, как в тот день, когда оно выпало из его рук.

Вдоль северной стороны комнаты (таблица IV, A) было сложено множество разных предметов: еще модели судов; богато украшенный футляр для лука; две охотничьи колесницы, разобранные части которых были сложены одна на другую так же, как у колесниц, найденных в передней камере; а в самом дальнем, северо-восточном углу громоздились друг на друге еще деревянные ящики, маленькие гробы и десять черных деревянных ларцов-беседок, в которых, несомненно, хранились фигурки ушебти — «ответчики» за умершего. Многие из этих предметов были потревожены.

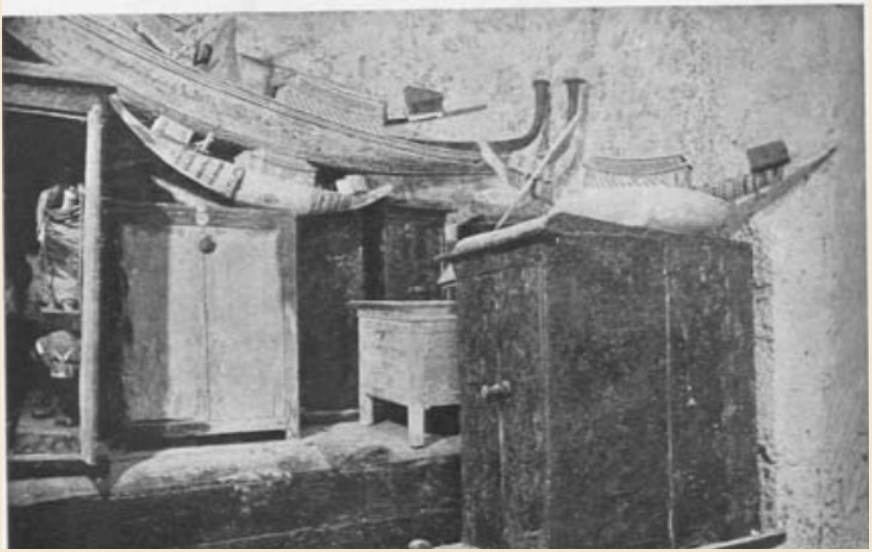
Грабители, бесспорно, проникали в эту маленькую комнату, но в поисках добычи, по-видимому, почти не причинили иного вреда, кроме того, что вскрыли и обобрали ларцы с драгоценностями и некоторые ящики. Немного бусин и крохотные обломки украшений, рассыпанные по полу, сорванные печати и сдвинутые крышки ларцов, складки ткани, свисавшие из открытых ящиков, да кое-где опрокинутый предмет — вот и все видимые с первого взгляда следы их посещения. Грабитель или грабители, должно быть, знали, что хранится в этой комнате, ибо, за редким

исключением, потревожены были лишь те ящики, в которых лежали ценные сами по себе предметы.

Таково было в общих чертах содержимое этой маленькой комнаты за погребальной камерой. Но одного взгляда было довольно, чтобы понять, что главный предмет из всех находится в дальнем конце, напротив входа. Там, у восточной стены, почти касаясь потолка, стоял большой позолоченный балдахин, увенчанный рядами ярко инкрустированных солнечных кобр (таблица V). Этот балдахин на четырех квадратных столбах, установленных на санях, осенял позолоченный ларец в виде ковчега с надписями, относящимися к четырем гениям, или детям Гора. Вокруг этого ларца, свободно стоя с четырех сторон, находились статуэтки богинь-хранительниц — Исиды, Нефтиды, Нейт и Селкет (см. т. I). Ларец в виде ковчега укрывал канопический ларец, а в том, в свою очередь, были четыре вместилища, где хранились внутренности умершего царя.

A

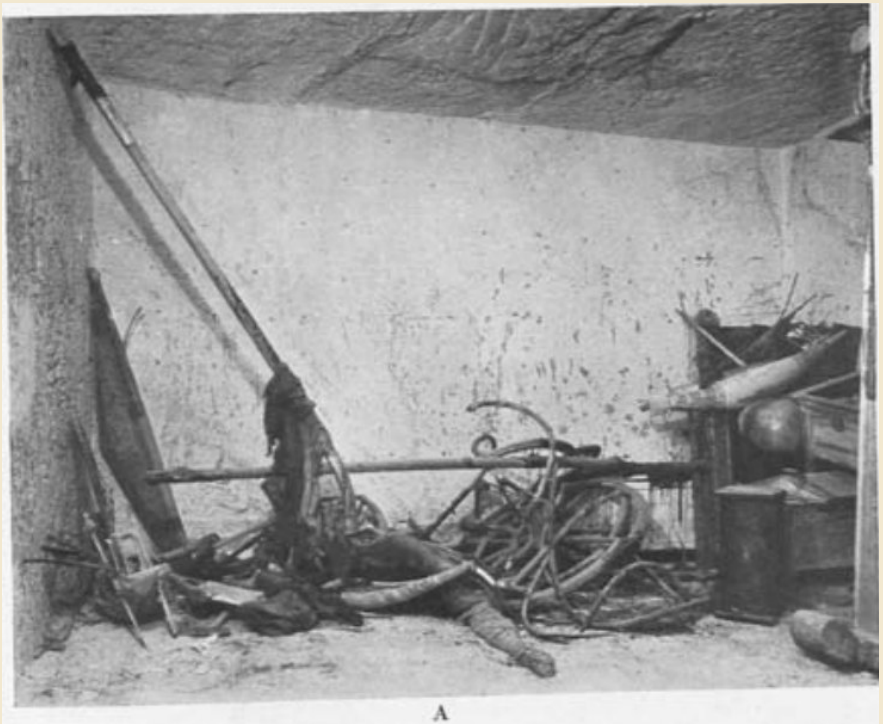

B

PLATE III

INTERIOR OF THE INNERMOST TREASURY : SOUTH SIDE

Таблица III. Внутренняя сокровищница: южная сторона

A

Таблица IV. Внутренняя сокровищница: северная сторона

Очевидно, что все собрание предметов, помещенных в эту комнату, составляло часть одного великого сокровенного замысла и что каждый из них обладает той или иной таинственной силой. Как справедливо говорит доктор Алан Гардинер: «Следует без колебаний признать, что представление о таинственной силе, присущей изображению вещей, есть понятие, характерно египетское…» Нам предстоит выяснить, каково было значение каждого из этих предметов и какими божественными таинственными силами они должны были обладать. Научное исследование требует самого пристального изучения, и потому я надеюсь, что меня не поймут превратно, если я скажу: тревожа эти священные принадлежности, мы вовсе не думали выказать неуважение к погребальному обряду исчезнувшего богословия, и еще менее — потешить нездоровое любопытство. Наша задача состояла в том, чтобы не оставить неисследованным ничего, что могло бы пополнить наши неуклонно растущие знания — и археологические, и исторические — об этом глубоко интересном и весьма сложном погребальном культе.

Как бы ни был странен и обширен этот погребальный убор, он, несомненно, принадлежал к более или менее стройной системе, созданной на общее благо умерших, и служил защитой от того, что рисовало человеческое воображение, — плодом неясных для нас представлений. Это собрание принадлежностей во многих отношениях было создано ради неведомых нам целей, и, подобно бесчисленным клеткам живого тела, предметы эти обладали — или считалось, что обладали, — силой вмешаться, если их призовут, повинуясь приказу, исходящему неведомо откуда. По сути, они были своего рода самозащитой на будущее. Создавал их

вдумчивый народ, который, по условиям своей эпохи, не мог выйти из-под могучей власти древнего обычая. И как ни глубоко религиозны большинство этих символов, среди них можно найти свидетельства замечательных дарований народа, их создавшего.

Чтобы попытаться постичь значение этой маленькой комнаты, я обращусь к папирусу, хранящемуся ныне в Турине: это план царской гробницы, найденный в прошлом веке, — не что иное, как проект гробницы Рамсеса IV. Хотя документ этот относится к царствованию примерно на два века более позднему, чем царствование Тутанхамона, он все же проливает свет и на его гробницу. Документ представляет собой набросок плана фараоновой гробницы с изображением проходов в разрезе, с названиями и размерами различных коридоров и камер и с такими пометами, как: «*прорисовано контурами, высечено резцом, заполнено красками и завершено*». На обороте папируса, среди других заметок, приведены еще размеры, а перед ними, по-видимому, стоит начальная строка, или заглавие: «*Размеры гробницы фараона, да будет он жив, невредим и здрав*». Расхождение некоторых мелких подробностей этого древнего наброска с гробницей Рамсеса IV — хотя в главном план с ней совпадает — можно объяснить тем, что это был лишь проект, измененный при сооружении самой гробницы. Среди прочих любопытных подробностей документ упоминает «*Дом золота, в котором покоится Он*», то есть погребальную камеру, где положен на покой умерший фараон; и мы находим упоминание о том, что эта камера «*снабжена убором Его Величества со всех сторон, вместе с Божественной Девяткой, что в Дуате*» (в подземном мире).

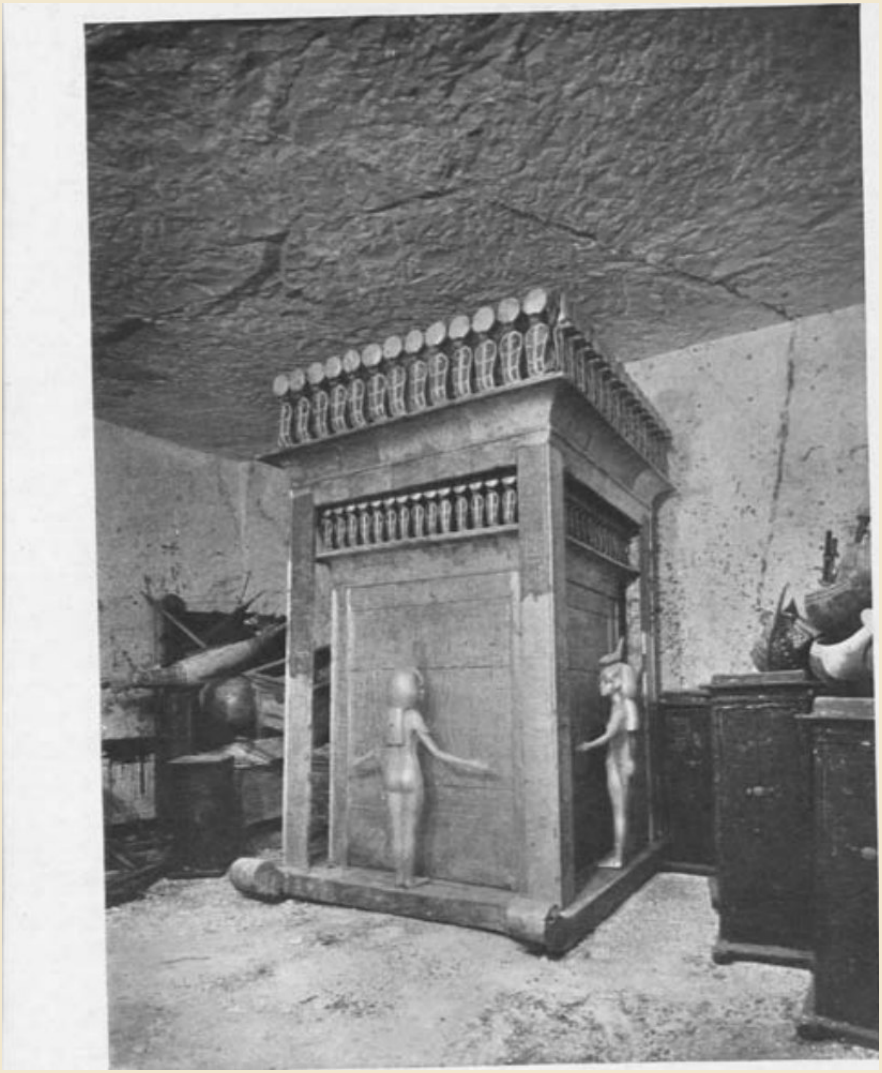

Таблица V. Внутренняя сокровищница: восточный конец; канопический балдахин

Золотистый, или желтый, цвет погребальных камер во всех царских гробницах Фив, несомненно, символизирует заход бога

солнца за западные горы; отсюда и название «*Дом золота*», которое документ дает этой части гробницы — погребальной камере, — «*в котором покоится Он*». Упоминание о том, что она «*снабжена убором Его Величества со всех сторон*», явно относится к большим ковчегам и к опорам для покрова, которые предстояло воздвигнуть над саркофагом: на плане они тщательно начерчены точно в том же порядке, в каком стояли позолоченные ковчеги и покров, найденные в гробнице Тутанхамона. Заключительные слова — «*вместе с Божественной Девяткой, что в Дуате*», — по-видимому, относятся к ряду фигур божеств, подобных тем, что мы нашли в многочисленных черных ларцах в виде ковчегов, поставленных в комнате за погребальной камерой. Судя по гробнице Сети II, где эти фигуры изображены, их могли либо писать красками на стенах гробницы, либо, как в гробницах XVIII династии, представлять объемными изваяниями.

В более развитом плане царской гробницы XVIII династии погребальная камера включает в себя зал с колоннами, со ступенями в конце, ведущими вниз в своего рода открытый склеп для саркофага, и четыре маленькие комнаты, или сокровищницы, — две из них примыкают к части с колоннами, а две — к так называемому открытому склепу. В проекте погребальной камеры Рамсеса IV, как и в самой его гробнице, эти части слиты в одну большую прямоугольную камеру с небольшим коридором позади, где есть ниши и углубления. В документе небольшой коридор с нишами и углублениями за погребальной камерой назван так: «*Коридор, что служит местом ушебти; место покоя богов; левая (и правая) сокровищница; и Внутренняя сокровищница*». На стенах последней — «*Внутренней сокровищницы*» — в гробнице Рамсеса IV изображены канопы, ларцы-беседки для фигурок ушебти и другие погребальные принадлежности. Впрочем, в более ранних

гробницах XVIII династии канопические принадлежности обычно ставили у изножья саркофага.

Итак, из приведенных данных и из собрания предметов, найденного в этой маленькой комнате за погребальной камерой, становится довольно ясно, что она объединяет в себе несколько камер: «*Место ушебти; место покоя богов*», по меньшей мере одну из двух «*сокровищниц*» и «*Внутреннюю сокровищницу*».

Этим более или менее объясняется пестрое собрание предметов, теснившихся в этой маленькой комнате. Мы находим здесь канопические принадлежности, по существу неотъемлемые от гробницы; охранные средства для пути умершего через подземный мир; и предметы, которые были нужны умершему в повседневной жизни и потому, как полагали, понадобятся ему и в будущей: украшения, чтобы наряжаться, колесницы для прогулок и слуги (фигурки ушебти), чтобы исполнять любую тягостную работу, какую ему могут поручить в загробном мире. В тех черных ларцах в виде ковчегов хранились статуэтки царя, изображавшие его в божественном преследовании и в различных образах его обновленного бытия, и фигуры богов, относящихся ко «*всей Девятке*», ибо фараону, как и божеству, нужно сонмище божественных существ, которые помогут ему пройти через опасности, какие могут его подстерегать. Маленький огонь, лежавший у порога, должен был не давать «*песку засыпать гробницу и отражать пришельца*»; а лодки должны были избавить умершего от необходимости зависеть от милости «*небесных перевозчиков*» или позволить ему следовать за Ра, богом солнца, в его ночном плавании по сообщающимся переходам подземного мира и в его торжественном шествии по небесам. Были там и барки, полностью оснащенные и снабженные каютами, — символ погребального паломничества; была

житница, наполненная зерном; зернотерка для помола зерна; цедилки для приготовления веселящего напитка — пива; и натр для сохранения смертных и бессмертных останков. Была даже фигура-подобие, изображавшая новое прорастание Осириса — почитаемого бога мертвых, который, как и человек, претерпел смерть, был погребен, а потом восстал к бессмертной жизни. Было там много символов, смысл которых нам неясен, но и они служили какой-то обрядовой цели.

Кроме только что перечисленного, в тех ларцах для драгоценностей, должно быть, хранились чудесные богатства, и они были бы там до сих пор, если бы грабители гробниц еще во времена династий не унесли из них то, что выбрали.

ГЛАВА II. ПОГРЕБАЛЬНАЯ УТВАРЬ, НАЙДЕННАЯ В КОМНАТЕ ЗА ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРОЙ

✦

Древние египтяне, говорит профессор Штейндорф, твердо верили, что жизнь не кончается со смертью и что человек продолжает жить так же, как жил на этой земле, если только ему обеспечены защита, которая проведет его через лабиринт преисподней, и все необходимое для его будущего существования. По утвари, поставленной в этой комнате за погребальной камерой, мы теперь увидим хотя бы часть того, что считалось нужным для его защиты и для его будущей жизни.

Магический факел на глиняном кирпиче-подставке (таблица LII), найденный у входа в эту комнату, не следует путать с четырьмя кирпичными подставками с фигурками, которые были замурованы в углублениях четырех стен погребальной камеры (см. том II, с. 37): те магические фигурки были найдены нетронутыми, скрытыми в нишах стен той камеры. Этот маленький глиняный кирпич с крохотным тростниковым факелом и несколькими крупинками древесного угля, по-видимому, не случайно оказался на полу за порогом, перед Анубисом. Магическая формула, процарапанная на кирпиче, гласит: «Это я не даю песку засыпать тайную камеру, и я отражаю того, кто отразил бы его пламенем пустыни. Я поджег пустыню (?), я сделал так, что путь потерян. Я — для защиты Осириса [усопшего]».

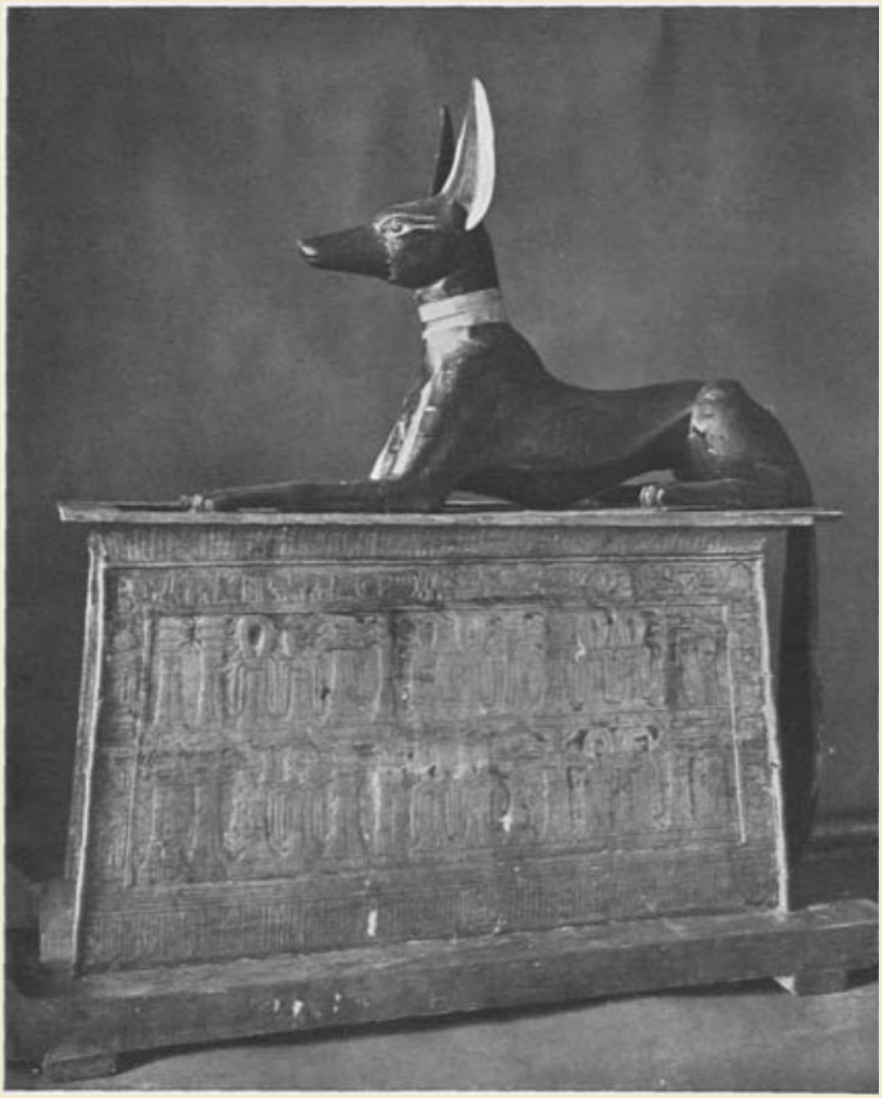

Таблица VI. Бог Анубис на своем позолоченном пилоне

Фигура бога Анубиса, принимающего облик черного бесполого пса, похожего на шакала, — бога, который не только ведал погребальными обрядами, но и бдительно стерег умерших, была

уместно поставлена в открытом проходе, мордой наружу, к западу, чтобы охранять от вторжения (см. таблицу II). Его место в гробнице, очевидно, было выбрано не просто по удобству, а с умыслом. Отсюда он мог надзирать за погребальной камерой и ее обитателем и в то же время охранял свои владения — «Сокровищницу сокровенного».

Эта бдительная лежащая фигура животного Анубиса в натуральную величину (таблица VI), вырезанная из дерева и покрытая черной смолой, покоится на позолоченном пилоне, установленном на позолоченных санях с четырьмя шестами для переноски. Его укрывало льняное покрывало — на деле это была рубаха, помеченная седьмым годом царствования Эхнатона. Под этим покровом его тело было окутано тонкой, как паутина, льняной шалью, завязанной у горла, а на шее был повязан длинный льняной шарф наподобие поводка. Его украшала двойная лента из голубых лотосов и васильков, вплетенных в полоски сердцевины тростника, — на затылке она была завязана бантом. Под ними на шее зверя позолотой изображены ожерелье и еще один длинный шарф — точное подобие только что описанного льняного. Глаза его инкрустированы золотом, кальцитом и обсидианом; гребенчатый узор внутри стоячих острых ушей позолочен; когти на лапах — серебряные.

Мы уже упоминали (том II, с. 32, таблица VI) его странные символы — словно меха, полные растворов для сохранения или омовения тела, подвешенные на шестах, — которые стояли позади огромных погребальных ковчегов в погребальной камере. Здесь же, внутри его позолоченного пилона, тщательно завернутые в полотно и разложенные по отдельным отделениям, лежали другие необычные символы, относящиеся к его культу: четыре передние ноги быка из голубого фаянса, напоминающие

знак-слово *whm* — «повторять»; две маленькие деревянные фигурки в виде мумий, похожие на определитель *wi* — «мумия»; человекообразная фигурка Гора, а может быть Ра, из голубого фаянса; сидящая на корточках фигурка ибисоголового бога Тота из голубого фаянса; фаянсовая колонка в виде папируса — *wadj*, что, возможно, означает «изливать» — от слова *wdjh*; восковая птица *bahi*; несколько кусков смолы; и наконец, две кальцитовые чаши, одна опрокинутая на другую, полные плотной смеси смолы, поваренной соли, сернокислого натрия и очень небольшой доли углекислого натрия (натра)[1]. Такие предметы, если мое толкование верно, по-видимому, означают увековечение обряда мумификации или принадлежат к этому обряду. В пятом, гораздо большем отделении пилона лежали восемь больших нагрудных украшений. Первоначально они были завернуты в куски полотна и запечатаны, но их, как и символы в четырех меньших отделениях, потревожили грабители, искавшие добычу поценнее. Быть может, эти пекторали — украшения самого бога, а может быть, их носили восемь его жрецов, которые несли его в процессии к гробнице?

[1] Анализ мистера А. Лукаса.

Отступим на минуту от главного предмета: откуда произошло это весьма любопытное животное Анубиса? Чтобы объяснить это, приходится строить догадки разной степени вероятности. Возможно, оно восходит к какой-то породе прирученной собаки-шакала древнейших египтян. В нем есть черты нескольких подотрядов семейства собачьих. Оно изображается черным; гладкошерстным; с поджарым телом борзой; с длинной острой мордой; с длинными, стоячими, острыми ушами; зрачки у него круглые; на передних лапах пять пальцев, а на задних только

четыре; хвост очень длинный, прямой, опущенный, пушистый и похожий на булаву. Большинство этих черт — черты домашней собаки, но вместо загнутого кверху хвоста, свойственного собаке, у него длинный прямой хвост лисицы, похожий на булаву, который оно держит опущенным, как волк, шакал или лиса. Многочисленные изображения этого животного Анубиса на египетских памятниках во многом напоминают повадку шакала, и этот образец дает повод думать, что это могла быть прирученная форма шакала, скрещенного с другим подродом семейства собачьих. Ожерелье и шарф наподобие поводка, которые неизменно изображаются у него на шее, тоже наводят на мысль о животном, подвластном человеку. А если принять во внимание качества прирученных собачьих — преданность хозяину, знание и защиту его имущества, привязанность к нему до самой смерти, — то, быть может, именно поэтому древние избрали эту похожую на шакала собаку бдительным стражем своих умерших.

Мне довелось видеть двух животных, похожих на эту собаку-шакала в образе Анубиса. Первое я увидел ранней весной 1926 года, когда в фиванской пустыне встретил пару шакалов, которые, по своему обыкновению, в вечерних сумерках крадучись пробирались к долине Нила. Один из них был, очевидно, обыкновенный шакал (*C. lupaster*) в весеннем меху; но его пара — я был недостаточно близко, чтобы различить, самец это или самка, — была гораздо крупнее, долговязая и черная! Ее приметы были приметами животного Анубиса, кроме одной: хвост был короткий, как у обычного шакала. В сущности, если не считать хвоста, она казалась точным подобием фигуры, найденной в этой комнате. Возможно, это был случай меланизма или отклонения от обычного типа и в окраске, и в сложении, но, признаюсь, ее необычайное сходство со зверем Анубиса навело меня на мысль о

возврате к предкам или о редком потомке какого-то более древнего вида в Египте (о подобном животном см. верхний ряд на северной стене гробницы Бакта: Ньюберри, «Бени-Хасан», ч. II, табл. IV). Второе животное я видел в октябре 1928 года, ранним утром, в Долине царей. У него были в точности те же приметы, что и у описанного выше, но на этот раз это был молодой зверь — примерно от семи до десяти месяцев. Ноги у него были длинные; тело — как у борзой; длинная острая морда, большие, стоячие, острые уши; но опущенный хвост был сравнительно коротким, обычной шакальей формы. Под брюхом можно было различить длинные волосы более светлого, сероватого цвета.

Я расспрашивал жителей Гурны (Западные Фивы) об этих животных. Они говорят мне, что отдельные особи этой черной разновидности, хотя и очень редкие, им известны и что они всегда гораздо поджарее обычной породы — «вида селаки» [селаки — порода борзых].

Черты зверя Анубиса нередко очень заметны у черной породы местных египетских собак, но, как у всех египетских бродячих собак, хвост у них закручен и туго свернут кольцом над крупом и никогда не бывает прямым и опущенным, как у собаки-шакала Анубиса.

То, что это животное неизменно изображается бесполым, наводит на мысль, что это может быть зверь воображаемый. С другой стороны, это отсутствие признаков пола может восходить к некоторым предосторожностям, «чтобы предотвратить надругательство» над умершими, о которых упоминает Геродот (книга II, с. 89), описывая древнеегипетский способ бальзамирования и самих бальзамировщиков.

Анубис, чей культ был распространен по всему Египту, был богом-тотемом XVII нома Верхнего Египта — Кинополя, а также

почитался в столицах XVIII и, вероятно, XII и XIII номов того же царства. И по мере того как постепенно развивался обычай бальзамировать умерших, он стал божеством — покровителем этого искусства.

Между передними лапами этой фигуры Анубиса лежала палетка из слоновой кости (таблица XXII, A) с надписью: «*Царская дочь Меритатон, возлюбленная, рожденная Великой царской женой Нефер-неферу-Нефертити*». Меритатон была замужем за Сменхкарой, предшественником Тутанхамона. В палетке было шесть отчасти израсходованных красок: белая, желтая, красная, зеленая, синяя и черная. Хотя проб, которые можно было взять, не повредив столь драгоценную вещь, было недостаточно для подтверждающих испытаний, мистер Лукас полагал, что белая краска — вероятно, сернокислый кальций, желтая — нечто вроде аурипигмента (сернистого мышьяка), красная — охра, а черная — уголь. Зеленую не исследовали, а синяя была почти вся израсходована.

Сразу позади пилона Анубиса, лицом к западу, стояла золотая голова коровы Мехурит (таблицы IV, B, LIX, A), называемой «Око Ра». Это, по-видимому, одна из форм богини Хатхор как владычицы Аментит, «Страны заката», которая принимает в свою Западную гору заходящее солнце и умерших. На шее у нее было повязано льняное покрывало, завязанное узлом у горла. Она вырезана из дерева; рога у нее медные; инкрустированные глаза из стекла цвета лазурита имеют форму «Ока Ра», от которого она и получила свое имя. Голова, уши и часть шеи позолочены, обозначая золотые лучи заходящего солнца; остальная часть шеи, как и подставка, на которой она покоится, покрыта черной смолой, изображающей мрак долины преисподней, из которой выступает ее голова.

На полу позади головы коровы, перед канопическим снаряжением, стояли три алебастровые (кальцитовые) подставки-тацци с плоскими алебастровыми блюдами (таблица IV, B), два из которых были накрыты такими же опрокинутыми чашами. Среднее блюдо, в котором, может быть, была вода, оказалось пустым, а в накрытых блюдах справа и слева, по словам мистера Лукаса, была порошкообразная смесь из мелких кристаллов натра, небольшого количества поваренной соли и малой доли сернокислого натрия. Значение их непонятно, но вещества, которые в них находились, наводят на мысль, что они имели какое-то отношение к обряду мумификации.

Следующим по порядку размещения предметов в этой маленькой комнате и вместе с тем самым впечатляющим было канопическое снаряжение — памятник, который нелегко забыть; оно стояло у середины восточной торцевой стены, прямо напротив входного проема (таблица V). Высотой оно было около 6 футов 6 дюймов и занимало на полу площадь примерно 5 на 4 фута. Хотя назначение этого памятника можно было угадать, его простое величие, покой, который, казалось, окружал четыре маленькие изящные статуэтки (таблицы VII, VIII), стоявшие на его страже, рождали тайну и волновали воображение так, что это трудно описать. Защитный балдахин, покрытый золотом, держался на четырех угловых столбах на массивных санях; карниз его венчали ярко инкрустированные солнечные кобры; с каждой стороны стояла словно живая позолоченная статуэтка богини-хранительницы, охранявшей вверенное ей распростертыми в защитном жесте руками. Средняя часть — большой ларец в форме ковчега, тоже целиком покрытый золотом и увенчанный солнечными кобрами, — скрывала меньший ларец, высеченный из цельной глыбы полупрозрачного алебастра (кальцита) с

прожилками. Этот алебастровый ларец с позолоченным цоколем, покрытый льняным покровом (таблица IX) и стоявший на деревянных санях, покрытых позолоченным гипсом, с серебряными ручками, заключал четыре вместилища для внутренностей царя. Внутренности, завернутые в отдельные свертки в форме мумий, лежали в четырех миниатюрных золотых гробиках.

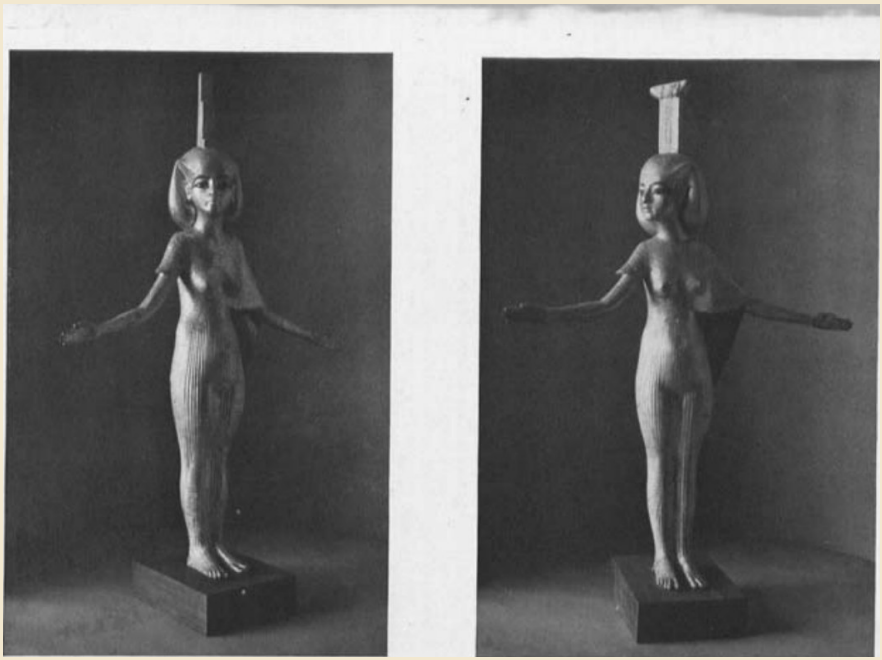

Таблица VII. Богини-хранительницы с канопического балдахина. Исида. Нефтида

Таблица VIII. Богини-хранительницы с канопического балдахина. Нейт. Селкит

Эти наблюдения подводят нас к вопросу о значении столь сложного канопического снаряжения. При египетском способе мумификации тела внутренности сохраняли отдельно в четырех вместилищах, связанных с гениями Имсети, Хапи, Дуамутефом и Кебехсенуфом, которые находились под особым покровительством Исиды, Нефтиды, Нейт и Селкит. Считалось, что каждая из этих четырех богинь-хранительниц заключала в себе гения, которого ей надлежало оберегать. Поэтому мы видим, что Имсети охраняет Исида, а Хапи — Нефтида; стражами Дуамутефа и Кебехсенуфа были соответственно Нейт и Селкит. Древний миф о четырех гениях, которых называют сыновьями Гора, рассказывает, что они возникли из воды в лилии и что бог-крокодил Себех по велению бога солнца Ра должен был поймать их сетью. Однако говорится также, что их произвела на свет Исида, что они помогали Осирису в его несчастьях и спасали его от голода и жажды, а потому их обязанностью стало делать то же для умерших. Из мифа и из разумного порядка мумификации родилось своеобразное представление, которое проявляется уже в Древнем и Среднем царствах и было общепринятым в Новом царстве. Благодаря заступничеству этих гениев внутренности не могли причинить умершему никакого вреда. Внутренности извлекали из тела и вверяли попечению этих гениев, охраняемых соответствующими богинями, чьими истинными духами они были. Поэтому после мумии, ее гробов, саркофага и покрывающих ковчегов самым важным в погребальной утвари было канопическое снаряжение для внутренностей. И в этом случае канопический ларец с его богинями-хранительницами и покровами и по богатству, и по великолепию отвечал высокому сану своего владельца.

Алебастровый канопический ларец (таблица IX), несомненно, — один из прекраснейших предметов погребальной утвари царя. По форме он похож на ковчег, с обычным для такого замысла антаблементом; стенки его слегка сужаются кверху, а по углам высоким рельефом высечены четыре богини-хранительницы: Исида на юго-западном углу, Нефтида на северо-западном, Нейт на юго-восточном и Селкит на северо-восточном. На каждой стороне — относящиеся к ним формулы, крупными иероглифами, врезанными и заполненными темно-синей краской. Массивная крышка, образующая антаблемент, была тщательно прикреплена к ларцу шнуром, обвязанным вокруг золотых скоб, и запечатана (таблица LIII, A) оттиском с изображением лежащего зверя Анубиса, похожего на шакала, над девятью народами человечества в облике пленников, — то есть знаком царской печати некрополя. Цоколь, покрытый тонким листовым золотом, украшен чеканными символами *джед* и *тет*, означающими, вероятно, защиту Исиды и Осириса. Внутренность ларца выдолблена лишь дюймов на пять в глубину, но этого достаточно, чтобы создать видимость четырех прямоугольных отделений, в каждом из которых стоит сосуд (таблица LIII, B). Верх каждого из этих мнимых сосудов закрывала отдельная крышка в виде человеческой головы, искусно изваянная из алебастра по облику царя (таблица X). Две крышки на восточной стороне смотрели на запад, а две на западной — на восток. Уступчатые закраины крышек с человеческими головами входили в отверстия мнимых сосудов, то есть закрывали устья четырех цилиндрических углублений в ларце, заменявших настоящие сосуды. В каждом углублении, завернутый в полотно, лежал изысканный миниатюрный золотой гробик (таблица LIV), богато инкрустированный и похожий на второй гроб царя. Они стояли

вертикально, обращенные в ту же сторону, что и алебастровые крышки; их, как и мумию царя, облили умащениями, которые затвердели и намертво приклеили их ко дну углублений. Совершалось ли это помазание в гробнице или в другом месте, мы не нашли достаточных свидетельств, чтобы решить окончательно. Единственное, что может указывать на то, что оно совершилось заранее, — это то, что крышки с человеческими головами были слегка сдвинуты; такой сдвиг мог произойти от тряски при перевозке в гробницу. Было, однако, достаточно свидетельств того, что помазание началось с юго-восточного гробика, затем перешло к юго-западному, северо-западному и закончилось северо-восточным, когда умащения оставалось уже совсем немного.

A

Таблица IX. Алебастровый канопический ларец. (A) Покров на ларце. (B) Ларец

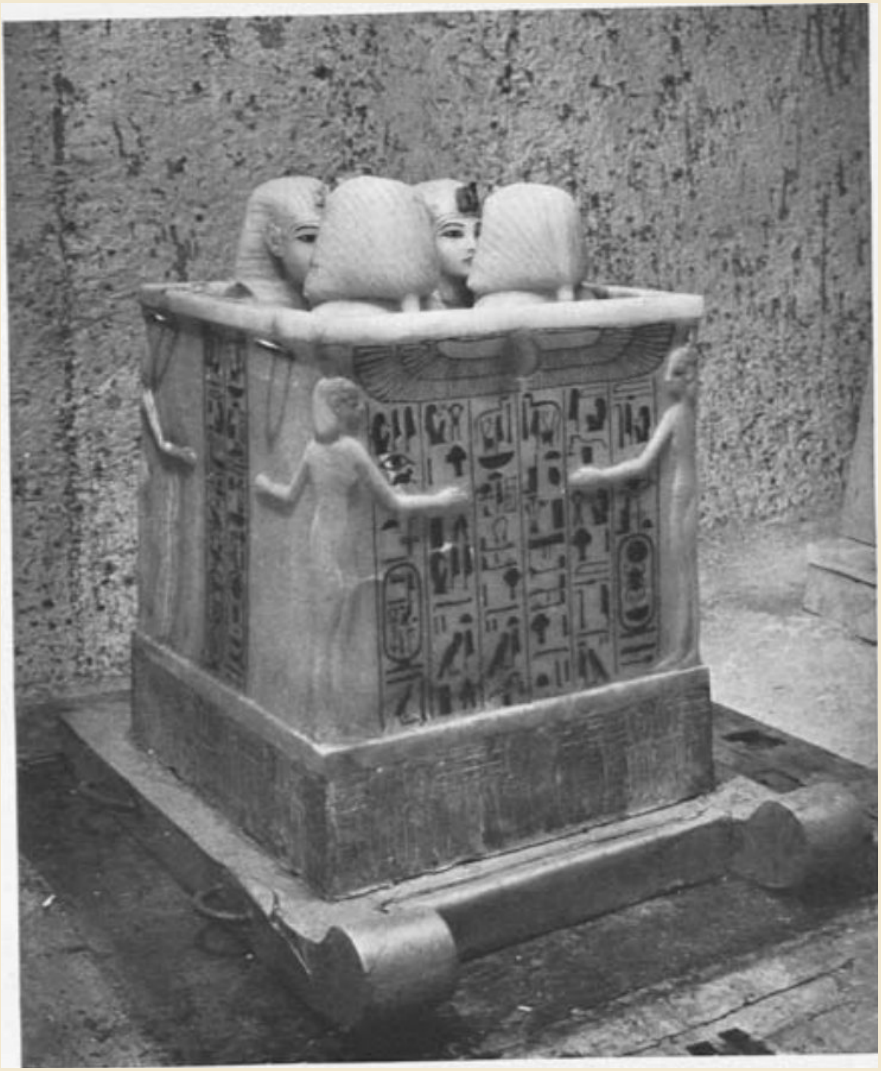

Таблица X. Открытый канопический ларец. Видны четыре крышки в виде человеческих голов, изваянные по облику царя, которые закрывали четыре вместилища для внутренностей

Эти миниатюрные гробики (таблица LIV), в которых хранились внутренности, — удивительные образцы искусства и золотых дел мастера, и ювелира. Они повторяют второй гроб, заключавший царя, но гораздо богаче инкрустированы узором из перьев; гладкими оставлены только лица фигур из полированного золота. На каждом спереди сверху вниз идет формула, относящаяся к богине и ее гению, которым он принадлежит, а на внутренних поверхностях каждого прекрасно выгравированы тексты, относящиеся к обряду.

Но, несмотря на всю эту заботу и огромные затраты на сохранение и защиту бренных останков юного царя, на роскошную погребальную утварь и на обряды, которые при погребении, должно быть, были весьма сложными, мы обнаруживаем немалую небрежность со стороны тех, кто совершал похороны. Они не могли не знать лучше нас, что богиня Нефтида должна стоять на южной стороне ларца и что под ее опекой был гений Хапи; а Селкит — на восточной стороне, и под ее опекой был гений Кебехсенуф. И все же, устанавливая это канопическое снаряжение, хотя на нем есть ясные отметки, а на каждой стороне — различающие надписи, они поставили Селкит на юге, на место Нефтиды, а Нефтиду — на востоке, где следовало быть Селкит. Более того, плотники, собиравшие части балдахина и надевавшие деревянный футляр на алебастровый ларец, оставили свой мусор — древесные щепки — кучей на полу камеры.

Таблица XI. Статуэтки божеств в черных деревянных ларцах в форме ковчегов

Обратимся теперь к тем мрачным черным ларцам и ящикам, что были составлены вдоль всей южной стороны комнаты (таблица

III). До сих пор воображение терялось при мысли о том, что в них может быть; со сдержанным волнением мы открывали их один за другим: в каждом была одна или несколько фигур богов или царя.

На изготовление этих фигур и на их хранилища не пожалели трудов. Они были помещены в двадцать два черных деревянных ларца в форме ковчегов, поставленных на деревянные сани. У каждого ларца были створчатые дверцы, тщательно закрытые и закрепленные шнуром и печатью. На печатях из нильского ила, смешанного, вероятно, с небольшим количеством масла, был оттиснут уменьшенный знак печати некрополя: лежащая собака-шакал Анубис над девятью пленными врагами, расположенными в три ряда по три, которые, по мнению доктора Алана Гардинера, представляют девять народов человечества, называвшихся у древних египтян «Девятью луками», — знак, означающий защиту бдительного Анубиса от всех человеческих врагов. Каждая статуэтка была обернута куском полотна с ткацких станков Эхнатона, датированным уже третьим годом этого царствования — более чем за двадцать лет до погребения Тутанхамона. Но хотя каждая статуэтка была обернута полотном, лица у всех без исключения были тщательно оставлены открытыми, а у многих богов на голове были закреплены крошечные венки из живых цветов (таблица XI). Во многих случаях эти венки, истлев, сползли им на плечи.

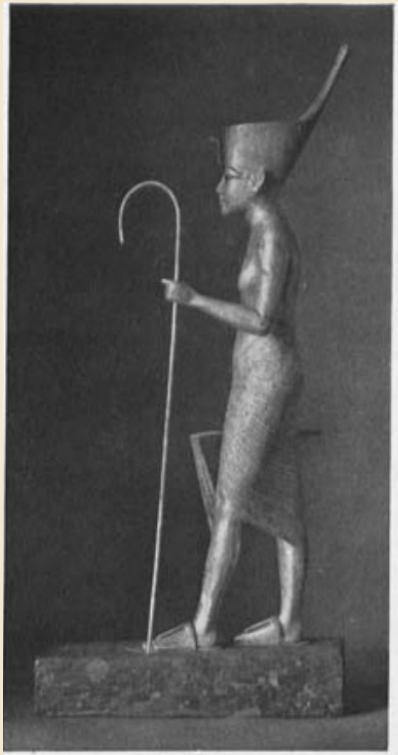
Сами статуэтки прекрасно вырезаны из твердого дерева, покрыты гипсом и тонким листовым золотом; глаза инкрустированы обсидианом, кальцитом, бронзой и стеклом; подробности головных уборов, ожерелий и одежд тщательно отделаны; знаки на коронах и эмблемы в руках фигур царя сделаны из бронзы, покрытой тонким листовым золотом; и каждая статуэтка, будь то царь или бог, стоит на продолговатой

подставке, покрытой черной смолой. Имена богов написаны желтой краской на подставках, и в этих фигурах видна вся прелесть искусства XVIII династии. Статуэтки царя изваяны правдиво; в некоторых заметно телесное сходство с Эхнатоном.

Вместе с двумя, найденными в передней камере (том I, с. 114), их было всего тридцать четыре: двадцать семь статуэток божеств и семь — царя.

Точное значение этого ряда фигур и то, зачем он находился в гробнице, нам неясно. Возможно, что некоторые, если не все, божества составляют «*Божественную Эннеаду, что в Дуате*» (в преисподней), а может быть, они представляют Эннеаду — божественный суд, или собор богов, — связанную с борьбой Гора и Сета, ибо две статуэтки царя явно относятся к этому мифу, тогда как остальные, по-видимому, изображают его в разных образах его будущего существования, дабы показать, что он «*не умрет вторично в преисподней*».

Среди фигур божеств — бог солнца Атум; Шу, бог воздуха; бог земли Геб; богини Исида и Нефтида; Гор Старший; Гор в ковчеге; Птах, бог-покровитель Египта (таблица LV, B); Сехмет, львиноголовая богиня войны (таблица LV, A); Татенен (?), особая форма Птаха; Хепре, почитавшийся как одна из форм бога солнца; Маму (таблица LVI, C), Сент и Тата; дети Гора — Имсети (таблица LVI, B), Хапи, Дуамутеф (? две фигуры) и Кебехсенуф; Менкарет (таблица LVII), держащая царя над головой; два штандарта Сешет, богини письма; соколиный штандарт Споду (таблица LVIII, B); соколиный штандарт Гемехсу (таблица LVIII, A); змеиное божество по имени Нетер-анх (таблица LIX, B) — все те, кем царь любим, — и два музыканта Ихи (таблица LVI, A).

A

B

C

PLATE XII

STATUETTES OF THE KING

(A and B) wear the crown of Lower Egypt; and (C) the crown of Upper Egypt.

Таблица XII. Статуэтки царя. (A и B) — в короне Нижнего Египта; (C) — в короне Верхнего Египта

Единственными черными фигурами (то есть покрытыми черной смолой), столь многочисленными в предшествующих царских гробницах этой династии, были две (?) фигуры музыкантов Ихи, похожих на младенца Гора (таблица LVI, A). Надписей на них нет, но в вытянутых правых руках они держат позолоченную эмблему Хатхор, и, может быть, их можно отождествить с музыкантами Ихи при Хатхор в преисподней, которые поклонялись этой богине и имени ее сына. Это существо Ихи упоминается в «Книге мертвых» в связи с «*Отрицательной исповедью*» из сорока двух пунктов, «*Произносимой по прибытии в Чертог правды*», чтобы умерший был освобожден от своих грехов и чтобы «*он мог узреть Божественный Лик*». Параллель этим двум фигурам можно найти в сцене в одной из гробниц некрополя Меира и в гробнице Аменемхеба в Фивах, где не только женщины-музыкантши Хатхор, но и музыканты Ихи участвуют в празднике Хатхор, как-то связанном с умершим. Другая замечательная группа изображает царя в образе Осириса, которого держит над головой бог — или богиня — Менкарет (таблица LVII). Царь одет здесь как Осирис, в короне Нижнего Египта. Плотно облегающий саван стягивает его руки, кисти, тело, ноги и ступни. Божество Менкарет словно поднимает его, чтобы он мог приветствовать бога солнца. В основе этой группы — характер того древнего народа, жившего под влиянием бесхитростной веры — поклонения славному светилу, символу и могущества, и благости Владыки Вселенной.

Статуэтки царя обнаруживают влияние школы Эль-Амарны. В лепке этих фигур, хотя они и повторяют традиционный тип, чувствуется прямое и непосредственное чувство природы.

Чувство, которое здесь видно, выходит за пределы заученных наизусть условных правил; в них есть и сила, и изящество — божественное и человеческое здесь словно запросто соприкасаются друг с другом. Две из них изображают юного фараона стоящим с выставленной вперед левой ногой. На нем корона Нижнего Египта, широкое ожерелье *usekh* с противовесом *mankhet*, плиссированная набедренная повязка *shendyt* и сандалии. В одном случае он держит в левой руке длинный изогнутый посох *awt*, а в правой — плеть (таблица XII, A); во второй фигуре вместо изогнутого посоха он держит длинный прямой посох (таблица XII, B). В третьем, чуть большем образце царь в точно такой же позе, с изогнутым посохом *awt* и плетью, носит корону Верхнего Египта (таблица XII, C). Другая пара статуэток изображает царя на поплавках из папирусного тростника; они, по-видимому, символизируют мифическую погоню: Тутанхамон в образе юного воина Гора, поражающего в болотах тифоново животное — гиппопотама (таблицы XIII, LX). Эти две совершенно одинаковые фигуры замечательны силой и живостью. Они изображают царя в миг, когда он мечет копье. На нем корона Нижнего Египта, а в левой руке он держит моток веревки, которой пользовались при метании копья или гарпуна.

Таблица XIII. Статуэтка царя. Тутанхамон в образе юного воина Гора, поражающего тифоново животное

Из мифа о Горе, высеченного на стенах храма в Эдфу, мы узнаем кое-что о значении этих двух фигур. По-видимому, божество приняло облик юноши сверхчеловеческого роста и сложения, который владел копьем в двадцать локтей длиной, с цепью более шестидесяти локтей, словно это была тростинка. Гор метнул это могучее оружие и поразил огромного гиппопотама — Сета, который таился в водах, чтобы погубить его и его спутников, когда налетит буря, способная разбить их ладьи. Так Гор-мститель одолел ненавистного, врага Осириса. Однако из мифа мы узнаем также, что великая битва еще впереди и что Гор уничтожит Сета, когда Осирис и боги снова воцарятся на этой земле. Кроме того, на это изображение царя, принявшего божественный облик Гора, проливает новый свет отрывок из повести о «Тяжбе Гора и Сета» в недавно найденном папирусе времени царствования Рамсеса V: «*И вот они вошли в свои ладьи перед Эннеадой. Тогда ладья Сета погрузилась в воду. И Сет обратился в гиппопотама и потопил ладью Гора. Тогда Гор взял свой гарпун и метнул его в Величество Сета*»[2]. Любопытно также, что гораздо позднее — в эллинистическую эпоху в Египте — мы видим Гора-воина верхом на коне, поражающего копьем своего врага-крокодила; это изображение очень похоже на святого Георгия со змием христианской эпохи и, быть может, служит ему прообразом. Легкий тростниковый поплавок, на котором стоит царь, окрашен в зеленый цвет, с позолоченными чашечками цветков и обвязками на носу и на корме. Такие поплавки, очевидно, делались из связок папирусного тростника или камыша, стянутых вместе; это древнейший вид судна, служивший и для охоты в

болотах, и для переправы в былые века, как служит он и теперь жителям верховьев Нила (см. таблицу LXII).

[2] Алан Х. Гардинер, «Папирус Честера Битти № 1», гл. 13, строки 9 и 10.

Быть может, еще загадочнее две фигуры, изображающие царя на спинах леопардов (таблица XIV). В обоих случаях Тутанхамон носит Белую корону Верхнего Египта, набедренную повязку *shendyt* и сандалии, а в руках держит прямой посох (с зонтиком соцветия) и плеть. Он стоит на подставке, укрепленной на спине черного леопарда, у которого отметины на морде и гребенчатый узор внутри ушей позолочены. Обломки подобных фигур, найденные в гробницах предшествующих царей XVIII династии, ясно показывают, что эти необычайные фигуры не редкость в погребальной утвари фараонов, но их значение до сих пор не прояснено. Леопарды изображены идущими и потому передают движение, словно царю предстояло войти в преисподнюю или выйти из нее.

Была здесь и целая флотилия моделей судов. Четырнадцать стояли на тех двадцати двух черных ларцах в форме ковчегов, где хранились статуэтки; одна модель с полной оснасткой стояла на миниатюрной житнице перед ларцами, другая оснащенная модель — в северо-западном углу, а еще две были поставлены в удобных местах у северной стороны комнаты (см. таблицы III, IV). Все модели на южной стороне были обращены носом к западу. Две у северной стороны комнаты были опрокинуты грабителями. Остальные суда этой группы были найдены в боковой камере — к несчастью, почти все они оказались разбиты от грубого обращения грабителей.

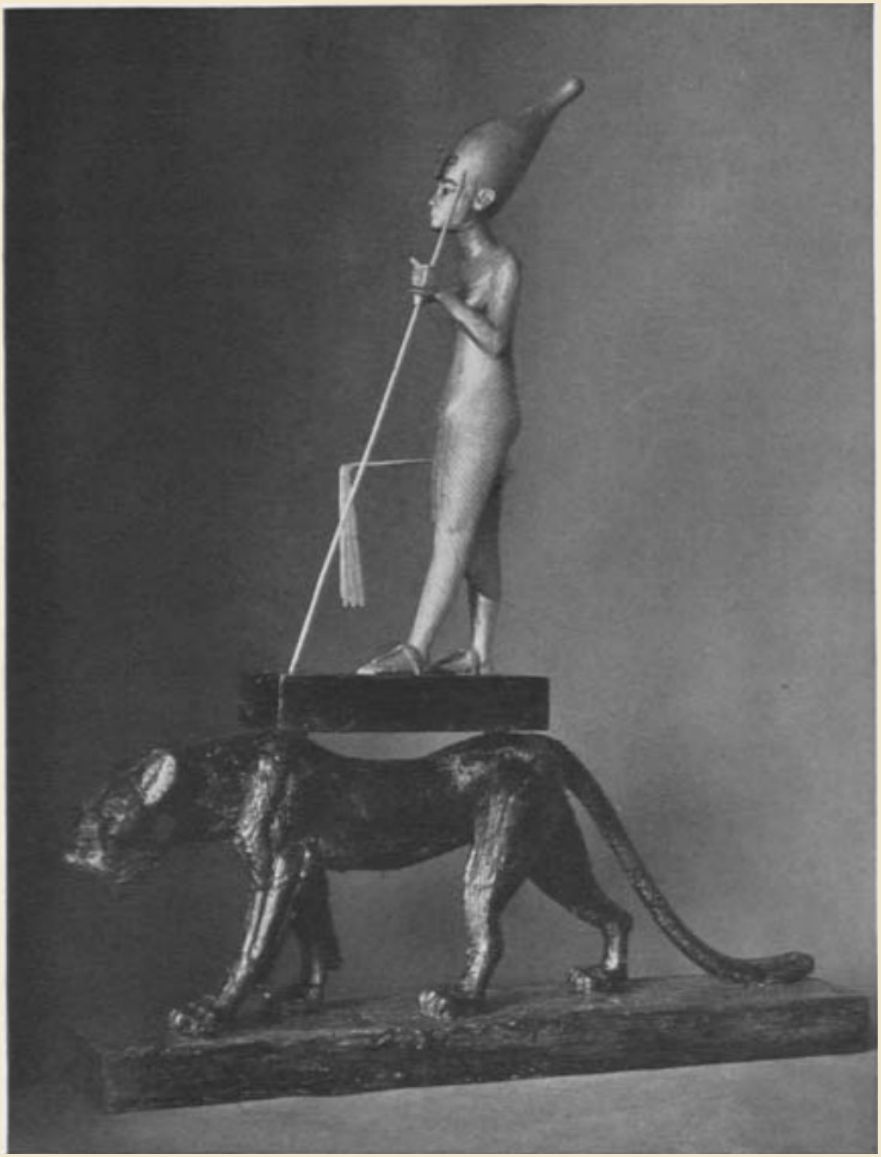

Таблица XIV. Статуэтка царя на черном леопарде

Среди этих судов мы находим модели, чтобы следовать за плаванием солнца; челны для охоты на гиппопотама и на птицу в загробном мире, символизирующие мифические забавы Гора в болотах; суда для священного паломничества в Абидос и обратно; и суда, которые избавляли умершего от необходимости искать милости «небесных перевозчиков», чтобы достичь «полей блаженных», окруженных бурлящими водами, переправиться через которые трудно. Одни, как нам рассказывают, надеялись, что их перенесут по своей милости божественные птицы — сокол Гора, ибис Тота; другие молили четырех небесных духов — Имсети, Хапи, Дуамутефа и Кебехсенуфа — привести им перевозную ладью; или же они обращались к самому богу солнца, чтобы он перевез их в своей барке. Здесь же, благодаря мифической силе, заключенной в этих моделях, царь ни от кого не зависит.

Модели эти сделаны из деревянных чурбаков, скрепленных шипами, обтесанных и выстроганных теслом. Они раскрашены и позолочены, а иные богато украшены ярким орнаментом. За исключением модели тростникового челна, они, по-видимому, изображают суда гладкой обшивки, то есть из досок или брусьев, уложенных кромка к кромке так, что снаружи получается гладкая поверхность; изнутри они скреплены деревянными нагелями; шпангоутов нет, но есть банки, или поперечные связи, стягивающие борта; бортовая обшивка закреплена спереди и сзади на форштевне и ахтерштевне. Рулевое устройство состоит из двух больших весел, которые ходят на вертикальных рогатинах и выступающих поперечных брусьях перед ютом.

Четыре судна (два больших и два малых), чтобы следовать за божественными странствиями солнца (таблица LXI, A), представляют собой род легких судов, развившихся, вероятно, из

древнейшего тростникового поплавка. Днище у них круглое, слегка уплощенное под носом и кормой; оба конца постепенно поднимаются плавной дугой: нос задран и кончается вертикальным столбом в форме папируса, корма загнута назад и завершается папирусной колонной; в сущности, общей формой они напоминают венецианскую гондолу. Посередине стоит позолоченный трон для царственного путника; на больших барках он назван «Возлюбленный Осирисом», «Возлюбленный Сокаром», а на малых — «Подобный Ра», «Дающий жизнь». Так умерший странствует спутником Ра, бога солнца, днем — по небесному океану, ночью — по владениям Осириса.

> «Днем, — говорит профессор Масперо, — чистой душе не грозила серьезная опасность; но вечером, когда вечные воды, текущие вдоль небесного свода, огромными каскадами низвергаются на западе и поглощаются недрами земли, душа следует за баркой Солнца и ее свитой светоносных богов в нижний мир, полный засад и опасностей. Двенадцать часов божественная флотилия тянется по длинным мрачным коридорам, где многочисленные гении, одни враждебные, другие дружественные, то силятся преградить ей путь, то помогают одолеть трудности странствия. Через промежутки стояли огромные врата, каждые под охраной гигантского змея, и вели они в необъятный чертог пламени и огня, населенный страшными чудовищами и палачами, чьим делом было терзать осужденных. Затем снова шли темные и тесные переходы, снова слепое блуждание во мраке, снова борьба со злыми гениями — и опять радостная встреча с благосклонными богами. В полночь начинался подъем к восточным пределам мира; а утром, достигнув границ Страны тьмы, солнце выходило на востоке, чтобы озарить новый день».

Два судна (?) для небесной переправы (таблица LXI, B) очень похожи по типу на предыдущие, но нос и корма у них загнуты внутрь: оба конца, высоко поднимающиеся над водой красивой дугой, отогнуты назад и кончаются знакомым зонтиком папируса. Они широки в поперечнике и, по-видимому, способны ходить по мелководью с наименьшей осадкой и наибольшим грузом. Говорят, что боги четырех стран света поставили четыре таких судна, называемых *sekhen*, для восхождения Осириса на небо. Барки для божественных странствий солнца и эти суда для переправы на поля блаженных, будучи предназначены для божественной цели, двигались на буксире или силой сверхъестественной и потому не нуждались ни в парусе, ни в весле.

Челн для мифических забав Гора (таблица LXII, A) — модель очень древнего вида судна: по подробностям его видно, что он был сделан из связок стеблей папируса, стянутых через промежутки в форме челна. Нос и корма слегка поднимаются и кончаются условными зонтиками папируса. Древнейший тростниковый поплавок (таблица LXII, B), от которого происходит этот вид судна, хотя и не встречается больше в собственно Египте, еще сохранился в Нубии и в верховьях Нила. Тростниковое судно, похожее на нашу модель, неизменно изображается в сценах птичьей охоты, рыбной ловли и охоты с гарпуном среди настенных росписей частных гробничных часовен Древнего и Среднего царств и Нового царства, где оно называется ладьей *wsekhet*. Такие сцены, я думаю, так же мифичны, как и забавы Гора. Однако «Плутарх говорит нам, что гиппопотам был тифоновым животным, так что охота на гиппопотама, естественно, вызывала в памяти борьбу Гора и Сета»[3].

[3] Дэвис и Гардинер, «Гробница Аменемхета», с. 30.

Четыре судна из ряда погребальных ладей имеют мачту посередине, такелаж и прямой парус (таблица LXIII, A). Посередине — богато украшенная каюта, а на баке и на юте — позолоченные беседки. Хотя у этих судов своеобразный заостренный нос и корма в виде рыбьего хвоста, они напоминают «наггу», которая и поныне ходит по Нилу в Нубии; ее строят из брусьев акации, скрепленных изнутри деревянными нагелями, и она, без сомнения, — прямой потомок этих более древних судов. Остальные семь судов этого ряда — без паруса и весла (таблица LXIII, B). Они тоже, по-видимому, представляют собой модели судов гладкой обшивки; нос и корма загнуты кверху и кончаются тупыми концами. На выступающих баке и юте — маленькие «смотровые» будки, а посередине — большая каюта с двойной крышей, богато украшенная, с дверями и окнами. Этот последний ряд из одиннадцати судов предназначался, очевидно, для паломничества в священное место — Абидос, где умершему царю следовало принять какое-то участие в погребальных празднествах Осириса. Совершая подобные погребальные обряды, он отождествлялся с этим великим богом мертвых; точно так же царь, следуя солнечным путем, отождествлялся с богом солнца. Сомнительно, совершалось ли когда-нибудь шествие вверх и вниз по реке и было ли оно чем-то действительным; ведь если оно совершалось, зачем тогда помещали в гробницу эти модели?

Пожалуй, одним из самых любопытных предметов этой погребальной утвари был тот, что нашелся в большом продолговатом ящике в юго-западном углу комнаты, под некоторыми из ларцов в форме ковчегов (таблицы III, LXIV, B). Этот предмет, известный нам обычно как прорастающая фигура Осириса, или «ложе Осириса», представляет собой деревянную раму, выполненную в очертаниях этого бога, выдолбленную,

выстланную полотном, наполненную илом со дна Нила и засеянную зерном (таблица LXIV, A). Ее увлажняли; зерно прорастало, и неживая форма становилась зеленой и живой, символизируя этим воскресение Осириса и умершего. Это изображение в натуральную величину было целиком обернуто льняными пеленами и забинтовано так же, как мумия. Это лишь еще один пример того, как в этом древнем погребальном культе праведные умершие всеми возможными способами отождествлялись с Осирисом.

Символом приготовления для бога божественного напитка — пива — были два цедильника, положенные на один из ларцов. Они сделаны из дерева, покрыты слоем гипса и имеют посередине медные диски, пробитые множеством мелких отверстий, чтобы процеживать (таблицы III, LXV, A).

Без сомнения, древний и нынешний египетский способ пивоварения — или приготовления «бузы», как это называют теперь, — был почти одинаков. Этот простейший вид пива, по-видимому, приготовляют так: вчерашний хлеб — пшеничный, ячменный или кукурузный — крошат в большой сосуд, заливают водой и оставляют на три дня. Сравнительно небольшую меру зерна кладут в миску, заливают горячей водой и оставляют на день. После этого воду сливают через цедилку, а зерно сушат на солнце один день, пока не появится молочно-белая влага от начинающегося прорастания. Зерно на этой стадии растирают в муку, смешивают с первым приготовлением и оставляют часов на десять. Эту смесь (то есть первое и второе приготовления) затем крепко месят, а жидкость процеживают из нее в чистый сосуд, где она готова к питью; в законченном виде получается мутный хмельной напиток, несколько крепче обыкновенного пива. Твердый остаток обычно выбрасывают, хотя иногда его едят

бедняки, приправив красным перцем, а иногда дают в чистом виде лошадям.

В грубом деревянном ящике лежала модель «*mola trusatilis*», то есть ручной толкательной мельницы для размола зерна в грубую муку (таблица LXV, B). Она состоит из седловидного жернова и терочника из желтого кварцита (род кристаллического песчаника); седловидный жернов вделан в деревянное сиденье с желобом для муки и покрыт гипсом; терочник, овальный и плоский снизу, служил для растирания зерна на седловидном жернове в муку.

Буркхардт в своих «Путешествиях по Нубии» (1822), упоминая о жителях Бербера, пишет:

> «Так как у них нет мельниц, даже ручных, они мелют дурру (местное просо), рассыпая ее на гладком камне около двух футов в длину и фута в ширину, который кладут наклонно перед тем, кто мелет. У нижнего конца камня в земле делают ямку, куда ставят кувшин, деревянную миску или другой такой сосуд, принимающий дурровую муку. Мелют небольшим камнем, плоским снизу; его держат обеими руками и водят взад и вперед по наклонному камню; мелющий при этой работе стоит на коленях».

Это ясное описание того, что было не чем иным, как седловидным жерновом и терочником вроде тех, что перед нами, и способа, каким мололи зерно, почти не оставляет сомнений в том, что эта древняя модель — хотя и не столь простая — их прообраз. Женщин, работающих на такой ручной мельнице, можно видеть в часовне Аменемхета, а мужчин за тем же занятием — в часовне Бакта в Бени-Хасане[4]. Такой ручной мельницей, очевидно, мололи муку для хлеба, и хотя размол муки был особой обязанностью женщин и слуг, я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что

приготовлять муку для божества было преимуществом фараона. Более того, он и был, в сущности, божественным мельником.

[4] Ньюберри, «Бени-Хасан», ч. I, табл. XII; ч. II, табл. VI.

Замечательно, как эта погребальная утварь сохраняет пережитки более ранних погребальных обычаев, давно исчезнувших в частных гробницах, а именно модели лодок, фигурки и предметы домашнего обихода — здесь, быть может, для божественной цели. Другая из этих моделей имеет вид миниатюрной житницы (таблица LXV, C): видны вход в ограду с передним двором и шестнадцать отдельных отсеков для зерна, которые оказались наполнены до краев зерном и семенами. Большие «шуны» такого рода, построенные из необожженного кирпича-сырца, служат для хранения зерна в Египте и сегодня. Их внешнее устройство в точности такое же, как у этой самой модели, сделанной тридцать три века назад.

Поскольку этим исчерпываются предметы, стоявшие у южной стороны комнаты, перейду теперь к предметам у северной стороны.

Здесь, параллельно пилону Анубиса и до самого канопического снаряжения, стоял ряд ларцов для драгоценностей и простых белых ящиков (таблица IV). К несчастью, на эту группу покусились грабители гробниц еще в древности, при династиях, ради более ценных золотых и серебряных вещей, которые хранились в ларцах и ящиках. Печати их были сломаны, содержимое перерыто, самые ценные вещи украдены; к тому же все, что осталось, было брошено в полном беспорядке.

Здесь можно заметить, что для изготовления и украшения своих ларцов древние египтяне употребляли ценные породы дерева и слоновую кость, природные камни, фаянс, стекло и

металлы. На всем Востоке во все времена в таких богато украшенных ларцах хранили самые ценные и личные вещи — украшения и одежду — или держали в них притирания в дорогих сосудах. Да и поныне гордость феллаха — пестро украшенный блестками и чаще всего недорогой сундучок, в котором он хранит самое дорогое для себя.

В древнеегипетских ларцах никогда не было попыток устроить тайники — скрытые отделения или двойное дно, — какие нередко встречаются в сундуках XVI и XVII веков нашей эры. Внутреннее устройство у них всегда простое, иногда разделенное перегородками для особого назначения. Такие ящики принадлежат к самой древней домашней утвари и, по всей вероятности, появились раньше кровати, ложа и кресла. Их можно назвать предками «комода», а позднейшие восточные ларцы для пряностей и инкрустированные аптечки с наборами маленьких ящичков — лишь переходная форма. Ящики и ларцы были в эпоху династий почти у каждого; у богатых они бывали, как мы видим, весьма ценными, у бедных — соответственно простыми и незатейливыми. Предназначались они почти всегда для домашнего обихода; ничего похожего на древнеегипетский «несгораемый ящик» не найдено. Замков не было, а потому нечто вроде «несгораемого ящика» было бесполезно: закрывали его лишь шнуром и печатью.

Хотя египтяне знали петли — несколько образцов найдено на ящиках в этой гробнице, — для крепления крышки к ящику их применяли редко. Обычно крышка была съемной, отдельной от ящика. Замена петли, удерживавшая крышку у задней стенки ящика, остроумно проста: два маленьких отверстия, паз или четверть во внутренней стороне верхней части задней стенки ящика принимали соответствующие выступы на поперечных

планках нижней стороны крышки; когда крышку опускали и задвигали на место, задний ее край нельзя было поднять. Передний край крышки затем удерживали шнуром, обвязанным вокруг шишечки на верху крышки и шишечки на передней стенке ящика, а шнур, в свою очередь, запечатывали. Так что, пока печать не была сломана и шнур не перерезан, крышка прочно держалась на ящике и сзади, и спереди.

При таком древнем обычае хранить добро неудивительно, что самые ценные и личные вещи царя, погребальные или иные, хранились в богато украшенных ларцах и ящиках. Много великолепных образцов найдено в этой гробнице, и в этой сокровищнице, в группе из шести, перед нами четыре образца очень тонкой работы, особенно в технике маркетри-инкрустации: на украшение одного-единственного ларца пошло более 45 000 кусочков инкрустации (см. таблицу XV, B).

Первый ларец, стоявший ближе всего к входу, украшен облицовкой и маркетри-инкрустацией из слоновой кости и черного дерева: множество маленьких кусочков слоновой кости и черного дерева сложены в ромбы, сетку и узор «елочкой» внутри филенок, образованных облицовкой из широких и узких полос слоновой кости и черного дерева. Ларец продолговатый, стоит на четырех квадратных ножках и имеет сводчатую крышку (таблица XV, B). Как обычно во всех подобных изделиях столярного искусства, основа ларца — из дерева худшего качества, возможно из тамариска, и на это более простое тело ценная облицовка и маркетри из слоновой кости и черного дерева наложены на клею: то есть наружные поверхности тела подготовили, сделали совершенно гладкими, нанесли слой клея и наложили облицовку и маркетри. После того как их прижали и дали им как следует высохнуть, их верхние поверхности в свою очередь выровняли и

отполировали. Такое украшение встречается и на парадных «змеиных» посохах (том II, таблица VIII, B), сделанных, вероятно, тем же мастером. Надпись иератическим письмом на крышке ларца гласит: «*Золотые украшения процессии, сделанные в опочивальне*[5] *Небхепрура* (Тутанхамона)». В нем лежало множество разных украшений, часть которых, возможно, принадлежала другим ларцам: грабители забрали вещи поценнее, а остальное оставили в беспорядке.

[5] По моему мнению, «опочивальня» может означать «покой погребального ложа».

A

Таблица XV. Два ларца для драгоценностей, украшенные маркетри из слоновой кости и черного дерева

A

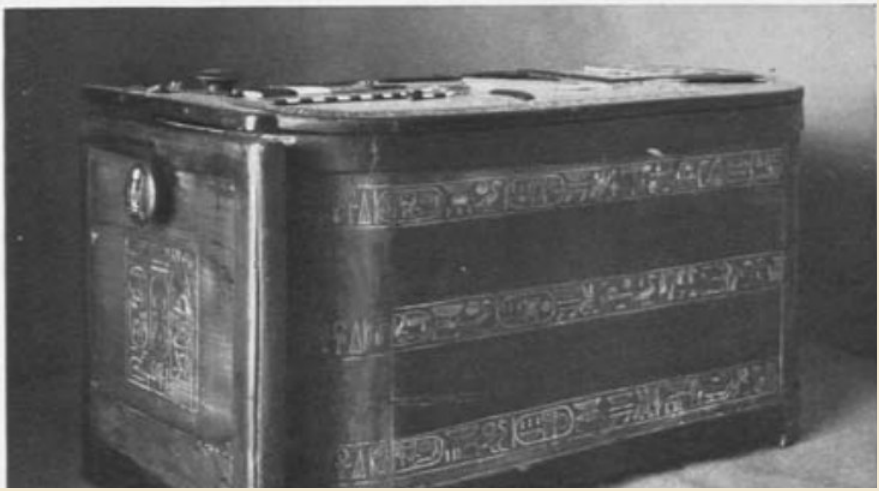

Таблица XVI. Овальный ларец с крышкой в форме царского картуша

Второй ларец (таблица XVI) необычной формы: он имеет овальный вид картуша. Он сделан из красновато-коричневого дерева, вероятно хвойного, и окантован полосами черного дерева в виде облицовки. По его бокам идут три горизонтальные полосы иероглифического письма, врезанного и заполненного синей краской, с титулатурой и другими наименованиями царя. Но подлинное и поразительное его украшение — крышка: это один огромный картуш с тонко вырезанными из черного дерева и окрашенной слоновой кости знаками имени Тутанхамона; эти знаки лежат на богатом золотом поле, окаймленном черным деревом, которое в свою очередь инкрустировано белыми, как слоновая кость, узорами и наименованиями царя (таблица XVI, A). Как и в первом ларце, содержимое было перерыто. Мы нашли в нем лишь беспорядочные остатки украшений, футляр для зеркала и несколько скипетров царской власти; скипетры, вероятно, и принадлежали этому ларцу.

Третий был всего лишь простым ящиком из побеленного дерева со сводчатой крышкой. Он был пуст, если не считать пары нарядных кожаных сандалий в виде туфель и каменного ножного браслета. Возможно, в нем лежали одеяния, части которых нашлись в других ларцах.

Четвертый, более крупный ларец (таблица XVII, B) сделан из хвойного дерева и украшен широкими горизонтальными и вертикальными брусками рамы, облицованными слоновой костью. Филенки, образованные брусками, украшены накладной

резьбой из позолоченных деревянных символов — знаков *анх*, *уас* и *неб*, составляющих формулу «Вся жизнь и благополучие». Позолота этих ажурных символов в сочетании с темно-коричневым цветом дерева основы и белыми брусками из слоновой кости производит очень богатое и изящное впечатление. На каждом бруске крупными иероглифами, врезанными и заполненными черной краской, написана титулатура, состоящая из пяти «Великих имен», которые царь принял при восшествии на престол, а именно: «Имя Гора», «Имя Небти», «Имя Золотого Гора», тронное имя и личное имя. На одном из брусков есть также картуш царицы и ее титулы. Четыре квадратные ножки, на которых стоит ларец, обуты в серебряные колпачки. Внутри ларец разделен на шестнадцать прямоугольных отделений, каждое размером 4⅝ на 3½ дюйма. Отделения, очевидно, были сделаны для такого же числа золотых или серебряных сосудов для притираний. Все они пропали — были украдены, — а на их места брошены маленькая тростниковая корзинка, окрашенная чаша из слоновой кости, две палетки, лощило из слоновой кости и золота, нарядный футляр для письменных тростинок и пустой футляр для зеркала, — все это явно из какого-то другого ящика или ларца.

Пятый ящик — из простого побеленного дерева, подобный третьему из упомянутых. На этом ящике есть надпись иератическим письмом: «*...процессии опочивальни*». На дне ящика лежали несколько сушеных плодов и прекрасное, но очень хрупкое опахало царя из страусовых перьев (таблица XVII, A). Эта простая, но трогательная реликвия состоит из белых и темно-коричневых страусовых перьев, вставленных в полукруглую пластину из слоновой кости, к которой прикреплена рукоять опахала. Рукоять, тоже из слоновой кости, имеет вид зонтика и

стебля папируса; она согнута под прямым углом, чтобы усилить взмах, производимый поворотом кисти; украшена золотыми кольцами и кончается шишечкой из стекла цвета лазурита. Такие трогательные реликвии словно ускользают от времени: много цивилизаций поднялось и угасло с тех пор, как это опахало положили в сокровищницу. Столь редкий и вместе с тем во многом знакомый предмет связывает нас с тем огромным прошлым. Он помогает представить себе, что юный царь, должно быть, был очень похож на нас самих.

A

Таблица XVII. (A) Опахало царя из страусовых перьев. (B) Ларец из кедра, слоновой кости, золота и серебра

Шестой ларец (таблица XV, A) стоял позади первого, у входа. Он самый маленький в этой группе: простой прямоугольной формы, на четырех квадратных ножках, и украшен, как и первый ларец, наборной инкрустацией из слоновой кости и черного дерева и облицовкой из слоновой кости. Мы нашли его пустым, а крышка его лежала сверху на втором ларце. Иератическая помета на нем гласит: «...из золота в (?) месте погребального шествия». Внутри ларец разделен на равные отделения для четырех сосудов, чем, по всей вероятности, и объясняется пропуск в начале надписи.

По пометам, написанным на некоторых из этих ларцов, — например: «Украшения из золота для шествия, сделанные в опочивальне Небхепрура», «...шествия опочивальни», «...из золота в (?) месте погребального шествия», «Золотые кольца, принадлежащие погребальному шествию», — а также по сценам погребальных шествий в частных гробничных часовнях Нового царства мы заключаем, что украшения и прочие вещи, хранившиеся в этих ларцах с драгоценностями, были непременной частью погребального обряда.

Наши исследования установили, что из этих ларцов пропало по меньшей мере шестьдесят процентов первоначального содержимого. Из собственно украшений осталось несколько серег, ожерелье, несколько пекторалей, несколько браслетов и перстень. Были там также крышка маленькой ажурной шкатулки, украшенной камнями, несколько скипетров, два футляра для зеркал, остатки каких-то облачений и письменный прибор —

всего сорок три предмета. Сколько именно украшений унесли, установить, разумеется, невозможно, хотя уцелевшие части некоторых похищенных вещей позволяют предположить, что их было немало; но мы можем сказать, что были украдены два зеркала и по меньшей мере двадцать сосудов из двух ларцов, причем о четырех из них сказано, что они были золотые.

По-видимому, в древнем Египте украшения со смертью не исчерпывали своего назначения: мы находим их во всех видах положенными в гробницу для загробной жизни. Становится ясно, что у древних они служили не только живым, но и богам; их делали также для погребения вместе с умершим. В последнем случае их обычно можно узнать по более хрупкой и непрочной работе.

В этой гробнице украшения (амулетные и иные) были положены в большом количестве. Сто сорок три предмета были возложены на мумию царя, несколько вещей нашлось внутри переносного пилона Анубиса, а остальные хранились в этих и других ларцах с драгоценностями. Мумия царя со всеми личными и амулетными украшениями на ней осталась нетронутой. Но, как мы только что видели, большая часть — вероятно, вещи наиболее ценные — была похищена из ларцов. Таким образом, мы нашли лишь часть того, что было туда положено. Кроме того, очевидно, что «надзиратели некрополя», вновь закрывшие гробницу после набега, застали оставшееся в крайнем беспорядке; свою обязанность они, по-видимому, исполнили наспех и лишь для порядка. Оставшееся, очевидно, собрали и сложили обратно в ларцы, не заботясь о первоначальном порядке. Части одного украшения мы находили в одном ларце, части — в другом, и все вместе было перемешано.

Хотя уцелело, вероятно, не больше сорока процентов того, что было там первоначально, для нас этого оказалось более чем достаточно, чтобы изучить искусство ювелира, а также работу золотых дел мастеров в царских мастерских конца XVIII династии.

Предварительно можно заметить, что во многих отношениях эти образцы Нового царства не обнаруживают того совершенства отделки, какое мы видим в работе их предшественников времен Среднего царства. Однако фиванские ювелиры показывают превосходное мастерство исполнения, ярко выраженное чувство украшения и большую изобретательность в символических изображениях. Их ремесло включало работу гранильщика и резчика по стеклу, инкрустацию, чеканку, выколотку, тиснение, филигрань из крученой золотой проволоки и зернь. Последнее искусство занимает в этих украшениях видное место: это убранство из мельчайших золотых шариков, которые, по всей вероятности, наплавляли или напаивали на выпуклые или плоские золотые поверхности предметов. Во всех этих искусствах видны большая изобретательность и владение ремеслом. Многие из этих украшений, а по правде говоря, большинство их, выполнены ажурно, и в них вставлены различные полудрагоценные камни и многоцветное стекло — либо высоким или низким рельефом, либо совсем плоско, на манер перегородчатой эмали. Следует, однако, иметь в виду, что слово «перегородчатая эмаль» (*cloisonné*) в применении к древнеегипетским украшениям может ввести в заблуждение. На деле оно означает, что камни и заменявшее их стекло вклеивали в металлические ячейки, или перегородки (*cloisons*), и что вставки были не эмалью, как в настоящей перегородчатой эмали. Эмаль древним египтянам была неизвестна.

Металлы употреблялись такие: золото, электрон, серебро и в меньшей мере бронза; из природных камней — аметист, бирюза, ляпис-лазурь, кальцит, сердолик, халцедон, зеленый полевой шпат, полупрозрачный и прозрачный кварц, часто подложенный краской для блеска и для подражания другим камням, змеевик и какой-то не определенный твердый камень оливково-зеленого цвета. Кроме того, были составные материалы — фаянс (глазурованная керамика), твердая стекловидная паста, полупрозрачное и непрозрачное цветное стекло, — заменявшие тот или иной из названных камней. Но, пожалуй, самым замечательным материалом в этих украшениях была темная смола — и на самих украшениях, и в виде бусин. Другая их особенность — ярко-алое золото, получаемое неизвестным ныне способом. Когда по нему шел узор из ярко-желтого золота, например зернь, да еще в сочетании с темной смолой, это производило странное и несколько непривычное для нас впечатление.

Сюжеты различных узоров в этих украшениях большей частью так или иначе связаны с государственной религией. Средоточием их, если не главным в них, служат Ра, бог Солнца, и Аах (Тот), бог Луны. Ра — само солнце, «Владыка неба», «Державный царь всякой жизни» — принимает в этих украшениях много образов: Хепра, Гора, Херахте и Атума, и каждый из них — местное воплощение той или иной поры солнца. У древних египтян, особенно в это время, не было бога выше Ра. Они почитали его Владыкой вселенной, который со своей священной ладьи в небесах правит всем. Говорить о Боге значило думать о Ра.

Хепра, скарабей, — превращение бога Солнца в образе знаменитого жука-навозника, который старательно лепит материнский шар с полостью, где из яйца выведется и будет

кормиться потомство. В этом образе новорожденное солнце выходило из «Пещеры зари», чтобы начать свой дневной путь. Пробудившись на востоке, он вступает в Утреннюю ладью, чтобы подняться по небесному своду, и тогда отождествляется с Гором — в виде юноши или в виде сокола-чеглока (*Falco subbuteo*). Одна молитва обращается к Ра такими словами: «*Прекрасно пробуждение Твое, о Гор, плывущий по небу... Огненное дитя с сияющими лучами, рассеивающее мрак и тьму*». Когда он торжествующе парит в вышине, его представляют великим диском с разноцветными крыльями, готовым броситься на своего врага. На небесном пути он принимает также облик Херахте — либо в человеческом образе, как человек с головой сокола, либо как сапсан (*Falco peregrinus*), очень смелая хищная птица, бьющая добычу на лету. Наконец он становится старцем Атумом, «Замыкающим день», вступает в Вечернюю ладью и спускается за Манун, священную гору Запада, в подземный мир, чтобы снова начать ночной путь через двенадцать пещер — часы ночи. Там, как мы узнаем из одной песни, он дает свет великому богу Осирису, «Владыке вечности». «*Дай мне свет, чтобы я видел красоту твою*», — такова и молитва умершего.

Из подобных мифологических представлений почти не остается сомнений, что украшения фараонов почитались священными. Возможно, верили, что они обладают магической силой; быть может, и то, что ими ведали особые жреческие чины при дворе. За темами их узоров, несомненно, кроется какая-то глубинная мысль. Так, мы видим, что эти украшения Тутанхамона, хотя, может быть, и сделанные для повседневного ношения, задуманы так, чтобы служить и в мире грядущем.

Но с этими украшениями связан довольно запутанный вопрос: сколько из них настоящих, предназначенных для повседневного

ношения, и сколько сделано единственно для погребения? Надо помнить, что погребальные и настоящие украшения чаще всего так похожи, что различие, если оно есть, распознать далеко не просто. В большинстве случаев единственным признаком может служить лишь хрупкость или следы ношения. Есть, однако, образцы явно погребальные — например, восемь пекторалей, найденных в пилоне Анубиса. На трех из них начертаны погребальные заклинания, прямо относящиеся к сердцу и членам умершего, на остальных — такие слова, как «*Осирис, царь, оправданный*», что равнозначно нашему слову «покойный».

Серьги, по-видимому, принадлежали Тутанхамону в его ранней юности.

При осмотре мумии Тутанхамона оказалось, что мочки его ушей проколоты, но среди многочисленных украшений, найденных нами в его пеленах, не было ничего похожего на серьги. У золотой маски-портрета, покрывавшей его голову, мочки ушей тоже были проколоты, но отверстия были тщательно заделаны маленькими дисками из тонкого листового золота, словно это обстоятельство старались скрыть. На изображениях царей на памятниках времен Империи проколы в мочках ушей отмечены часто, но мне не известно ни одного случая, чтобы на ушах царя были изображены серьги. Осирис изображается в оплечьях и браслетах, но никогда — в серьгах. Арабские мальчики в Египте часто носят серьги (*халак*) до шести-семи лет; затем их обычно снимают и отдают младшему брату или сестре мальчика; в редких случаях, когда ребенок единственный или любимый, их носят до двенадцати-тринадцати лет. Поэтому, принимая во внимание свидетельства мумии царя, его маски, памятников и нынешнего обычая, который, вероятно, сохранился от более ранней поры, можно думать, что по достижении зрелости носить

серьги было не принято. Серьги не принадлежат к древнейшим египетским украшениям. Они появляются у жителей Нила, по-видимому, около начала Нового царства и, вероятно, были занесены в Египет из Азии в предшествовавший Промежуточный период, при владычестве царей-гиксосов.

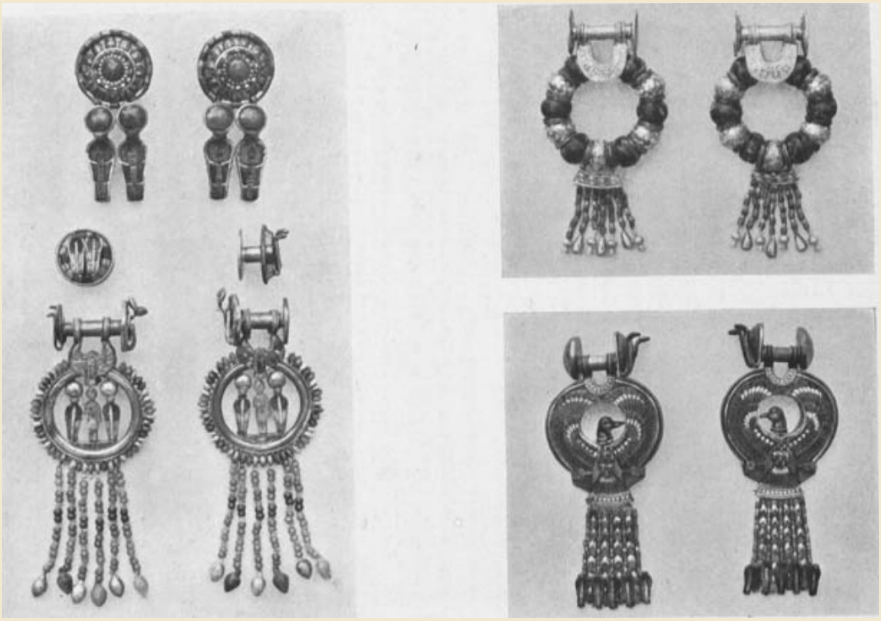

Таблица XVIII. Серьги царя

Здесь представлены два вида серег — жесткие и гибкие (таблица XVIII). В обоих случаях их закрепляли в ушах при помощи стерженьков, продетых в отверстия оттянутых мочек. Любопытно, что солнечный сокол Херахте, изображенный на одной из пар серег, по какой-то непонятной причине имеет голову кряквы (*Anas boscas*) из полупрозрачного синего стекла (таблица XVIII, C).

Главными и самыми любимыми украшениями в древнем Египте — и у царей, и у простых людей — были ожерелья из бус и широкие оплечья из бус. Для погребального снаряжения предписывалось много видов оплечий и ожерелий. Их любовь у всех слоев народа обернулась на этот раз нашей потерей: за исключением одной простой низки из чередующихся бусин темной смолы и ляпис-лазури, все они были унесены. Похитили их, вероятно, не столько ради собственной их ценности, которая едва ли была очень велика, сколько из-за того, что их любили все. Мы находили бусины, оброненные там и сям на полу, от этой сокровищницы до входного коридора гробницы, особенно в том месте, где грабителям пришлось пролезать через небольшое отверстие, проделанное ими в кладке, закрывавшей проход в погребальную камеру (т. I, с. 181); там мы нашли обрывки ожерелий, висевшие на неровных краях камней, и множество бусин, рассыпанных в щелях кладки, — части по меньшей мере двух ожерелий и несколько «наплечных» частей с соколиными головами от широких оплечий из бус.

Пектораль — украшение, которое египетские цари носили в большом разнообразии, но почти все пекторали сходны в следующем. Это нагрудное украшение, подвешенное на шее на цепях из смежных узорных пластинок (таблица XIX, A), на нитях бус (таблица XIX, C), на простых золотых цепочках или на простых крученых льняных шнурах с кистями на концах (таблица XIX, B). При первых трех способах подвески у них почти всегда есть «спинное» украшение, которое служило не только противовесом сзади на шее, но и нарядной застежкой; эти спинные украшения часто делали раскрывающимися и закрывающимися, и так они служили замком (см. таблицу XIX, A, C). В ларцах нашлось много великолепных пекторалей — одни целые, у других недоставало

частей. Некоторые, быть может, были даже знаками отличия; взгляните, например, на пектораль, изображающую «Рождение Солнца» (таблица XIX, A), — она затмевает все, что было найдено до сих пор в этом роде.

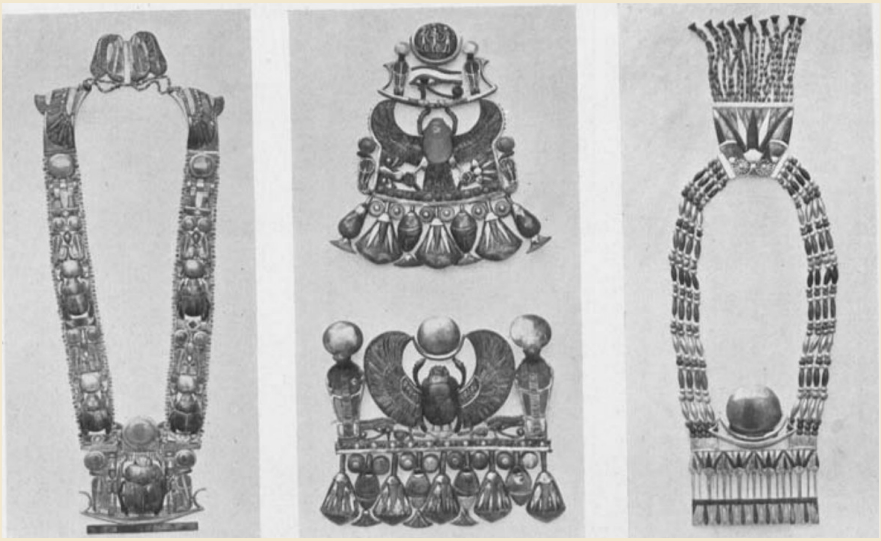

Таблица XIX. Пекторали

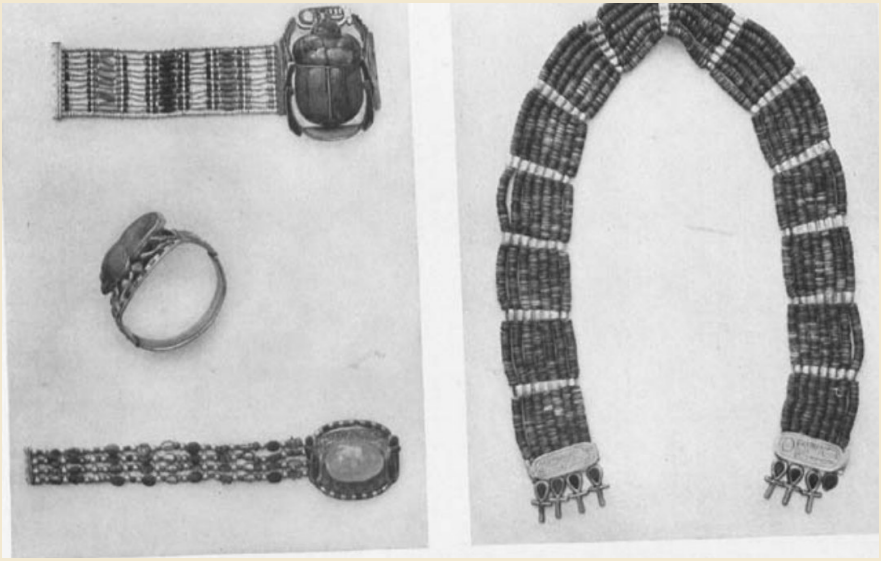

Таблица XX. (A) Браслеты. (B) Обрядовый шарф из бус и золота

Браслеты были, пожалуй, самым постоянным украшением у египтян всех сословий. Здесь, к несчастью, мы нашли лишь три образца (таблица XX, A), оставленные грабителями. По ним видно, что браслеты делятся на два вида: сплошные металлические обручи на шарнирах, с застежками на штифтах, покрытые инкрустированным узором, или браслеты-ленты из бус, сложенных с помощью «распорок» в определенный узор, с украшением посередине и застежками на штифтах.

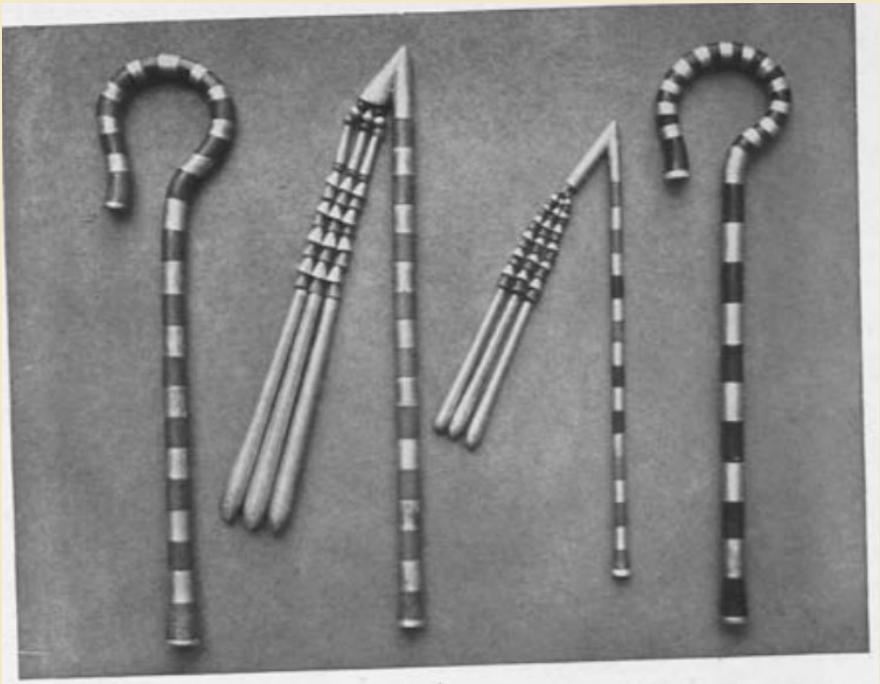
Единственный перстень, найденный нами в этих ларцах, был довольно скромной работы: из синего фаянса в оправе из тонкого электрона. Маленькая, но прекрасная шкатулка из слоновой кости (т. I, таблица LVII) с иератической пометой на крышке: «*Золотые кольца, принадлежащие погребальному шествию*», — и массивные золотые кольца, завязанные в угол платка (т. I, с. 138, таблицы

XXX, LXVII), найденные в передней камере в первый сезон работ, весьма вероятно, происходят отсюда.

Пожалуй, самые важные предметы в этом собрании украшений — знаки царской власти: два посоха-скипетра и две плети (таблица XXI, A). Посох, нечто вроде пастырского жезла, был одним из знаков Осириса. Его держали в левой руке и бог, и царь. Это короткий жезл, загнутый наверху крюком внутрь и наружу; в данном случае он составлен из частей золота, темно-синего стекла и обсидиана на бронзовом стержне. Древние египтяне называли его *хекат*, и можно сказать, что от него произошел пастырский посох кардиналов и епископов. На обоих найденных здесь образцах на золотых наконечниках выгравированы картуши царя. Плеть — род бича или кнута, который обычно, особенно в Вульгате, называют «цепом», — дополняла посох-скипетр и была вторым собственным знаком Осириса. Ее держали в правой руке и бог, и царь, а называлась она *нехеху*. Она состоит из короткой рукояти, загнутой наверху под острым углом, к которой на ремешках, унизанных бусами, прикреплены три «била», так что они могут свободно раскачиваться. Обе плети сделаны так же, как посохи, только у бил вместо бронзовых — деревянные стержни. На большей плети — тронное и личное имена Тутанхамона; на меньшей вместо имени с Амоном стоит его имя с Атоном, а это наводит на мысль, что она относится к ранней поре правления юного царя, до того как он обратился к почитанию Амона. С этим предположением согласуется и ее меньший размер. Становится довольно очевидно, что эти знаки были лишь символами власти над двумя главными сообществами древнейших времен — земледельцами и пастухами.

О футлярах для зеркал (таблица XXI, B) и о самих зеркалах приходится рассказать ту же историю. Зеркала были из

сплошного металла и потому были украдены. Несколько обломков рукояти одного из них из слоновой кости нашли в передней камере, где грабители отломили ее и бросили. Футляр в виде знака «жизни» выложен изнутри серебряной фольгой; второй, формой символизирующий вечность, — золотой фольгой; зеркала были, вероятно, из соответствующих металлов.

A

Таблица XXI. (A) Скипетры царя. (B) Два футляра для зеркал

В более простых побеленных деревянных ящиках хранились вещи вроде облачений, например парадные одежды; их, по-видимому, унесли ради дорогих украшений на них. Осталась лишь пара сандалий, несколько сильно истлевших льняных покровов и очень любопытный обрядовый шарф из бус и золота (таблица XX, B), напоминающий раннюю форму богослужебного облачения вроде нынешней епитрахили. Он состоит из семи рядов плоских дисковидных бусин синего фаянса, через промежутки скрепленных золотыми «распорками». Концы его завершаются золотыми картушами Тутанхамона, «возлюбленного Птахом» и «возлюбленного Сокаром», и бахромой из знаков анх. Он изогнут так, чтобы облегать шею, и его, должно быть, носили как шарф.

Как уже говорилось (см. выше), письменный прибор, найденный брошенным в один из больших украшенных ларцов, должно быть, принадлежал к какому-то другому ящику в этой комнате, но к какому именно — с уверенностью сказать нельзя.

Согласно погребальным заклинаниям, известным нам как «Книга мертвых» (глава XCIV), палетка, или письменный прибор писца, была необходима умершему. Это были орудия Тота, бога речи, письма и счета, и потому они считались божественными. Множество погребальных палеток с поддельными красками и тростинками, явно для обрядовых целей, нашли в боковой камере — другом помещении этой гробницы. Палетки же и письменный прибор, найденные здесь, были, по-моему, действительно личной собственностью царя. Одна из этих палеток обложена золотом (таблица XXII, E), и краски и тростинки в ней целы. На ней — имя царя с Атоном, и он назван «возлюбленным великого бога Тота»; это показывает, что она может относиться к ранней поре правления царя и что бог Тот признавался и в пору, которую принято называть единобожием Атона. Вторая палетка, из

цельной слоновой кости (таблица XXII, B), с полным набором красок и тростинок, несет имя царя в форме с Амоном, «возлюбленного Атумом Гелиопольским», «Тотом» и «Амоном-Ра», что указывает на более позднюю пору правления. Краски — красная и черная — в обоих случаях носят следы употребления.

Дополнение к палетке — пенал, или, точнее, футляр для тростинок (таблица XXII, D), — прелестная память прошлого, напоминающая о нынешнем школьнике. Он сделан в виде колонны с капителью из пальмовых листьев; богато украшенный ствол и барабан выдолблены, чтобы вмещать тростинки, а абака, поворачиваясь на шпеньке, служит крышкой. В нем лежало несколько тонких тростинок.

Палетка и футляр для тростинок поясняют составной иероглифический знак *сеш*, означающий «письмо», «писец» и родственные слова; он изображает палетку, чашечку для воды и футляр для тростинок. Чаша из слоновой кости (таблица LXVI, A), найденная в нашей группе, хотя и не той формы, что сосуд в этом знаке, очевидно, служила чашей для воды. Эта чаша, выточенная из цельного куска слоновой кости, имеет 6½ дюйма в поперечнике и показывает, какой величины бивни можно было добыть в те дни в верховьях Нила.

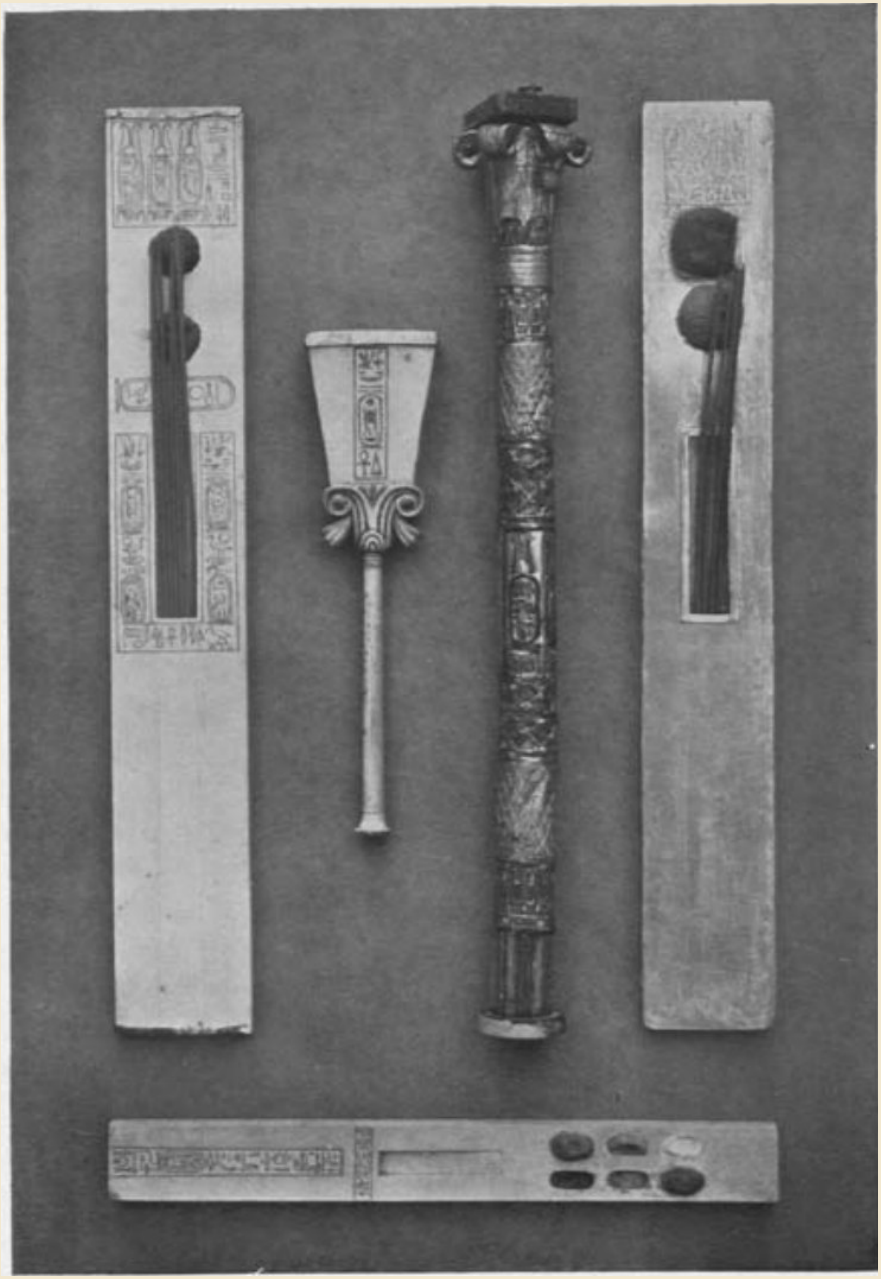

Таблица XXII. Письменный прибор. (A) Палетка Меритатон из слоновой кости. (B) Палетка царя из слоновой кости. (C) Лощило царя из слоновой кости. (D) Футляр для тростинок царя. (E) Золотая палетка царя

Назначение изящного, но странного орудия из слоновой кости, похожего на колотушку (таблица XXII, C), распознать не так легко; однако его верх, покрытый золотом, наводит на мысль, что это лощило для разглаживания шероховатой поверхности папируса. Что оно принадлежит к этой группе, видно из того, что подобное орудие было найдено вместе с прибором писца, обнаруженным нами несколько лет назад в одной фиванской гробнице.[1] Корзинка (таблица LXVI, B) из сердцевины папируса, выложенная льном и посвященная Амону-Ра, Херахте, Птаху и Сехмет, тоже относится к этому прибору. О том, что в ней лежало первоначально, пожалуй, можно составить понятие по тому, далеко не царскому, прибору писца, о котором только что упомянуто.

[1] См.: Карнарвон и Картер. «Пять лет исследований в Фивах», с. 75–77, таблица LXVI.

Но вернемся к палетке, футляру для тростинок и маленькому лощилу: любопытно отметить тонкость и изысканное изящество, которыми они проникнуты. Это яркий и прекрасный пример простоты и вместе с тем памятки милой старины, несущие очарование эпохи династий. Найдя маленькую корзинку, мы надеялись, открыв ее, обнаружить какие-нибудь записи, быть может образец почерка юноши; но она, как и вся гробница, была пуста — ни одного документа.

Как бы ни отождествлялся умерший с Осирисом, умершие, по-видимому, опасались трудовой повинности (*corvée*) у этого бога, который как царь мертвых и там продолжал возделывать и

орошать землю и сеять хлеб на *полях блаженных* и обходился со своими подданными в том мире так же, как тогда, когда был их великим царем и наставником в земледелии на этой земле.

Поэтому, чтобы избежать такой будущей участи и избавить умершего от тягостных обязанностей, которые могла бы повлечь за собой повинность, в этой комнате, как и в боковой камере, хранилось множество погребальных статуэток, называемых ушебти (*шавабти*), изображающих царя спеленутым, в облике мумии. Первоначально такие фигурки делали из дерева *шавабти*, откуда и происходит их название; назначение их, согласно шестой главе «Книги мертвых», — заменять умершего в загробном мире, если его призовут исполнять какую-либо утомительную работу, «*как обязан человек, — возделывать поля, орошать луга или переносить песок с Востока на Запад*». Когда умершего призывают, этим фигуркам велено: «*Тогда скажи ты: „Вот я“*».

Их орудия — мотыга, кирка, коромысло, корзина и сосуд для воды, — либо изображенные на них, либо положенные рядом в виде медных и фаянсовых моделей (таблица LXVII, A), ясно указывают, какую работу они должны были исполнять для своего умершего господина в будущей жизни. Что в данном случае эти фигурки — изображения царя в облике Осириса, видно из имен и титулов на них, а в лучших образцах — из стремления передать сходство с Тутанхамоном (таблица XXIII).

Их поместили во множество деревянных киосков на полозьях (таблица LXVII, B), куда было уложено 413 фигурок и 1866 моделей орудий. Сводчатая кровля (то есть крышка) каждого киоска была тщательно обвязана шнуром и запечатана. Сами фигурки сделаны из дерева, расписанного дерева, дерева с позолотой по левкасу, дерева, покрытого левкасом по льну и расписанного, из кварцита, алебастра (кальцита), белого, желтого

и кристаллического известняка, серого и черного гранита, из светло- и темно-синего, фиолетового и белого глазурованного фаянса; одни вырезаны в лучшем стиле, другие вылеплены почти в первобытной манере. В лучших образцах сама их символика выражает совершенное спокойствие смерти.

Таблица XXIII. Фигурка-ушебти царя

На подошвах ступней шести прекрасно вырезанных деревянных фигурок выгравированы посвящения, показывающие, что эти фигурки были особо сделаны и поднесены к похоронам высокими сановниками и, без сомнения, личными друзьями Тутанхамона. Посвящения эти таковы:

> «Сделано верным слугой, полезным своему господину, царским писцом Миннахтом для своего господина, Осириса, владыки Обеих

Земель, Небхепрура, оправданного».

«Сделано царским писцом, военачальником Миннахтом для своего господина, Осириса, царя Небхепрура, оправданного».

«Осирис, царь Небхепрура, оправданный; сделано слугой, который дает жить имени своего господина, военачальником Миннахтом».

«Сделано слугой, возлюбленным своим господином, военачальником Миннахтом для своего господина, Осириса, царя Небхепрура, оправданного».

«Сделано носителем опахала по правую руку царя… Мин[нахтом] для своего господина, Осириса, Небхепрура, оправданного».

«Сделано слугой, полезным своему господину Небхепрура, начальником казны Майей».

Такие посвящения подтверждают предположение профессоров Шпигельберга и Ньюберри, что фигурки этого рода посвящали слуги умершего, отдававшие свою службу господину и в этой жизни, и в той, что за гробом.

Миннахт — возможно, тот самый человек, который высек гробницу для царя Эйе в Вадейне; он упоминается на неизданной стеле времен Эйе в Ахмиме, а стелы того же сановника есть в Британском музее и в Берлине. О «начальнике казны Майе» см. ниже.

С фигурками-ушебти связано и напоминает об Осирисе своего рода маленькое изваяние умершего царя, найденное в этой комнате в небольшом продолговатом ларце (таблица XXIV) и тщательно обложенное льном. Вырезанное из дерева, оно представляет царя лежащим, в облике мумии, подобно божественному прообразу, на погребальном одре в виде льва. Эта «осирическая» фигура царя вытянулась во весь рост на ложе; голова его, покрытая головным убором *немес*, несет царского

урея; руки, свободные от пелен, сжимают знаки Осириса — посох и плеть, к сожалению, ныне утраченные. Слева птица *ба*, или «душа», охраняет мумию своим левым крылом; напротив сокол — (?) *ка*, или «дух», — охраняет мумию правым крылом; и это, видимо, не что иное, как проявления божественной защиты со стороны «Души» и «Духа» умершего царя. Вместе с этим изваянием был положен набор маленьких медных орудий — кирка, мотыга, коромысло и две корзины, — сходный со снаряжением, найденным при фигурках-ушебти и принадлежавшим им.

Посвящения, вырезанные на одре, гласят: «*Сделано слугой, полезным его величеству, который ищет доброе и находит прекрасное и исполняет это основательно для своего господина, который творит [или: делает] превосходное в Великолепном месте, — начальником строительных работ в Месте вечности, царским писцом, начальником казны Майей*». «*Сделано слугой, полезным своему господину, который отыскивает превосходное в Месте вечности, начальником строительных работ на Западе, возлюбленным своим господином, исполняющим то, что говорит он [его господин], не допускающим, чтобы что-нибудь пошло не так, с радостным лицом, когда он делает это* [sic] *с любящим сердцем как дело, полезное своему господину*». «*Царский писец, возлюбленный своим господином, начальник казны Майя*».

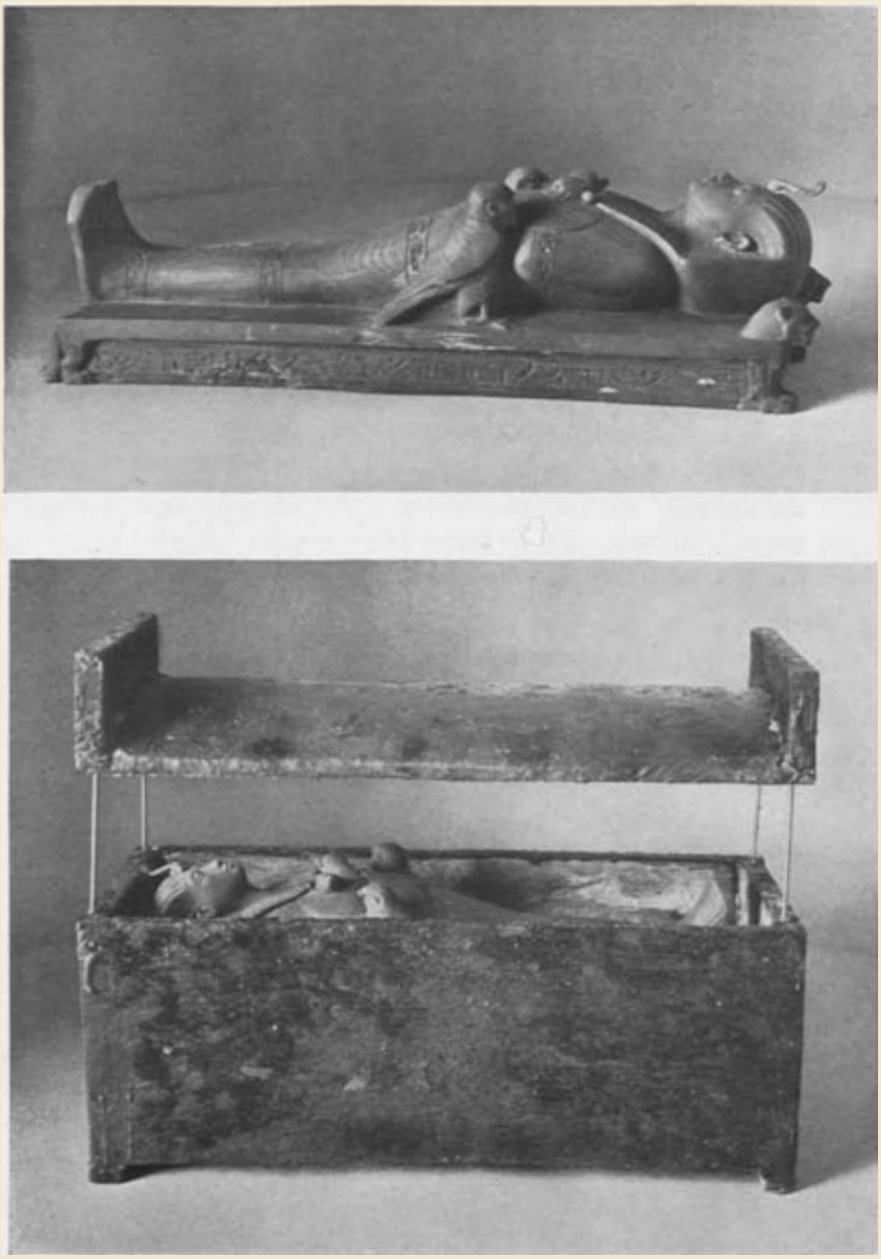

Таблица XXIV. Изваяние умершего царя

Надписи на самом изваянии таковы: «*Слова, сказанные оправданным царем Небхепрура: Сойди, мать моя Нут, простри себя надо мною и сделай меня Нетленными звездами, что в тебе*». «*Почтенный перед*» — Имсети, Хапи, Анубисом, что в месте бальзамирования, Анубисом, Дуамутефом, Кебехсенуфом, Гором и Осирисом.[2]

[2] Этими переводами я обязан мистеру Баттискомбу Ганну.

Любопытно и важно для истории, что это изваяние сделал начальник работ в Месте вечности (то есть в гробнице) Майя, который, как мы только что видели, посвятил царю и фигурку-ушебти. Он, по всей вероятности, ведал высеканием гробницы царя, а в восьмой год Хоремхеба ему вместе с «его помощником, управителем Фив Тутмосом» было поручено возобновить погребение царя Тутмоса IV, пострадавшее от грабителей гробниц (т. I, с. 54). Это, должно быть, произошло лет через одиннадцать после погребения Тутанхамона и, по-видимому, примерно тогда, когда его гробницу вновь запечатали после разных ограблений, которые она претерпела. Так что, возможно, Майя ведал и повторным запечатыванием гробницы Тутанхамона: печати, примененные на гробнице Тутмоса IV, необычайно похожи на те, которыми пользовались, когда вновь закрывали гробницу Тутанхамона.

В царствование Тутанхамона Майя носил титулы: «*Начальник строительных работ в Месте вечности, начальник строительных работ на Западе, начальник казны, царский писец*». Но в царствование Хоремхеба, как мы узнаем, он достиг сана «*Носителя опахала по левую руку царя, предводителя праздника Амона в Карнаке*» и был «*сыном врача Ауи, рожденным госпожой Урт*».

Простой продолговатый деревянный ящик, стоявший к северу от канопического балдахина, грабители гробниц опустошили полностью. Его двускатную крышку надели обратно задом наперед, и осталась лишь упаковка в восьми его прямоугольных отделениях. Она состояла из кусков папирусных стеблей, измельченной сердцевины папируса, а на дне каждого отделения — маленького свертка льняной ткани с длинным ворсом. Не было ни малейшего указания на то, что в нем лежало первоначально, разве только тщательность упаковки наводила на мысль, что вещи были хрупкими — возможно, стеклянными.

До сих пор находки в этой гробнице были немногим больше, чем чередой предметов или групп предметов, составлявших блестящее погребальное снаряжение, но здесь нас ждали неожиданности, каких мы не предвидели.

Поверх киосков с фигурками-ушебти (см. таблицу IV) лежал небольшой деревянный человекообразный гроб длиной около тридцати дюймов, сделанный наподобие гроба вельможи того времени. Он был покрыт блестящим слоем черной смолы с позолоченными лентами надписей, обращенных к божествам-хранителям и духам-покровителям умерших. Он был обвязан полосками льна у шеи и у лодыжек и запечатан печатью некрополя. В нем лежал второй гроб, с позолотой по левкасу, украшенный на манер царского гроба, но ни на одном из этих двух гробов не было царских знаков, хотя в надписях на них названо имя Тутанхамона (таблица XXV, A). Во втором гробу был третий, маленький, из простого дерева, а рядом с ним — статуэтка Аменхотепа III из массивного золота, завернутая в отдельный кусок погребального полотна (таблица XXV, A, B, C). Внутри этого третьего гроба был четвертый, тоже деревянный, человекообразный, длиной не больше пяти дюймов. Этот

последний гробик был обернут льном, обвязан у шеи лентой из мельчайших бусин, запечатан у лодыжек и, как и при погребении царя, обильно умащен (таблица XXV, D). На нем были титулы и имя царицы Тии, а внутри, бережно завернутая в лен, лежала заплетенная прядь ее волос.

Таблица XXV. Фамильные реликвии. (A) Набор из двух маленьких гробов. (B) Третий, меньший гроб. (C) Золотая цепочка и статуэтка Аменхотепа III. (D) Четвертый, крошечный гроб с прядью волос царицы Тии

Такие фамильные реликвии — прядь рыжевато-каштановых волос великой наследной царевны, великой царской супруги, владычицы Обеих Земель Тии и статуэтка ее державного супруга Аменхотепа III — свидетельствуют о любви и преданности. Это были, по всей вероятности, личные вещи, хранившиеся в семье, достояние, переходившее по законному наследованию. Тутанхамон, последний наследник, был последним в

царствующем доме Аменхотепов; потому эти реликвии и погребли вместе с ним. Золотая статуэтка (таблица XXV, C), подвешенная на цепочке, кончавшейся шнурами с кистями, чтобы завязывать ее сзади на шее, была безделушкой, и с ней обошлись соответственно; прядь же волос была частью человеческих останков, останков царственной особы, и потому удостоилась царского погребения.

Но еще необычайнее было содержимое двух маленьких человекообразных гробов, положенных голова к ногам в деревянный ящик (см. таблицу IV) рядом с только что описанными гробами. Они тоже были сделаны так, как делали для знатной особы. Они были покрыты блестящей черной смолой и украшены позолоченными лентами надписей, обращенных к божествам-покровителям умерших, но посвящены лишь безымянному «Осирису» (то есть умершему). Гробы были тщательно обвязаны полосками льна в трех местах — у горла, посередине и у лодыжек, — и каждая завязка была запечатана глиной с оттиском печати некрополя. В каждом гробу был внутренний позолоченный гроб того же рисунка (таблица XXVI). В одном лежала маленькая мумия, сохраненная по погребальному обычаю XVIII династии. Голову ее покрывала маска с позолотой по левкасу, на несколько размеров больше, чем нужно (таблица XXVI, A). Льняные пелены облекали хорошо сохранившуюся мумию мертворожденного ребенка (таблица LI, A). В другом гробу (таблица XXVI, B) внутренний гроб содержал чуть большую мумию недоношенного ребенка (таблица LI, B), тоже спеленутую по обычаю того времени.

Эти трогательные останки дают много пищи для размышлений. Почти несомненно, это были дети Тутанхамона, и, хотя ничто не говорит нам об этом определенно, по всей

вероятности, их матерью была Анхесенамон. Возможно, эти *два* преждевременных рождения были лишь делом случая — следствием какой-то неправильности в здоровье юной царицы. Однако не следует забывать, что несчастье с будущей матерью освободило бы трон для тех, кто стремился его занять. Но толкование — исключительное достояние историка, и, поскольку исследование такого рода требует методичного, научного и беспристрастного подхода, я должен отослать читателя к ценному отчету доктора Дугласа Дерри, приведенному в приложении I к этому тому.

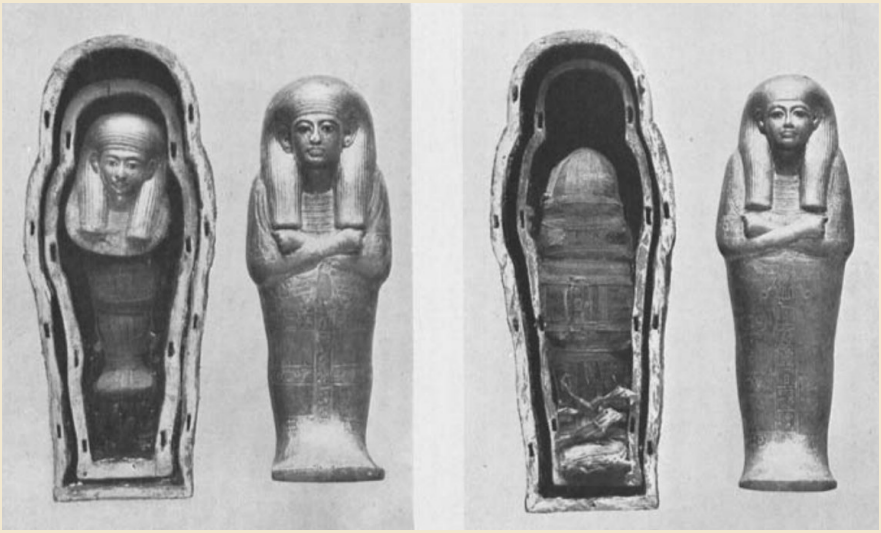

Таблица XXVI. Гробы и мумии двух мертворожденных детей

Как я уже упоминал, гробы лежали в ящике рядом, голова к ногам. Любопытно, однако, что пальцы ступни большего гроба были срублены, потому что мешали крышке ящика как следует закрыться. Подобный случай мы отметили и с внешним гробом царя (т. II, с. 90). Другая любопытная особенность — отсутствие

маски на мумии большего ребенка. В тайнике, найденном мистером Теодором Дэвисом, где оказались остатки от погребальных обрядов Тутанхамона (т. I, с. 77–78), была маска с позолотой по левкасу таких же размеров и того же характера, что найденная здесь на меньшем ребенке. Не предназначалась ли она для этой большей мумии и не осталась ли неиспользованной потому, что была слишком мала и не налезала на голову?

Содержимое другого ящика в этой группе, безусловно, заслуживает описания. Ящик был запечатан обычным способом, но печать была сломана, а крышка оставлена приоткрытой: значит, грабители в нем рылись. Ящик был пуст, если не считать шестнадцати маленьких моделей орудий, одна из которых лежала на полу рядом с ящиком, куда ее обронили. Неожиданности — частый удел археолога: эти крошечные модели орудий, вставленные в твердые деревянные рукояти темного зерна, оказались железными (см. таблицу XXVII).

Два орудия — ланцетовидные (*a*), у двух конец закручен наподобие резца-гравировальщика (*c*), два — долотца с небольшим перехватом на стержне (*e*), три имеют форму обычного долота (*g*), три других сходны с группой (*e*), но с более длинными рукоятями (*j*), и, наконец, четыре — веерообразные долотца, вставленные в короткие плоские рукояти (*m*). Лезвия толщиной примерно в полмиллиметра; длина их — от 2,7 до 1,5, а ширина — от 0,85 до 0,30 сантиметра; они покрыты знакомой рыжей ржавчиной. Мистер А. Лукас, исследовавший их, добавляет:

> «По всему виду это железо, покрытое окислом; они притягиваются магнитом, а частицы корродированной поверхности дают обычную химическую реакцию на железо. Коррозию можно удалить (в одном случае она и была частично

удалена) крепкой азотной кислотой, после чего остается блестящая поверхность металлического железа».

Такие предметы кажутся неуместными среди обрядовых вещей, принадлежавших погребальному культу царя; немыслимо и то, чтобы в таком большом ящике лежали лишь эти маленькие орудия. Их хрупкая и довольно непрочная работа наводит на мысль, что это модели, а не настоящие инструменты для работы. А если так (обрядовыми они не были), это бросает совсем иной свет и на их значение в гробнице, и на их историческую ценность в вопросе об употреблении железа в Египте в эпоху династий. Если это модели, то оказаться здесь они могли из-за нового или необычного металла; быть может, их поднесли царю в ознаменование его появления или открытия в Египте. Во всяком случае, признавая их историческую важность, необходимо по меньшей мере предостеречь от поспешных и необоснованных выводов о железе и его употреблении древними египтянами.

Таблица XXVII. Набор железных орудий

Хотя железной руды довольно много в Восточной пустыне Египта и на Синайском полуострове и хотя добыча меди требовала большего металлургического умения, египтяне были почти исключительно мастерами меди и бронзы. Лишь к этому времени относится первое действительно достоверное доказательство того, что они употребляли железо, да и в это царствование, вероятно, лишь как чужой и новый металл. Медь и сменившая ее бронза — обычные металлы на протяжении всего династического периода Египта, а железные предметы в Египте на редкость скудны даже при последующих династиях и при чужеземном владычестве.

Исходя из случайных находок кусков железа, утверждали, что железо было известно египтянам и употреблялось ими со времен Великой пирамиды и даже в додинастическую пору. С другой стороны, мне встречалось мнение, что редкость железа среди египетских древностей объясняется тем, что эти древности в большинстве случаев — принадлежности гробниц, а железо, считавшееся у древних египтян нечистым металлом, никогда не употреблялось ими в религиозных целях.

Такие доводы я считаю несостоятельными. Ведь, во-первых, мне довелось просеять пыль разграбленных гробниц Аменхотепа I и Тутмоса I, двух гробниц царицы Хатшепсут, гробниц Тутмоса IV и Аменхотепа III, и среди многочисленных обломков вещей, включая мельчайшие бусины и крошечные кусочки меди и бронзы, найденных в этих гробницах, я не нашел ни следа железа — до открытия этой гробницы, где нашлось девятнадцать отдельных железных предметов. Кроме того, ведя многие годы раскопки в Долине царей, я находил в разных слоях династического щебня множество отломившихся при работе концов бронзовых долот, которыми каменотесы высекали

царские подземные гробницы; но ни разу не нашел и следа железа, не говоря уж о железном орудии. Во-вторых, если египтяне считали железо нечистым, почему же железные знаки — такие как подголовник *урс* и око Гора, — а также железный кинжал (т. II, с. 109, 135) были положены на священные останки этого фараона, Тутанхамона? В самом деле, начиная с его царствования мы находим особые амулеты для умерших, сделанные из этого металла. Здесь, в этой гробнице, два предмета были, несомненно, обрядовыми, остальные, возможно, образцами: по меньшей мере шестнадцать из них, по-видимому, лишь копии ремесленных орудий.

Взглянем на минуту на все собрания египетских древностей в Европе, включая выдающееся собрание Каирского музея, где более 50 000 предметов всех родов, и посмотрим, сколько там достоверных образцов железа. Думаю, здесь достаточно сказать, что среди всего этого материала, от додинастической поры до последних египетских династий, — плода более чем столетних исследований в Египте — можно насчитать лишь двенадцать-тринадцать случаев железа, из которых, включая эту находку, лишь около пяти можно признать бесспорно династическими по происхождению. Вот, пожалуй, и все, что у нас есть среди — не смею сказать скольких — десятков тысяч египетских древностей.

Такие факты, несомненно, указывают на истинное положение дел. Египтяне, за исключением, быть может, редких случаев, не имели дела с железом. Это был народ, очень приверженный старине; они были мастерами меди и бронзы, и все их удивительные работы выполнены этими металлами.

В заключение скажу: историческая ценность именно этих образцов, по-моему, скорее в том, что они говорят о появлении железа в Египте, чем о действительном употреблении этого

металла египтянами. Они бесспорно доказывают, что в эту пору железо в Египте знали, но не обязательно, что его сколько-нибудь широко употребляли в стране; и я должен здесь добавить, что, за исключением царского кинжала, все железные предметы в этой гробнице отличаются явной грубостью работы.

Возвращаясь к ящику, в котором нашли эти железные орудия: возможно, что четыре факела в виде знака *анх* и светильники (т. I, с. 113, таблица LXXV), найденные на ложе с гепардами[3] в передней камере, происходят из этого ящика. У нас есть в нескольких случаях достаточно доказательств того, что металлические вещи, хранившиеся в этой комнате, грабители выносили в переднюю камеру, где, видимо, разглядывали их, забирали или бросали либо отламывали от них части — смотря по тому, что им казалось ценным. Эти подставки для факелов и светильники, безусловно, находились не на своем месте; части их недоставало, а их деревянные подножия, покрытые черной смолой, совпадают с пятнами подобного же черного вещества, найденными на дне ящика изнутри. Их размеры — высота и площадь, которую они заняли бы, — соответствуют вместимости ящика. Позолоту на подставках для факелов при плохом свете могли принять за золото, а обман обнаружился при ближайшем рассмотрении в передней камере. Это, по крайней мере, догадка за отсутствием иного объяснения.

[3] Теперь я думаю, что на этом ложе изображены гепарды, а не львы, как сказано прежде.

В северо-западном углу этой комнаты, прислоненный к стене (таблица IV, A), стоял царский футляр для лука, украшенный очень тонкой наборной работой, свойственной XVIII династии и особенно царствованию Тутанхамона. В сущности, убранство этого футляра охватывает две области орнамента — рельефную и

плоскую. Рельефный орнамент выполнен в тисненом (тонком) листовом золоте по особо подготовленной основе; плоский орнамент, главная особенность футляра, — это набор из разных пород коры, наложенных полосок окрашенной кожи и золотой фольги, кое-где с радужными надкрыльями жуков, дающий чрезвычайно гармоничный цвет. Такое убранство не только соперничает по впечатлению и качеству с живописью, но и вызывает восхищение терпеливым и искусным трудом древних мастеров.

С обеих сторон футляра (таблица XXVIII, А) замысел орнамента и символичен, и традиционен; главная тема — идеализированные сцены охоты, в средоточии которых — фигура царя. Рама футляра и каймы вокруг его панелей украшены узорами из гирлянд, пальметт и ромбической сетки, в которые включены иероглифические надписи. Ближе к суживающимся концам футляра, которые завершаются головами гепардов из фиолетового фаянса с позолоченными гривами, помещены маленькие символические сцены, где царь в образе льва с человеческой головой попирает чужеземных недругов Египта. Центральные панели из тисненого золота изображают царя на колеснице, охотящегося с луком и стрелами; его сопровождают собаки, которые бегут рядом с конями или впереди них, лают или гонят добычу (таблица XXVIII, В). Треугольные панели по обе стороны изображают тончайшим набором разных животных — обитателей пустыни, — настигнутых стрелами царя (таблица XXIX).

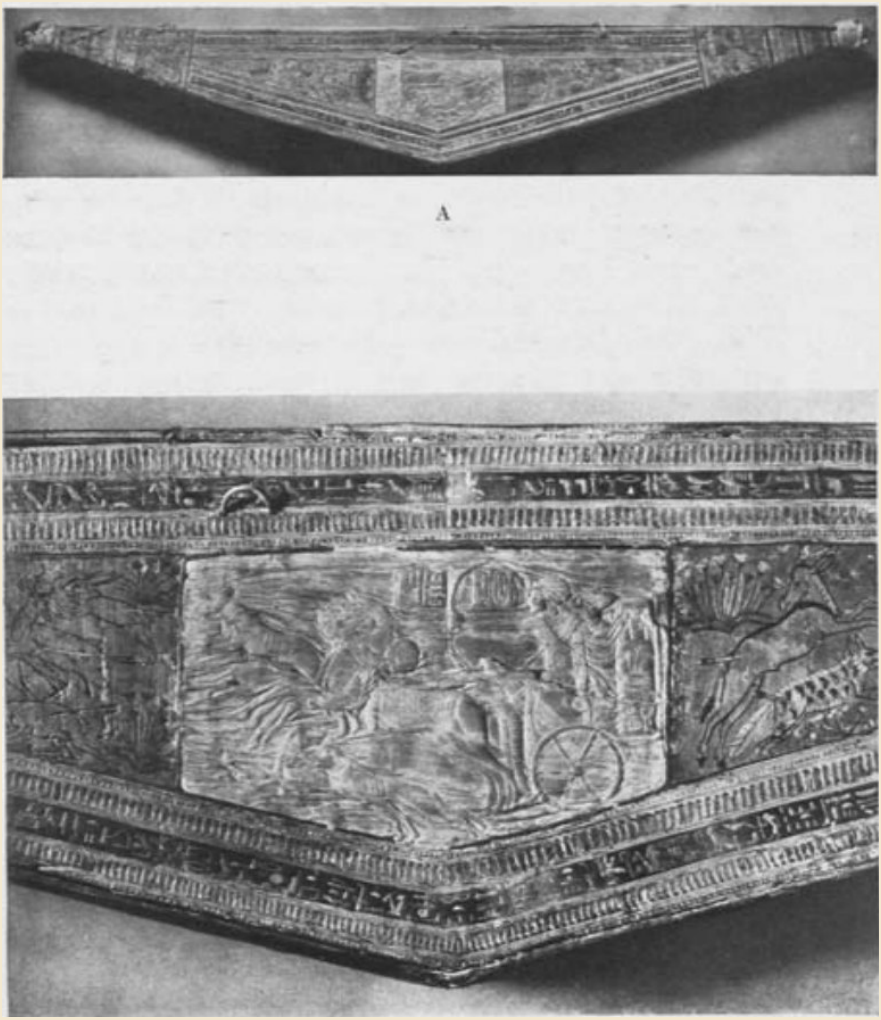

Таблица XXVIII. (A) Царский футляр для лука. (B) Подробности центральной панели

Этот футляр, очевидно, принадлежал одной из охотничьих колесниц царя, найденных в этой комнате в разобранном виде (таблица IV, A), и крепился к ней медными креплениями,

сделанными нарочно для этого. В нем лежали три аккуратно сделанных составных лука, ныне, к несчастью, в плачевном состоянии: их клеевые сердцевины в какое-то давнее время стали вязкими, вытекли и засохли сплошной черной массой.

Внимательное рассмотрение животных, изображенных на треугольных панелях (см. таблицу XXIX), не лишено интереса. Рыжие антилопы с характерной длинной мордой и высоким гребнем под угловатыми лировидными рогами, с умеренно длинным мохнатым хвостом достаточно отчетливы, чтобы признать в них один из североафриканских видов бубала. Белые антилопы с длинными рогами — либо альгазель, то есть белый орикс (*O. leucoryx*), либо, судя по прямизне рогов, белый аравийский орикс (*O. beatrix*). Меньшие антилопы песочного цвета с полулировидными рогами — вероятно, обыкновенная газель-доркас или близкий к ней вид. Они, как и уже определенная выше более крупная антилопа, а также пустынный заяц, изображенный на тех же панелях, — заметные обитатели открытой пустыни, какую, по-видимому, и изображают эти сцены. Животное, похожее на козла, с длинными рогами, которые поднимаются от темени и постепенно загибаются назад, с поперечными валиками на передней стороне и гладкими концами, явно представляет вид горного козла (*Capra ? Sinaitica*). Такие животные живут на возвышенных местах, особенно в более гористых краях. Другая не совсем согласная подробность в том, что охота на колеснице с луком и стрелами предполагает дневную забаву, а между тем мы находим в этих сценах полосатую гиену, ведущую ночной образ жизни и предпочитающую днем сумрак пещер или нор, которые она иногда роет. Есть и еще более загадочная подробность. Некоторые горные козлы изображены с крупными темными

пятнами — признак, насколько я знаю, неизвестный у африканских, азиатских и европейских видов этого животного.

На памятниках Древнего и Среднего царств орикс и горный козел встречаются прирученными, и их откармливали для стола. Козлят горного козла можно выкормить козьим молоком и легко приручить, а так как горный козел скрещивается с домашней козой (Кювье), возможно, что изображенная здесь пятнистая порода и есть потомство от такого скрещивания. Если так, это бросает совсем иной свет на эти сцены и открывает очень любопытную черту охотничьих забав фараонов. Ведь это наводит на мысль, что они, возможно, разводили и сберегали животных для охоты и что у них были для этого особые заповедники, или загоны, подобные древнеперсидскому *пайридаэза* — парку, или ограде, где содержали животных. Охота в краалях, или зерибах, — иногда на больших пространствах, обнесенных сетями, — встречается среди настенных росписей древнеегипетских гробниц.

Наконец, вместе с разобранными частями двух охотничьих колесниц, найденных в этой комнате (таблица IV, A), лежал бич с надписью: «*Царский сын, начальник войска Тутмос*». Кто был этот царевич, который, чтобы быть «начальником войска» в царствование Тутанхамона, не мог быть очень молодым? Был ли он сыном Тутмоса IV или сыном Аменхотепа III? Этот вопрос еще ждет решения. Если он был сыном Тутмоса IV и был жив во время погребения Тутанхамона, ему должно было быть не меньше шестидесяти лет, а то и больше; если же он был сыном Аменхотепа III, как скорее можно предположить, ему было бы не больше тридцати пяти лет ко времени смерти Тутанхамона. Косвенные свидетельства такого рода должны иметь некоторое значение для вопроса о том, чьим сыном был этот царевич.

A

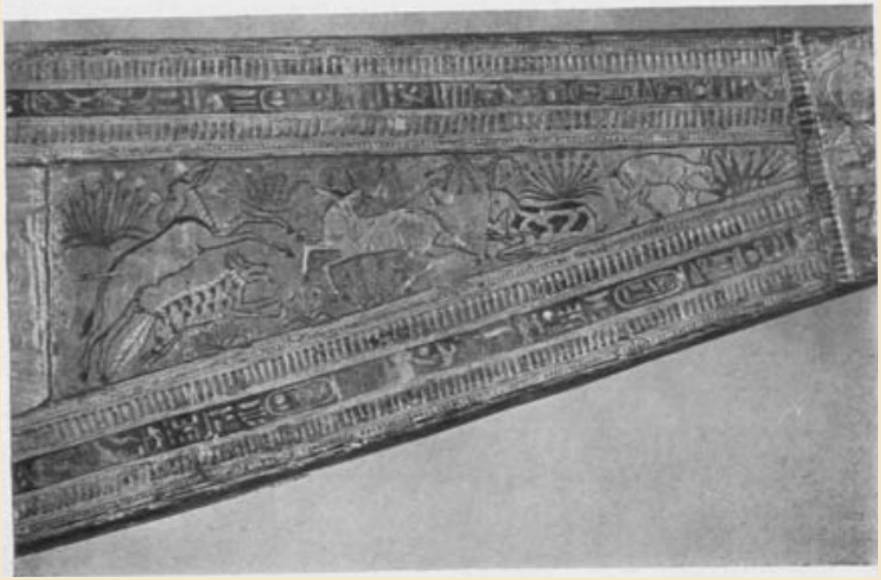

Таблица XXIX. Царский футляр для лука. Подробности (A) левой и (B) правой панелей

ГЛАВА III. БОКОВАЯ КАМЕРА

✦

(Кладовая)

Странные и прекрасные предметы вызывают удивление, догадки и добрые слова; но разве не все они — знаки мысли и успехов того века, которому принадлежат? Пищу для размышлений дают и факты.

В течение двух предыдущих сезонов во Внутренней сокровищнице у нас почти не было повода для упреков по части общего расположения и состояния предметов, с которыми нам приходилось иметь дело. Но в рассказ о работе этой зимы нам придется добавить ложку сомнения!

В противоположность сравнительному порядку и стройности содержимого Внутренней сокровищницы, в этой последней камере — боковой камере, или кладовой, — мы находим мешанину всевозможного погребального скарба, как попало сваленного одно на другое, так что описать это почти невозможно. Кровати, кресла, табуреты, скамеечки для ног, подушки для коленей, игральные доски, корзины с плодами, всякого рода алебастровые сосуды и глиняные винные кувшины, ящики с погребальными фигурками, игрушки, щиты, луки и стрелы и другое метательное оружие — все перевернуто вверх дном. Ларцы опрокинуты, их содержимое рассыпано, — словом, все в беспорядке.

Этот беспорядок, без сомнения, был делом грабителей, но в других камерах была сделана хотя бы поверхностная попытка

восстановить порядок. Ответственность за такое полное небрежение, по-видимому, лежит, таким образом, в значительной мере на чиновниках некрополя, которые, приводя после ограбления в порядок переднюю камеру, погребальную камеру и Внутреннюю сокровищницу, эту маленькую комнату вовсе оставили без внимания.

A

Таблица XXX. Внутренний вид боковой камеры от входа. Обратите внимание на следы ног грабителей времен династий на белом ящике для луков (B). (См. таблицу XXXI)

Преувеличить царивший там беспорядок было бы трудно; он был живым образом и драмы, и трагедии. Созерцая эту картину, где смешались жажда добычи и разрушение, казалось, можно было представить себе, как грабители в спешке хватали добычу: золото и другие металлы были для них естественной целью, а со всем остальным они, по-видимому, обошлись самым грубым образом. Едва ли нашелся бы предмет, на котором не было бы следов расхищения, а перед нами — на одном из больших ящиков — остались даже следы ног последнего, кто проник сюда (таблица XXX, B).

Эта маленькая кладовая была лишь еще одним свидетелем того небрежения и бесчестья, которые претерпели царские гробницы. В Долине нет ни одного памятника, который не доказывал бы, сколь ложна и недолговечна дань уважения, воздаваемая человеком. Все ее гробницы были разграблены, все поруганы и обесчещены.

В последние дни ноября 1927 года мы смогли приступить к этому заключительному этапу наших исследований. Два дня довольно напряженной работы пришлось потратить на то, чтобы расчистить путь к маленькому проходу, ведущему в эту комнату. Южный конец передней камеры, где находится этот проход, был тогда занят несколькими большими частями крыш разобранных ковчегов, укрывавших саркофаг, — для удобства их поставили туда еще в начале нашей работы в гробнице. Нам пришлось перенести их в северный конец передней камеры, чтобы

освободить достаточно места и для доступа в эту кладовую, и для выноса находившихся в ней предметов.

Проход в эту комнату, высотой всего 51 дюйм и шириной 37 дюймов, был заложен грубыми обломками известняка и снаружи замазан штукатуркой. По сырой еще штукатурке было оттиснуто множество отпечатков четырех разных погребальных печатей царя (см. т. I, таблица XIV). Когда закладку обнаружили, от нее оставалась лишь верхняя часть: нижнюю проломили воры. Этот пролом так и не был заделан (см. т. I, таблица XXVIII). Надписи на оттисках печатей в верхней части закладки гласят: (1) «*Царь Верхнего и Нижнего Египта Небхепрура, проводивший жизнь в создании изображений богов, дабы они давали ему курения, возлияния и приношения каждый день*»; (2) «*Небхепрура, создавший изображения Осириса и построивший дом его, как было изначально*»; (3) «*Небхепрура — Анубис, торжествующий над „Девятью луками“*»; и (4) «*Их владыка, Анубис, торжествующий над четырьмя плененными народами*».

Прочтением этих весьма несовершенных оттисков печатей мы обязаны главным образом, если не целиком, любезной помощи профессора Брестеда и доктора Алана Гардинера. Они провели несколько дней, изучая их в довольно трудных условиях, еще на первых этапах открытия.

Когда воры совершили свое вторжение, они, как я уже упоминал, пробили отверстие в этой закладке прохода; через это-то отверстие мы и осмотрели комнату в первый раз (см. т. I, с. 103 и далее).

Комната, сравнительно небольшая — 14 футов в длину, 8 футов 6 дюймов в ширину и 8 футов 5 дюймов в высоту, — не имела никакой отделки и ничем не отдавала дань вкусу. Она грубо вырублена в коренной скале и была предназначена для своего

дела — служить кладовой. Были заметны следы разрушительной работы времени: вырубленные в скале стены и потолок потемнели от сырости, проникавшей сюда во время редких затоплений.

История этой маленькой комнаты, пусть и несчастливая, была тем не менее романтична. В картине, открывшейся перед нами, было что-то сбивающее с толку и все же занимательное. Несуразная мешанина предметов, сваленных друг на друга с бездумной жестокостью и озорством, без сомнения, скрывала странную историю, если бы только ее можно было раскрыть. Наши электрические лампы залили светом ее загроможденное содержимое, и среди этого скопища погребальных принадлежностей, наваленных на высоту четырех-пяти футов, резко выступили многие странные очертания. Наш свет выхватывал причудливые предметы, лежавшие один на другом и торчавшие из дальних мест и углов. Совсем рядом, перевернутое вверх ножками, лежало большое кресло, похожее на складной стул, украшенное во вкусе далекого века. Поперек комнаты, ненадежно опираясь на бока, лежали кровати такого вида, какой и сегодня в ходу в краях Верхнего Нила. Тут ваза, там крошечная фигурка смотрели на нас с покинутым видом. Было там разное оружие, корзины, глиняные и алебастровые кувшины и игральные доски, раздавленные и перемешанные с камнями, упавшими из пролома, пробитого в запечатанном проходе. В углу напротив, высоко, словно в нерешительности, держался разбитый ящик, распираемый хрупкими фаянсовыми сосудами, — он готов был рухнуть в любую минуту. Посреди всякой всячины — всевозможного скарба и погребальных символов — почти невредимым стоял шкафчик на тонких ножках. Втиснутые между ящиками и под предметами самых разных форм, лежали

алебастровая ладья, лев и фигура блеющего козерога. Опахало, сандалия, обрывок одеяния, перчатка! — в странном соседстве с символами живых и мертвых. Вся эта картина, право, казалась почти нарочно придуманной с театральной ловкостью, чтобы привести зрителя в замешательство.

Когда заглядываешь в камеру, убранную и запечатанную благочестивыми руками в давно минувшие времена, тебя охватывает волнение; кажется, будто сама природа этого места и предметов заставляет зрителя умолкнуть в благоговении. Но здесь, в этой камере, где царил один беспорядок, место этого волнения заняло отрезвляющее сознание огромной предстоящей работы. Ум был занят одним вопросом: как лучше за нее взяться.

Способ, которым нам в конце концов пришлось вынести эти триста с лишним древних предметов, был, мягко говоря, довольно прозаичен. Прежде всего нужно было освободить на полу достаточно места для ног, и делать это приходилось как придется — головой вниз, перегнувшись через порог, который возвышался над уровнем пола более чем на три фута. Выполняя эту неудобную работу, нужно было принимать все меры предосторожности, чтобы неосторожное движение не вызвало обвала древностей, ненадежно наваленных вне нашей досягаемости. Не раз, чтобы спасти тяжелый предмет, лежавший так, что малейшее прикосновение заставило бы его упасть, нам приходилось перегибаться и тянуться далеко вперед, повиснув на веревочной петле под мышками, которую держали трое или четверо человек, стоявших в передней камере. Так, всякий раз убирая один за другим самый верхний предмет, до которого можно было дотянуться, мы проложили себе путь внутрь и постепенно собрали сокровища. Каждый предмет или группу предметов нужно было сначала сфотографировать, пронумеровать и

записать, прежде чем сдвинуть с места (см. таблицу XXXI). Именно по этим записям нам в конце концов удалось до известной степени восстановить то, что прежде произошло в камере.

Таблица XXXI. Боковая камера во время расчистки. (См. таблицу XXX)

Признаюсь, первым моим впечатлением было, что расположение этих предметов лишено смысла и что из такого беспорядка почти ничего или вовсе ничего нельзя извлечь. Но по мере того как мы продвигались в исследовании и вынимали их предмет за предметом, становилось ясно, что о первоначальном их порядке и о позднейшем хаосе можно собрать немало данных. Беспорядок, естественно, сильно затруднял толкование улик, и к тому же досадно было обнаруживать, что наши выводы, как бы верны они ни были, редко удавалось окончательно доказать. Тем не менее

внимательное изучение фактов, каковы бы они ни были, раскрыло одно важное обстоятельство, а именно: в этой маленькой комнате произошли две отдельные кражи совершенно разного рода. Первую кражу — ради золота, серебра и бронзы — совершили известные похитители металла из гробниц, обшарившие все четыре камеры гробницы в поисках всего подобного, что можно унести. Второе ограбление, очевидно, совершили воры другого рода, искавшие только дорогие масла и умащения, хранившиеся в многочисленных каменных сосудах. Стало ясно также, что эта боковая камера, подобно таким же маленьким камерам в других царских гробницах XVIII династии, предназначалась под кладовую для хранения масел, умащений, вина и пищи. Но в этом случае поверх ее собственного содержимого было сложено то, что не уместилось из прочих предметов погребального убора.

Предметы, которые можно назвать посторонними, были положены туда, как я думаю, не столько из-за недостатка места, сколько, вероятно, из-за отсутствия порядка, когда убор размещали в гробнице. Например, читатель помнит, что под ложем Хатхор в передней камере лежала груда яйцевидных деревянных футляров с разными мясными припасами (см. т. I, таблица XVIII). Им по праву следовало бы храниться в боковой камере. Но по какому-то недосмотру о них, по-видимому, забыли, а так как проход в боковую камеру уже был закрыт, их пришлось поставить в каком-нибудь удобном месте в передней камере, которую, естественно, закрывали последней из всех комнат гробницы. Кроме того, часть погребальных ладей и фигурок (*ушебти*) той же серии, что была поставлена во Внутренней сокровищнице, нашлась в этой боковой камере.

По собранным фактам мы можем более или менее восстановить последовательность событий. Сначала в северном конце этой боковой камеры на пол поставили около сорока глиняных винных кувшинов; рядом с ними прибавили не меньше тридцати пяти тяжелых алебастровых сосудов с маслами и умащениями; рядом с ними, а некоторые даже сверху, поставили сто шестнадцать корзин с плодами; оставшееся место заняли другой утварью — ящиками, табуретами, креслами, кроватями и прочим, что было навалено сверху. Затем проход закрыли и запечатали. Это, очевидно, было сделано прежде, чем что-либо поставили в передней камере, потому что после того, как туда внесли принадлежавшие ей предметы, ничего нельзя было бы пронести в боковую камеру и нельзя было бы закрыть ее проход.

Когда похитители металла совершили свое первое вторжение, они, очевидно, проползли под ложем Таурт в передней камере, пробились через запечатанный проход в боковую камеру (см. т. I, таблица XXVIII), перерыли все ее содержимое в поисках металлических предметов, которые можно унести, и, без сомнения, были повинны в значительной части беспорядка, найденного в этой камере. Позднее — когда, сказать невозможно — произошло второе ограбление. На этот раз целью были дорогие масла и умащения, хранившиеся в алебастровых кувшинах. Это последнее ограбление было тщательно обдумано. Так как каменные сосуды были слишком тяжелы и громоздки, чтобы унести их целиком, воры пришли с более удобными вместилищами — кожаными мешками или бурдюками[1], — чтобы унести добычу. Не осталось ни одного кувшина, с которого не была бы снята пробка, ни одного, который не был бы опорожнен. На внутренних стенках некоторых сосудов, где были густые мази, и сегодня видны следы пальцев этих воров. Чтобы добраться до

тяжелых каменных сосудов, утварь, наваленную на них сверху, явно переворачивали и швыряли как попало из стороны в сторону. Итак, поняв вероятную причину, читатель легко догадается и о следствии.

[1] Несколько брошенных бурдюков было найдено в нисходящем входном коридоре.

Знание об этом втором ограблении проливает свет на загадку, занимавшую нас с самого начала открытия гробницы. Почему во всем ее погребальном уборе были тронуты совсем незначительные каменные сосуды? Почему одни из них лежали пустыми на полу камер, а другие были вынесены и брошены во входном коридоре? Жиры, или масла, которые в них некогда хранились, имели тогда, без сомнения, гораздо большую ценность, чем мы, возможно, себе представляем. Это объясняет и то, почему гробницу закрывали заново дважды, как о том говорили следы на запечатанном входе и на внутреннем проходе коридора. Думаю также, что разрозненные корзины и простые алебастровые кувшины, найденные разбросанными на полу передней камеры, происходят из той группы, что стояла в этой боковой камере. Они столь явно того же разряда и, вероятно, были вынесены ворами для удобства. То же рассуждение относится и к одинокой фигурке ушебти, найденной прислоненной к северной стене передней камеры (см. т. I, с. 120). Она, конечно, должна была попасть туда из одного из разбитых ящиков для ушебти в этой последней маленькой комнате — ведь там нашлись другие, подобные ей.

Предание гласит, что по погребальному обычаю каждый предмет, принадлежащий к убору гробницы, имел в ней свое предписанное место. Однако опыт показал, что, как бы ни были верны руководящие правила, строго их соблюдали редко. Либо

недостаток предусмотрительности в отношении нужного места, либо отсутствие порядка при размещении сложного убора в камерах гробницы брали верх над преданием. Строгого порядка мы не находили никогда — мы находили лишь приблизительный.

Таковы были общие факты и впечатления, собранные во время этой заключительной части наших исследований в гробнице. Сколько в этом толковании бесспорного факта и сколько украшающей его догадки, доказать было бы очень трудно, если не невозможно. Можно, однако, сказать, что это справедливое толкование того, что произошло. Если бы я привел многочисленные заметки, сделанные во время самой расчистки, чтобы распутать факты, читатель легко заблудился бы в лабиринте темных и противоречивых данных — за деревьями не стало бы видно леса. Поэтому я дал то, что считаю справедливым кратким изложением всего вопроса. Ничто никогда не изменит того факта, что мы, несомненно, нашли в этой гробнице свидетельства любви и уважения, смешанные с отсутствием порядка и с бесчестьем, постигшим ее впоследствии. Эта гробница, хотя и не разделила целиком участи своих родственниц, пусть и более величественных усыпальниц, все же была ограблена — дважды ограблена — еще во времена фараонов, и здесь вполне можно повторить слова Вашингтона Ирвинга: «Какая же надежность у гробницы?» Я полагаю также, что оба ограбления произошли через немного лет после погребения. Такие факты, как перенесение мумии Эхнатона из ее первоначальной гробницы в Эль-Амарне в вырубленную в скале келью в Фивах, по-видимому, в царствование Тутанхамона, и возобновление погребения Тутмоса IV на восьмом году царствования Хоремхеба, после того как гробница была лишена своих сокровищ, проливают немалый свет на положение дел в царском некрополе в ту эпоху. Религиозная

смута в государстве в то время, упадок династии, удержание престола великим управителем двора и, вероятно, регентом Эйе, которого в конце концов сменил полководец Хоремхеб, — все это события, которые, можно предположить, способствовали подобным расхищениям. Должно было пройти немало времени, прежде чем даже сам победоносный Хоремхеб сумел навести порядок после смуты, царившей в ту пору, утвердить свое царство и добиться соблюдения законов своего государства. Во всяком случае, свидетельства, которые дают эти два погребения и эта гробница, доказывают, как страдали царские гробницы даже в пределах своей собственной династии. Удивительно лишь, как случилось, что это царское погребение со всеми его богатствами избежало конечной участи двадцати семи остальных в Долине.

ГЛАВА IV. ПРЕДМЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ В БОКОВОЙ КАМЕРЕ

✦

(Кладовая)

В предыдущей главе я постарался описать состояние, в котором мы нашли боковую камеру, впечатление, которое она производит на зрителя, и события, подсказанные нашими наблюдениями, которые могли произойти после того, как ее впервые закрыли. В этой главе я намерен описать главные древности, которые нам удалось спасти из этого разорения. Удивительно было, как некоторые весьма хрупкие предметы уцелели почти невредимыми, несмотря на дурное обращение, которое им пришлось претерпеть. По причинам, которые я сейчас изложу, я разделю материал на две части.

Рискуя показаться скучным, повторяю, что, если не считать дел грабителей, было явное указание — можно сказать даже, наглядное доказательство — беспорядка, или отсутствия надлежащего порядка, когда предметы впервые ставили на место. Поэтому свидетельства о том, для чего предназначались различные камеры гробницы, не вполне ясны; к тому же сама гробница не отвечает обычному плану и сильно сокращена. Отсюда следует, что в отношении разных видов погребального убора, который древние египтяне по обычаю относили к каждой камере, многое из собранных свидетельств еще нужно отсеять и проверить. Тем не менее можно с уверенностью предположить, что эта боковая камера была просто кладовой, предназначенной

для припасов, вин, масел и умащений. По этой причине предметы, описанные в части I этой главы, можно назвать «посторонними», так как, возможно, они вовсе не предназначались для этой комнаты, а были поставлены в нее за недостатком места в другом месте. Вторую группу — часть II — я считаю обычным, по преданию, содержимым этой кладовой, называемой боковой камерой. Природа самого материала, по-видимому, тоже требует такого разделения.

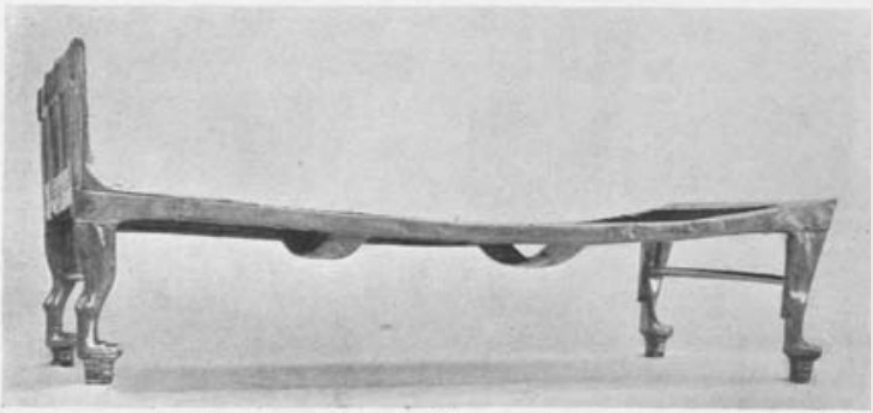
Часть I. Посторонние предметы, по обычаю не принадлежавшие к боковой камере (кладовой)

На самом верху этой груды, протянувшись от стены до стены камеры, лежали три большие кровати, похожие по форме на нынешние суданские *ангарибы*. У них деревянные рамы, сетка из бечевы, на одном конце — щиты изножья, а опираются они на передние и задние ножки звериного, кошачьего вида. Одна из них, не представлявшая особой ценности, была сильно поломана; вторая, из черного дерева с позолотой, хотя и не очень тонкой работы, была в сносном состоянии; но третья (таблица XXXII, B), из резного черного дерева, обложенного толстым листовым золотом, сохранилась почти в первоначальном виде, если не считать того, что ее покоробило оттого, что она так долго пролежала на неровной поверхности. Пропорции этой последней кровати, пожалуй, лучше, чем у всех прочих, найденных в этой гробнице. По своим особенностям она, очевидно, сделана в Эль-Амарне: предмет ее украшения — чисто растительный, а именно гирлянды из лепестков и плодов, букеты, купы папируса и осоки с красными верхушками, выбитые чеканом и рельефом по полированному золоту (таблица XXXII, C) и обозначающие

Северный и Южный Египет. Любопытно, что поперечные распорки, укрепляющие раму снизу, изогнуты, чтобы провисающая сетка не касалась их, когда на кровати спали.

A

B

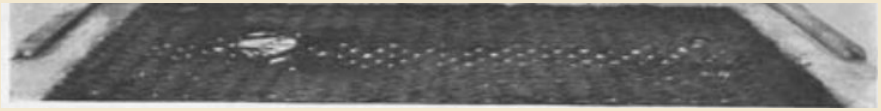

Таблица XXXII. (A) Складная походная кровать. (B) Кровать, обложенная золотом. (C) Подробности щита изножья кровати, обложенной золотом

Под грудой всевозможного скарба в южном конце комнаты (см. таблицу XXXI) мы нашли четвертую, очень любопытную складную кровать, сделанную нарочно для путешествий. Она сделана из легкого дерева, выкрашенного белой краской, и устроена так же, как уже описанные, но благодаря тяжелым бронзовым петлям удобно складывается втрое (таблица XXXII, A).

Теперь я обращусь к самым разнообразным и самым привычным предметам домашней обстановки — креслам, скамеечкам для ног и подушке для коленей, которые были принадлежностью господского права и, по сути, в ту эпоху служили знаками власти.

Втиснутое вверх ножками в юго-восточный угол, между стеной и одной из кроватей, стояло богато отделанное кресло, которое, пожалуй, вернее назвать «складным стулом» (faldstool); по своему значению оно соперничает с так называемым светским троном, найденным в передней камере (т. I, с. 117–119, таблица LXIII). Ничто не говорит нам определенно о его назначении, но чрезвычайно тщательная отделка и строгий вид наводят на мысль, что оно совершенно иного разряда, чем остальные кресла. В самом деле, по своему характеру оно подобает только «парадному креслу», как и предмет, названный «светским троном», который слишком богат и пышен для обычного домашнего употребления. Похоже, на самом деле, что это был церковный трон царя, на котором он восседал как высшая духовная власть; во многом оно напоминает епископское кресло,

или складной стул, в наших нынешних соборах. Оно имеет форму складного стула, но, сохранив складное устройство, в ту раннюю пору уже стало жестким и обзавелось спинкой (таблица XXXIII).

Его широкое изогнутое сиденье, сделанное наподобие гибкой кожи, — из черного дерева, инкрустированного кусочками слоновой кости неправильной формы, которые подражают пестрым пятнам пегой шкуры. Средняя же часть сиденья украшена рядом маленьких прямоугольных пластинок слоновой кости, окрашенных под разные другие шкуры, в том числе под шкуру гепарда. Сиденье опирается на скрещенные ножки, как у складного табурета; они вырезаны из черного дерева, инкрустированы слоновой костью в виде гусиных голов и частично обтянуты тонким листовым золотом. Между распорками и нижними перекладинами — сквозной орнамент из позолоченного дерева, символизирующий союз «Двух царств» — Верхнего и Нижнего Египта; большая его часть была выломана грабителями гробниц времен династий в поисках добычи.

Верхняя часть прямой изогнутой спинки обложена листовым золотом и богато инкрустирована фаянсом, стеклом и естественными камнями. Здесь в украшение включены солнечный диск Атона и его имена, тронное имя царя и его имя в форме с Атоном, а также коршун Нехбет, держащий опахала с одним страусовым пером. Ниже этого изображения идет ряд инкрустированных брусков и стоек, обрамляющих пластинки из слоновой кости и черного дерева, на которых написаны различные наименования царя. Особенно любопытны эти надписи тем, что в них даны и атоновская, и амоновская формы личного имени царя, причем атоновская форма нигде не тронута. Этот складной стул, таким образом, — важный исторический документ, касающийся колебаний политики и веры в это

царствование, ибо из того, что атоновские и амоновские составные части стоят рядом, можно, по-видимому, заключить, что возвращение юного царя к старой вере Фив совершалось постепенно, а не сразу.

Таблица XXXIII. Церковный трон царя и скамеечка для ног

Таблица XXXIV. Белое деревянное кресло

Сзади, чтобы придать жесткость этому креслу в форме складного табурета, к спинке, к сиденью и к задней нижней перекладине прикреплены вертикальные рейки. Верхний брусок и поддерживающие рейки инкрустированы наименованиями царя, среди которых есть и атоновская форма его имени. Оборотная сторона спинки обложена листовым золотом, и на ней тонко вычеканен большой коршун Нехбет с опущенными крыльями, окруженный различными хвалебными эпитетами.

Укрепляющая рама этого кресла, покоробленная редкими затоплениями сыростью, которые претерпела гробница, больше не исполняет своего назначения: ее шипы теперь не входят в гнезда. Поэтому этот памятник власти поставил перед нами не одну задачу по части починки, даже если речь шла лишь о том, чтобы обеспечить его безопасную перевозку из гробницы в Каирский музей. Вместе с этим креслом нашлась и парная к нему скамеечка для ног (см. таблицу XXXIII), столь же богатой работы. Она сделана из дерева, обложенного фиолетовой глазурованной керамикой, и инкрустирована слоновой костью, стеклом и естественными камнями. На ее «ступени» изображены традиционные девять чужеземных врагов Египта, выполненные из золота, черного дерева и кедра и расположенные так, что ноги царя покоились бы на врагах Египта.

Было что-то почти забавное и вместе трогательное в положении маленького белого кресла (таблица XXXIV), быть может из царской детской, с высокой спинкой и звериными ножками, перевернутого вверх ногами среди такого простого общества, как кувшины для масла и вина да короба с плодами, с которыми ему пришлось соседствовать. Подобно парному к нему

табурету (таблица LXVIII, B) с позолоченным орнаментом между сиденьем и распорками, оно жалось к кроватям царского дома. Внизу, под порогом камеры, придавленный тяжелыми каменными сосудами, стоял еще один табурет, тоже выкрашенный белой краской, но на этот раз трехногий и с полукруглым сиденьем (таблица LXVIII, A). У этого довольно нарядного табурета сквозное резное деревянное сиденье в виде двух львов, связанных голова к хвосту. Край украшен спиральным узором. Как и у его только что описанных товарищей, пространство между распорками, скрепляющими раму ножек, заполнено сквозным традиционным тронным орнаментом — «Двумя царствами», Верхним и Нижним Египтом, соединенными под властью единого царя. Кроме своеобразной формы, у него есть и особая черта, делающая его в некотором роде единственным в своем роде. Большинство египетских кресел и табуретов имеют либо обычные ножки в виде бычьих или кошачьих лап, либо иногда ножки с утиными головами, тогда как ножки этого полукруглого табурета — собачьи. Хотя эти кресла и табуреты так обветшали и потускнели, на них еще видны следы той обстановки, в которой они когда-то жили.

Напротив входа, на вершине груды предметов, сложенных у западной стены, стояло садовое кресло из тростникового плетения. Сиденье и спинка были покрыты, а бока нижней рамы обтянуты расписным папирусом. Роспись на спинке состояла из лепестков венчика лотоса, а на сиденье были «Девять луков», то есть связанные азиатские и африканские пленники в пышных одеждах. Плетение (большей частью из расщепленных стеблей папируса) и папирусное покрытие истлели настолько, что сохранить удалось лишь немногие обломки.

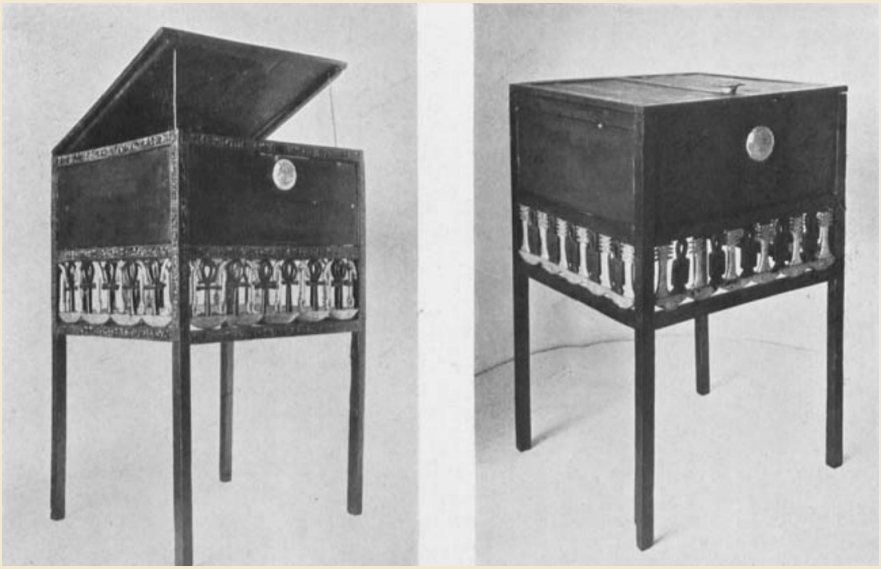

Таблица XXXV. Два шкафчика в виде столиков

Было еще несколько маленьких прямоугольных скамеечек для ног, засунутых в разные места. Они сделаны из кедра или черного дерева, причем одна соединяет обе породы дерева и украшена слоновой костью (таблица LXIX, A). Размеры их, кажется, подходят только ребенку. Особенно любопытна была подушка для коленей (таблица LXIX, B), такая, какую можно встретить в употреблении и сегодня. К сожалению, на ней видны следы того, что она знавала лучшие дни, но от нее осталось достаточно, чтобы видеть: она, без сомнения, служила в каком-то обряде. Хотя она сделана из обыкновенного тростникового плетения, обтянутого простым полотном, ее украшает сложная и яркая многоцветная вышивка бисером, изображающая чужеземных пленников, связанных и распростертых вокруг средней розетки. Этот рисунок — условный орнамент, который в древнем Египте обычно связывали со скамеечками для ног и циновками (ср. т. I, с. 119), — окружен

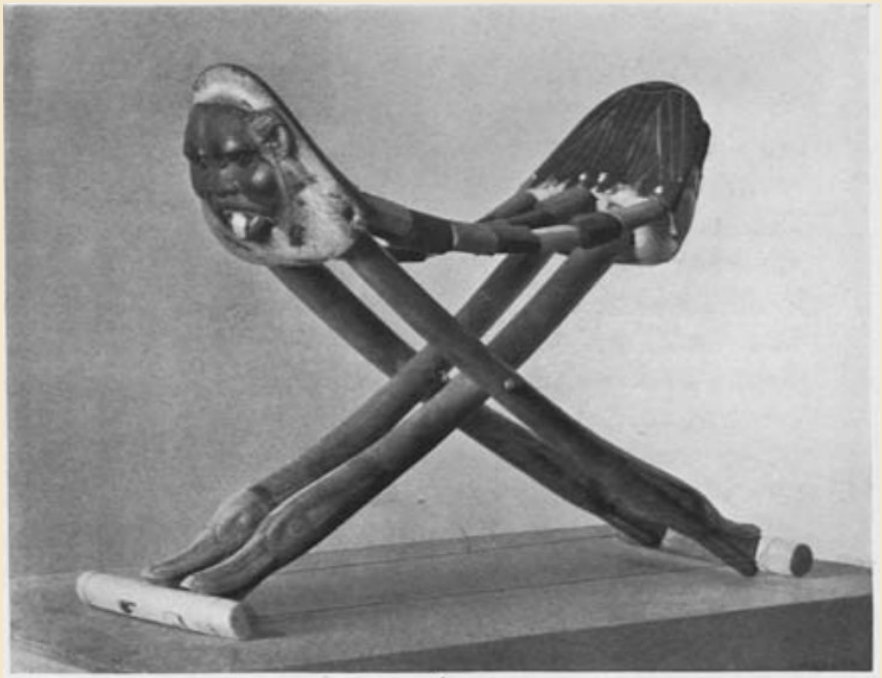
узором из гирлянд, а бока подушки заключены в бисерную сетку, похожую на кружево. Скамеечки, очевидно, предназначались для царственных ног; подушка, быть может, — для царских колен.

В очень ненадежном положении, среди всякой всячины посреди камеры, стоял шкафчик на четырех тонких ножках, высотой около двадцати трех дюймов (таблица XXXV, A). Это одна из тех причудливых древностей, в которых есть и все своеобразное очарование легкой египетской мебели, и все черты того, что нам угодно называть «современной» работой. Его богатые темно-красные кедровые филенки совсем гладкие; стойки, бруски и распорки из черного дерева инкрустированы хвалебными титулами и другими наименованиями царя, написанными иероглифами; а между дном шкафчика и распорками идет сквозной фриз, символизирующий «Всю жизнь и благополучие», — резьба из чередующихся позолоченных и простых знаков черного дерева. Крышка откидывается на бронзовых петлях, прикрепленных к верхнему бруску задней стенки шкафчика. На крышке и на передней филенке — позолоченные шишечки, к которым некогда были привязаны шнур и печать. Если судить по иератической надписи на филенке парного шкафчика (таблица XXXV, B), найденного в этой камере разбитым, этот предмет мебели, вероятно, предназначался для тонких полотняных одеяний царя. Но его содержимое было разбросано, а быть может и украдено, и в нем мы нашли четыре очень красивых подголовника, которые, очевидно, положили туда уже после ограбления.

Первый из этих подголовников (таблица XXXVI, B) — великолепный образец резьбы по слоновой кости, быть может лучшее произведение египетского символического искусства Нового царства из всех, что мы до сих пор открыли; к тому же,

приобретя оттенок древности, он сохранился безупречно. Замысел его украшения, по-видимому, отражает представления официальной религии, а предмет основан на одном из ранних представлений о «мироздании», когда все вещи встали на свои места. Изображенный миф представляет Геба и Нут — бога земли и богиню неба — мужем и женой, которых разлучил их отец Шу, бог воздуха. Фигура-кариатида, Шу, вклинивается между землей и небом и поднимает богиню неба в вышину вместе со всеми созданными до того богами. Нут, богиня неба, взяла богов себе, пересчитала их и сделала их звездами. На восточном и западном краях земли (то есть у основания подголовника) можно заметить львов «Вчера и Завтра». Они, вероятно, символизируют восход и закат Ра, бога солнца и прародителя всех существ, смертных и бессмертных, а может быть, изображают приход и уход Осириса — умершего. Фигура Шу (воздуха), поднимающего небо в вышину, и два *арит* — львы восточного и западного горизонтов — полны достоинства. Зритель не может не ощутить спокойствия этого маленького памятника, вдохновленного, казалось бы, добрым и радостным чувством, что царь, упокоившись, склонит голову на небо и, быть может, станет звездой на небосводе. Второй подголовник (таблица XXXVI, A) имеет вид маленького складного табурета из резной и тонированной слоновой кости. Хотя это прекрасный образец мастерства, ему недостает высшего достоинства первого. Вместо этого мы находим в нем любовь к причудливому: главное в нем — голова (окрашенная в темно-зеленый цвет) Беса, карлика-демона с нарочито безобразным лицом, домашнего божества, которое глубоко почитали в народе; он был малого роста, и обязанностью его было забавлять богов игрой на бубне и смотреть за божественными детьми. Третий подголовник (таблица LXX, A) — из густо-синего, как лазурит,

фаянса. Здесь эстетическое заступает место символического: главное в нем — смелая форма и богатый цвет — лазурная синева, украшенная золотом. Так же сделан и четвертый подголовник (таблица LXX, B), выполненный из непрозрачного бирюзово-голубого стекла, с воротничком из чеканного золота вокруг стойки. Эти подголовники принадлежат к обрядовому убору, которого требовал египетский погребальный обычай. Умершему дают их для его будущего блага. Государственные мастера, не выходя за пределы установленного обычаем, по-видимому, гордились тем, чтобы сделать их для своего царственного господина как можно проще и красивее. В них нет однообразия; у каждого есть какая-нибудь выдающаяся черта, делающая его особой разновидностью традиционного изголовья *урс*, предписанного «Книгой мертвых», чтобы «поднять голову простертого».

A

Таблица XXXVI. Два подголовника, вырезанные из слоновой кости

Среди ряда украшенных ларцов в северном конце камеры был найден один, сильно пострадавший, но чудесный. Крышка была заброшена в один угол, а сам пустой ларец отброшен в другой, и его ножки и стенки были повреждены тяжестью наваленных на него предметов. Хотя его украшение состоит из облицовки слоновой костью, прекрасно вырезанной рельефом, как на ранней греческой монете, и тронутой простыми красками, у него есть каймы из инкрустированного фаянса и полупрозрачного кальцита, и его можно поставить в один ряд с расписным ларцом, найденным в передней камере (ср. т. I, с. 110 и далее, таблицы XXI, L–LIV). Средняя пластина крышки (см. фронтиспис) — бесспорно, неподписанная работа мастера, но, в отличие от военных сцен на расписном ларце, мотив здесь чисто домашний. На ней изображены юный царь и царица в беседке, увитой виноградом и гирляндами цветов. Царственная чета, в цветочных ожерельях и полупарадных одеждах, стоит лицом друг к другу; царь, слегка опираясь на посох, принимает от своей супруги букеты папируса и цветов лотоса, а во фризе внизу две придворные девушки собирают для своих господ цветы и плоды мандрагоры. Над их величествами — короткие надписи: «*Благой бог, владыка Обеих земель, Небхепрура, Тутанхамон, властитель Южного Гелиополя, подобный Ра*». «*Великая царская супруга, владычица Обеих земель, Анхесенамон, да живет она*». Сюжеты боковых и торцовых пластин относятся к охоте: это фризы с животными и царь с царицей на охоте за птицей и на рыбной ловле, во многом похожие на сцену на маленьком ковчеге, найденном в передней

камере (т. II, таблица I). О том, что содержал ларец, когда его поставили в гробницу, мы можем только догадываться (см. ниже).

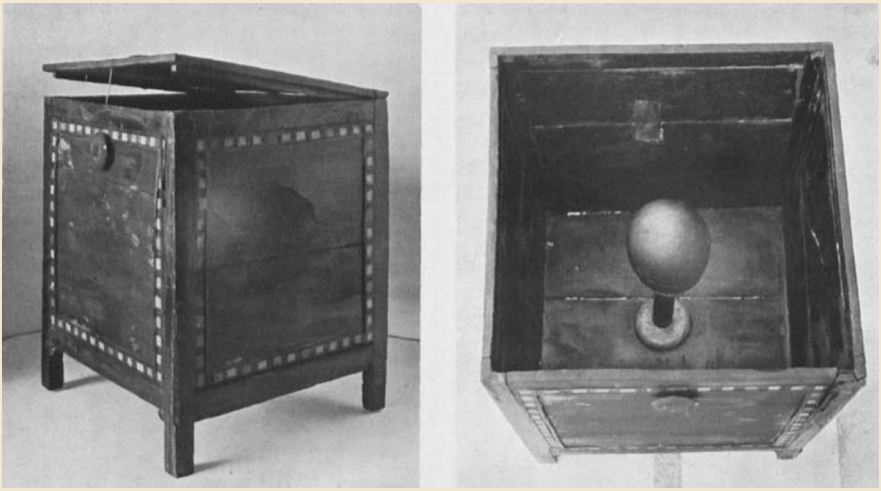

Таблица XXXVII. Ящик для головных уборов царя

Были там и три маленьких сундучка — любопытная память о юности царя. Их поврежденные части были рассыпаны тут и там; у них бронзовые скобы для подвешивания, как у вьючных корзин, и предназначались они, очевидно, для путешествий: их привязывали либо на спину вьючного животного, либо через плечо слуге (таблица LXXI, A). У них рама из черного дерева, филенки из кедра, и они инкрустированы черным деревом и слоновой костью. Надписи на их крышках сообщают нам, что это были «*сундуки для белья Его Величества, когда он был юношей*» и что в них хранились — полагаю, это позднейшая надпись — благовония, камедь, сурьма, несколько сосудиков и золотые кузнечики. Мы нашли куски благовоний и камеди (смолы), порошок сурьмы и маленькие сосудики из фаянса, золота и

серебра, рассыпанные по полу камеры, но ничего похожего на золотых кузнечиков!

Едва ли какой-нибудь предмет вызывает такой особый интерес, как ящик, сделанный нарочно для головного убора царя (таблица XXXVII), заброшенный среди множества винных кувшинов в северном конце этой комнаты. Сама его домашняя природа делает его сразу понятным каждому. Это наследие повседневной жизни прошлого и, можно даже сказать, прообраз шляпной коробки, которой пользуются сегодня. Если не считать простого украшения из синего и желтого фаянса и полупрозрачного кальцита, окаймляющего стенки, это гладкий прямоугольный деревянный ящик с откидной крышкой, внутри которого — подставка с головкой-болванкой для шапочки. Остатки шапочки юного царя нашлись на дне ящика. Она была сделана из тонкого полотна и украшена сложным узором из бусин золота, лазурита, сердолика и зеленого полевого шпата. К несчастью, время так разрушило ткань, что ее уже не восстановить. Есть, однако, достаточно следов былого великолепия, чтобы мы могли записать порядок бусин и составить общее представление о первоначальной форме самой шапочки. Странно, что на крышке была надпись: «*Что в нем*», с упоминанием «*ушебти*»! Это заставляет думать, что по какой-то причине — возможно, ради бережливости — при погребении в него положили несколько погребальных статуэток. А может быть, в этом случае слово понято неправильно.

Кроме только что описанных, было еще семь разбитых ящиков. За исключением одного сундука, все они довольно грубой работы. Из них я упомяну те, что представляют особый интерес.

Первый (таблица LXXI, B) — сундук, сделанный гораздо прочнее любого ящика, найденного нами в этой гробнице, и

немногие остатки его содержимого проливают немалый свет на занятия и забавы ребенка египетского Нового царства. Внутри сундук снабжен сложными перегородками и выдвижными ящичками, которые вдвигаются один над другим, и у каждого есть выдвижная крышка. Эти приспособления пострадали от грубого обращения: их нетерпеливо взламывали руки, явно искавшие ценное, что могло в них лежать. Сундук, по-видимому, предназначался для безделушек и игрушек Тутанхамона в его юности, но, к несчастью, все в нем было перевернуто вверх дном; к тому же многие его мелочи мы нашли разбросанными по полу. Среди немногого, что нам удалось собрать, были: множество браслетов и ножных браслетов из слоновой кости, дерева, стекла и кожи; карманные игральные доски из слоновой кости; пращи для метания камней; перчатки; «огниво»; несколько кожаных лучных «наручей», защищающих левое запястье от удара тетивы; механические игрушки; образцы минералов и даже краски и баночки для красок юного живописца. Снаружи сундук украшен именами и титулами царя, а также посвящениями различным богам. Крышка его открывается на тяжелых бронзовых петлях; крепление шишечки на крышке изнутри так вырезано, что, когда крышку закрывали и поворачивали шишечку, она запирала крышку на ящике. Это приспособление, полагаю, — самый ранний известный до сих пор самозапирающийся замок. Сам сундук размером около 25½ на 13 на 10½ дюйма стоит на четырех квадратных ножках, обитых бронзой, а на середине задней рамы прибит на шпонках большой деревянный амулет *джед*, означающий «устойчивость».

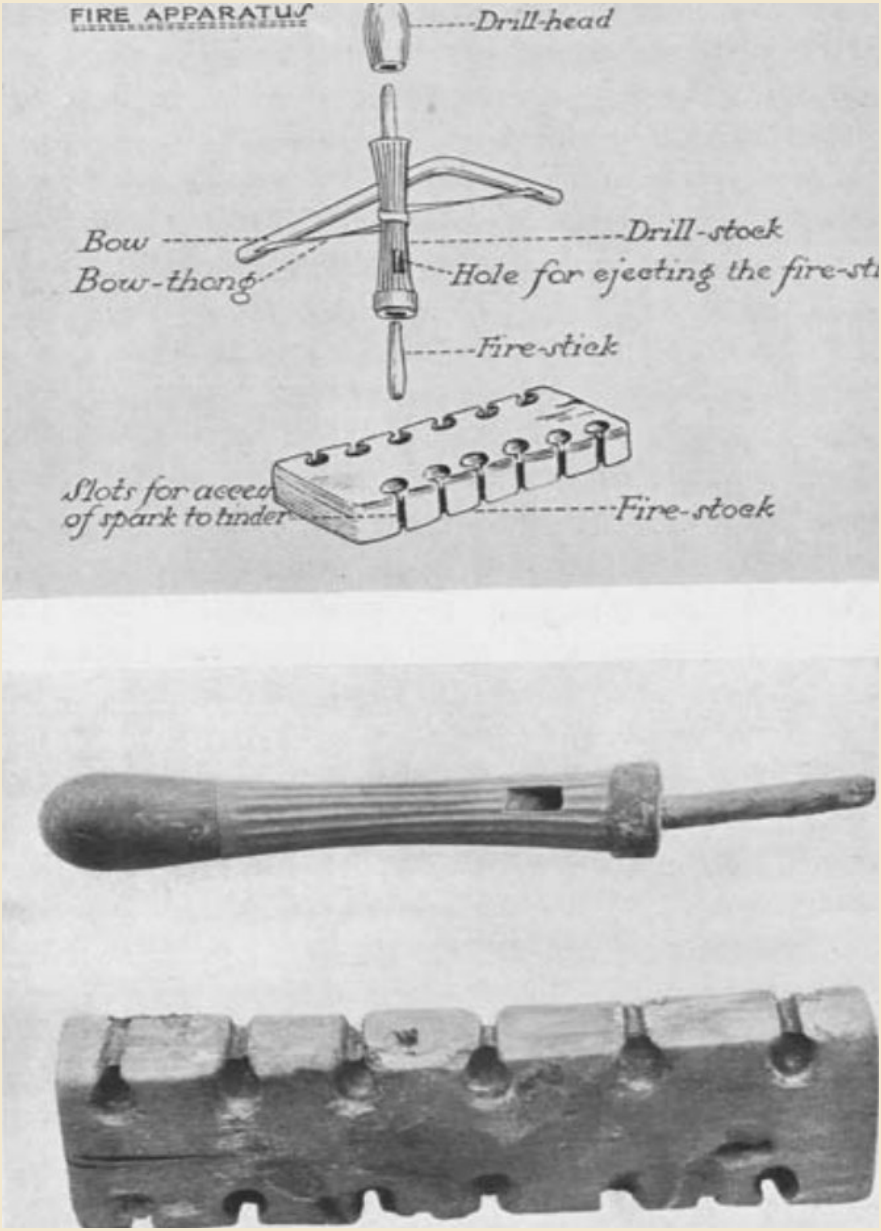

Таблица XXXVIII. Прибор для добывания огня

Чувство мужественности, которое дает обладание орудиями, связанными с огнем, охотой или боем, — такими, как прибор для добывания огня (таблица XXXVIII) и пращи для метания камней (таблица LXXII, A), — было, очевидно, столь же приятно юноше тех дней, как и мальчику нашего времени. Древние египтяне ничего не знали о горючих веществах вроде фосфора и серы, которые легко загораются, если потереть их о какую-нибудь естественную или приготовленную шероховатую поверхность, не знали они и таких средств, как кремень и огниво с трутом. Их «огниво», или способ добывания огня, на протяжении всей их истории, от I до XXX династии, оставался очень простым. Они добывали огонь, быстро вращая палочку в круглом углублении в неподвижном куске подходящего для этого дерева. Для этого они применяли устройство лучкового сверла (см. таблицу XXXVIII), которое было им так хорошо знакомо. Вращение производилось лучком, который попеременно двигали вперед и назад, предварительно обмотав ремень лучка вокруг стержня сверла, в котором была закреплена палочка для добывания огня. А чтобы сверло держалось устойчиво, верхний его конец вставляли в гнездо из камня, слоновой кости или черного дерева, а иногда из косточки ореха пальмы дум, которая, будучи разрезана пополам, давала готовую головку сверла. Круглые углубления, в которых вращалась палочка, делали у края доски для огня, чтобы искра свободно попадала на трут. В «огниве» Тутанхамона углубления для палочки обработаны смолой, чтобы усилить трение и тем облегчить нагрев.

Пращи из кожи для метания камней — на охоте или как боевое оружие — были, вероятно, древнейшим приспособлением, известным человечеству, позволявшим метателю придать камню большую силу и дальность полета. Хотя впервые праща в военном

деле известна нам около VII века до н. э., в Египте она, должно быть, постоянно была в ходу с древнейших времен до наших дней, когда ею все еще пользуются крестьянские мальчишки, которых нанимают отпугивать птиц от созревающих хлебов. Здесь, в этом сундуке для игрушек XIV века до н. э., праща уже усовершенствована. Она уже не кожаная, а сплетена из льняной нити, аккуратно сделана с кармашком, и на конце одного ее шнура есть петля, чтобы крепко держать ее на мизинце, тогда как второй шнур оставлен совсем простым, чтобы отпускать его между большим и указательным пальцами, посылая камень (см. таблицу LXXII, A). По-видимому, чтобы метко бить из пращи, нужно не только брать камень надлежащей величины, но и отпускать свободный конец пращи в нужный миг, чтобы обеспечить и точность, и дальность. Этим, вероятно, и объясняется то, что среди мусора на полу этой камеры мы нашли несколько гладких камешков. Праща этого типа точно такая же, какой еще в недавние годы пользовались коренные жители (сакаи) и малайцы лесных районов в Малайе.

Среди браслетов и ножных браслетов юного царя есть один, представляющий особый исторический интерес. Он вырезан из цельного куска слоновой кости, и вокруг верхнего скоса на нем вырезаны разные животные, на которых охотились. Среди изображенных животных — страус, заяц, козерог, газель и другие антилопы, а также собака, преследующая жеребца, — это показывает, что уже тогда домашней лошади позволяли бегать на воле в *pairidaeza*, подобно тому как пони пользуются свободой в нашем собственном древнем королевском охотничьем угодье — Нью-Форесте. Были там и две пары фаянсовых браслетов с именами предшественников Тутанхамона — Эхнатона и Сменхкары.

О маленьких игральных досках я скажу позднее, вместе с другими, более внушительными, найденными здесь же.

Стоит упомянуть еще один ящик, грубо сделанный и выкрашенный красной краской. Он был разбит и распирался множеством хрупких сосудов из бледно-голубого фаянса (таблица LXXIII, B, C). Мы нашли его высоко у стены напротив входа: одна его стенка отвалилась, но, к счастью, выпиравшие сосуды были достаточно плотно стиснуты, чтобы не выпасть (см. таблицу XXX, A). Они были сущим наказанием в нашей работе, когда мы расчищали эту часть комнаты: любое неловкое движение, прежде чем мы до них доберемся, заставило бы эти сосуды упасть и разбиться вдребезги. Этот ящик, по-видимому, был парным к ящику, найденному в передней камере (№ 54), где лежали подобные же сосуды, но из лазурно-синего фаянса (ср. т. I, с. 116, 174, таблицы XVIII, XXXVII). В таком же ящике без крышки, стоявшем на груде корзин перед входом (см. таблицу XXX, B), хранилось множество миниатюрных светло- и темно-синих фаянсовых передних ног быка. Кроме того, туда небрежно было брошено странное смешение вещей: два скомканных праздничных одеяния, пара перчаток, пара тростниковых сандалий и обрядовая палетка из бирюзово-голубого стекла, которая, конечно, не принадлежала к этому ящику. Охранное значение фаянсовых передних ног неизвестно.

Судя по опыту, вынесенному из содержимого ящиков, найденных здесь и в передней камере, одежда происходила из ларцов лучшего разряда, о которых говорилось выше, а в грубо сделанных ящиках, когда их впервые поставили в гробницу, хранились фаянсовые вазы и всякая всячина, найденная разбросанной по этой и другим камерам.

Два одеяния, которые я решил назвать праздничными, напоминают официальные облачения вроде жреческих — такие, как далматик, который носят диаконы и епископы христианской церкви или короли и императоры при коронации. К несчастью, их состояние, или, вернее, сохранность, далеко от желаемого. Их скомкали и затолкали в ящик вместе, как мы только что видели, с целой кучей разнородных предметов. Они пострадали и от порчи, вызванной сыростью от редких затоплений, случавшихся в гробнице за долгие века; но, хотя с ними так обошлись и они обветшали, на них еще видны следы былой красоты. В своем первозданном виде они, должно быть, были великолепны по цвету. Они имеют вид длинного свободного облачения с богатым украшением гобеленового тканья и с бахромой по обеим сторонам. Помимо этого украшения, на одном из них по широкому подолу внизу вышиты пальметты, растения пустыни и животные (таблица XXXIX). Вырез для шеи и грудь тоже украшены тканым узором. Одно из облачений, с совершенно гладким полем, имеет узкие рукава, как у туникеллы; у другого, все поле которого заткано цветными розетками, а поперек груди — изображениями цветов и картушами, ворот выткан в виде сокола с распростертыми крыльями, а вниз по переду выткана титулатура царя.

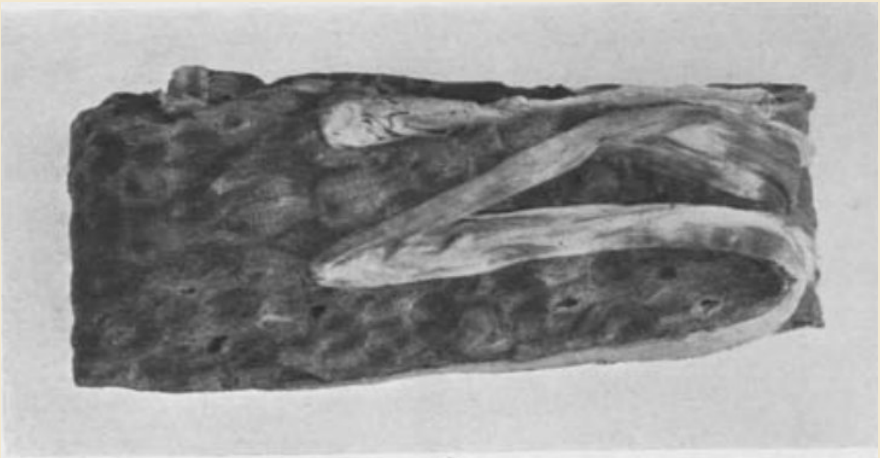
Таблица XXXIX. Льняной далматик, украшенный гобеленовым тканьем и вышивкой

Не могу утверждать, что сведущ в истории подобных одеяний, но так как я нашел в гробнице Тутмоса IV обрывок такого же одеяния с именем Аменхотепа II, можно заключить, что одеяния этого рода были у фараонов обычными. Быть может, их надевали в особых случаях, например при священных обрядах — торжественном посвящении или коронации, — и они были символом радости, во многом подобно далматику, который возлагают на диакона при посвящении в сан, причем совершающий обряд епископ произносит такие слова: «Да облечет тебя Господь в ризу радости и в одеяние веселия». Более того, эти одеяния вполне могли иметь то же происхождение, что и римская одежда, от которой ведет свое начало литургическое облачение христианской церкви — далматик. Облачения этого рода были в ходу в Египте в египетско-римскую эпоху (I–IV века н. э.), а профессор Ньюберри приобрел кусок такой же одежды, тоже из тканого льна, относящийся к арабским временам (султан Бейбарс, XIII век н. э.), который по исполнению узора почти тождествен обрывку одеяния Аменхотепа II XIV века до н. э.

Гораздо лучше сохранилась пара перчаток (таблица XL), аккуратно сложенных, тоже из льна гобеленового тканья. Они, возможно, предназначались в пару к одеяниям[2] и так же вытканы узором из ярких чешуек, а у запястья у них кайма из чередующихся бутонов и цветков лотоса. Края этих перчаток подшиты простым полотном, и у них есть тесемки, чтобы завязывать их вокруг запястья. Хотя их ткань была в лучшем состоянии, чем ткань далматиков, она все же была хрупкой и рассыпалась в порошок; но благодаря доброму совету доктора Александра Скотта относительно химической обработки оба далматика были спасены от их бедственного состояния, а одну из перчаток удалось развернуть для выставки.

[2] Римско-католический епископ, совершая архиерейское богослужение, надевает перчатки, а также особую обувь, тунику и далматик под ризу.

Остальные ящики грубой работы были найдены пустыми и слишком обветшали, чтобы заслуживать описания.

A

Таблица XL. Пара льняных перчаток гобеленового тканья. (A) Перчатка такой, какой ее нашли, — аккуратно сложенная. (B) Парная перчатка после того, как ее развернули

Среди этой разнородной груды скарба мы нашли два странного вида футляра из белого дерева. Один из них имел форму вытянутого ковчега размером около 25½ на 2¼ на 1¾ дюйма, и в нем, по-видимому, некогда хранился тяжелый металлический образцовый локоть. Понятно, что локоть забрали воры ради ценности его металла и тем лишили нас драгоценных данных об истинной мере длины, употреблявшейся в ту эпоху, которая, насколько мы можем судить, должна была быть единицей примерно в 52,310 м, состоящей из 7 ладоней по 0,07472 м и 28 пальцев по 0,01868 м. Другой футляр, судя по его размерам, форме и работе, был, очевидно, грубым ящиком для луков, стрел и, быть может, другого метательного оружия. Мы нашли в нем вперемешку разные луки, стрелы, палицы и бумеранги (см. таблицу XXX). Луки и стрелы, без сомнения, принадлежали к этому ящику, но сомнительно, не попали ли бумеранги из одного из только что упомянутых ящиков. Это оружие я опишу позднее вместе с другим, разбросанным по комнате.

Замечательнейший и хрупкий предмет из алебастра (кальцита) стоял на полу почти невредимым. Он имеет вид ладьи, плывущей в украшенном водоеме (см. таблицы XLI, LXXIV). Я назвал его «настольным украшением» (чем еще он мог бы быть?), вырезанным из полупрозрачного алебастра, гравированным и расписанным венками из плодов и цветов, словно для того, чтобы красоваться на пиру или каком-нибудь празднестве. В нем есть что-то чрезвычайно причудливое и вместе занимательное: разве

это не еще один проблеск поблекшего прошлого, прорвавшийся из мрака гробницы? Вещь эта невелика: всего 27 дюймов в высоту и 28 дюймов в длину. Подробности, расписанные красками и украшенные золотом, достаточно ясно видны на фотографиях мистера Бертона, так что почти не нуждаются в описании. Водоем задуман как подставка в форме пилона, стоящая на четырех цилиндрических ножках; он выдолблен для воды и цветов, а посередине у него островок, поддерживающий алебастровую ладью. Ладья изображает барку, обшитую вгладь, с круглым дном; и нос, и корма поднимаются плавной дугой и оканчиваются головой козерога. Посреди судна — навес на четырех нарядных папирусовидных колоннах, укрывающий нечто похожее на открытый саркофаг; все вместе, быть может, изображает погребальную барку для небесного странствия «Благого бога» — царя. На передней палубе, лицом вперед, сидит на корточках прелестная маленькая фигурка обнаженной девушки, прижимающей к груди цветок лотоса (таблица LXXIV, A). У кормила, правя ладьей, — маленькая рабыня (таблица LXXIV, B), которая приводит на память карликов у кормил финикийских кораблей, упоминаемых Геродотом. Эта маленькая карлица с ахондроплазией, со ступнями, повернутыми внутрь, — столь же редкий образец тонкого искусства, сколь и предмет для медицинского исследования. Довольно одного взгляда на фотографию, чтобы понять, как прекрасно и как точно передал обе эти женские фигуры и головы козерогов придворный резчик по камню, создавший это пленительное украшение. О медицинской стороне фигуры карлицы, правящей ладьей, лорд Мойнихан, знаменитый хирург, говорит:

«Ахондроплазия — врожденная болезнь неясного происхождения. Она вызывает изменения строения тела столь своеобразные, что

облик одного человека с этой болезнью присущ всем таким людям. Человек с ахондроплазией невысок ростом, с крепкими мышцами и костями. Голова большая; лоб, широкий и высокий, так сильно выступает над лицом, что у основания носа остается глубокая впадина; ноздри большие и открытые; нижняя челюсть выдается вперед. Туловище длинное по сравнению с конечностями; в поясничном отделе позвоночника глубокий прогиб, отчего живот выдается вперед; руки и ноги короткие; ступни и кисти широкие и сильные. Художники изображали таких людей с древнейших времен. В древнем Египте все эти признаки показывают бог Бес, „забавник и наставник детей“, и бог Птах (Патек, сын Птаха). На ковре из Байе довольно хороший пример — карлик Турольд. Веласкес написал многих, ибо человек с ахондроплазией часто бывал придворным карликом. Николас Пертусато — безупречный образец. Художники нередко изображали карлика рядом с животными. Тьеполо показывает людей с ахондроплазией с собаками и со львом. Раньше всех — настенные рельефы в Саккаре, где изображен человек с ахондроплазией, ведущий обезьяну почти одного с ним роста. Фигура с ахондроплазией на этой алебастровой ладье — женская; у мужчин эта болезнь встречается гораздо чаще. Ступни повернуты внутрь так сильно, что при ходьбе приходилось, должно быть, переносить одну ногу через другую».

Таблица XLI. Алебастровое настольное украшение в виде ладьи, плывущей в водоеме

Лорд Мойнихан добавляет также: «Характерные особенности тела и лица переданы здесь с изысканным мастерством».

До сих пор не нашлось ничего, что пролило бы свет на истинное назначение этого маленького памятника. Это память о давно ушедших временах, об обычаях и нравах, с которыми у наших нет ничего общего. Если он вдруг принадлежит к серии образцовых погребальных ладей, какие были найдены во Внутренней сокровищнице (см. главу II) и многие поврежденные деревянные экземпляры которых нашлись и здесь, то он относится к чисто обрядовым предметам, связанным с погребальным обычаем. Но, насколько можно установить, он, по-видимому, сделан просто для красоты, во многом подобно маленькой серебряной ладье, найденной среди украшений Камоса и Аххотеп, и потому я склонен считать его дворцовым украшением, вовсе не предназначавшимся для погребения.

Привлекает внимание и любопытная серебряная ваза высотой около 5¼ дюйма в виде плода граната (таблица LXXIII, A). Ее, вероятно, обронили или забыли грабители гробниц. Так как серебро содержит небольшую примесь золота, металл сохранился почти в первозданном виде. Тулово вазы украшено чеканной полосой из васильков и листьев оливы, плечики и горло — венчиками из лепестков лилии и мака. На вид ваза так современна, что напоминает работу серебряных дел мастеров эпохи королевы Анны, и, не знай мы, откуда она происходит, никто из нас не осмелился бы отнести ее к XIV веку до н. э.

Ящики для игр с игральными фишками были разбросаны по всей этой комнате, а некоторые их части нашлись даже в

передней камере, куда их забросили во время ограбления времен династий. Они бывают трех разных размеров — большие, средние и совсем маленькие: для дома и переносные, для кармана (см. таблицы XLII, LXXV). Последние, маленькие и сделанные из простой слоновой кости, происходят из описанного выше сундука для безделушек. Присутствие их в гробнице, по-видимому, оправдано каким-то мифическим образцом, которым умерший надеялся наслаждаться в будущей жизни (ср. «Книгу мертвых», гл. XVII); однако по крайней мере меньшие из них, похоже, были принадлежностью повседневной забавы. Самая большая и самая значительная из этих игр, размером 21½ на 11 на 7 дюймов в целом, покоится на изящной подставке из черного дерева, сделанной наподобие маленького табурета на полозьях; «подушечки» и когти ее лап украшены золотом (таблица LXXV, B). Игровая доска — или, вернее, раз игра эта целиком зависит от случая, доска для игры на удачу — тоже из черного дерева, но облицована сверху и снизу слоновой костью и имеет вытянутую прямоугольную форму. Средняя по размеру доска, около 11 на 3½ на 2¼ дюйма, из слоновой кости, наложенной на деревянную основу, прекрасно украшена тонированной резьбой и позолоченными каймами (таблица XLII, B). Каждая игра разделена на тридцать равных клеток, расположенных так, что они образуют поле десять на три: три ряда по десять клеток вдоль длинной оси. К каждой игре полагалось десять фишек, подобных пешкам в шахматах, окрашенных в черный и белый цвет (то есть по пять на каждого противника); ходили ими по сложным выпадениям, которые указывал либо род костей в виде астрагалов, либо маленькие черные и белые метательные палочки (таблица LXXV, A); каждому выпадению приписывалось свое значение в зависимости от того, как они упали. Эта игра,

очевидно, была ранней формой нынешней игры *эт-таб-эс-сига*, в которую играют почти повсюду на Ближнем Востоке, и родственна ей; это игра на удачу, и по ней удалось разгадать правила ее древних предшественниц. В них играли по установленным правилам, но исход решала удача, и, хотя искусства они требовали мало или вовсе не требовали, все же служили забавным и увлекательным времяпрепровождением. Я даже решился бы сказать, что нынешние игры, требующие искусства, — такие, как *сига*, шашки и шахматы, — по всей вероятности, развились из игр на удачу, какие мы время от времени находим в древнеегипетских гробницах и какие так хорошо представлены в этом погребении.

На этих игровых досках, или ящиках, почти всегда есть по две формы игры: уже упомянутая три на десять сверху и три на четыре с подходом из восьми клеток снизу (см. таблицу XLII). Фишки большой домашней игры пропали: они, вероятно, были из золота и серебра и потому были украдены еще в древности. Меньшие доски, сделанные из слоновой кости, мало чего стоили в глазах похитителей металла, поэтому мы и находим их в полном наборе.

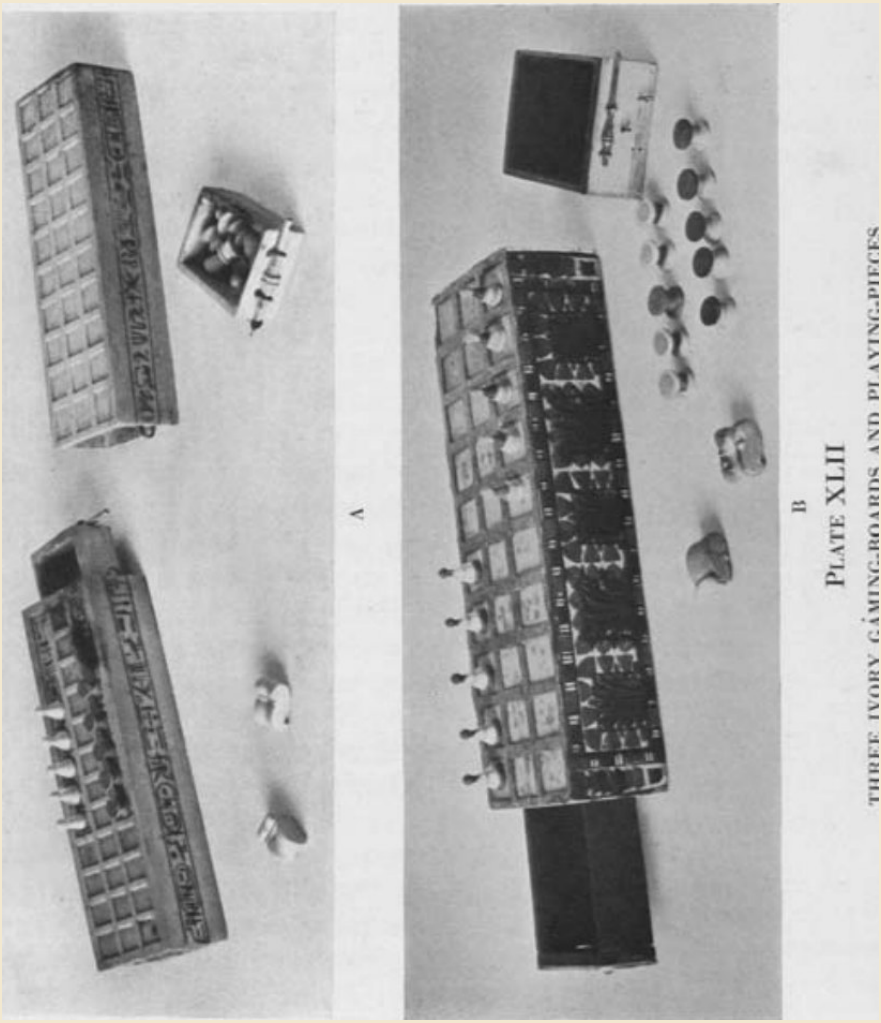

Таблица XLII. Три игральные доски из слоновой кости и игральные фишки

Было там и несколько опахал из страусовых перьев, напоминающих флабеллы, которыми и сейчас пользуются при папских шествиях в Риме, — такие можно было видеть на евхаристической процессии Его Святейшества Папы в июле 1929

года. Эти опахала, подобно папским флабеллам, несли придворные служители в шествиях фараонов или держали у трона; они всегда изображаются по обе стороны от царя или прямо позади него. В самом деле, звание «опахалоносца по правую (или левую) руку Его Величества» считалось одной из высших должностей среди придворных. Опахала этой формы на длинных рукоятках, судя по их раннему египетскому названию *shwt*, что значит «тень», вероятно, служили скорее зонтами от солнца, чем для того, чтобы гнать воздух, хотя, очевидно, ими могли пользоваться и пользовались для обеих целей. Любопытно, что иероглифический знак-идеограмма, или определитель, египетского слова *tay khw* — «опахалоносец» — изображает рукоятку, сходную с этими, но без верхушки-флабеллы и лишь с одним страусовым пером; такой формы мы в этой гробнице не находим. Другое название для опахал с флабеллой было *sryt*, что значит «(воинский) штандарт», — это указывает еще на одно употребление этой весьма нарядной и, как я думаю, царской формы флабеллы.

К несчастью, страусовые перья всех этих опахал так истлели, что лишь в немногих случаях от них остались стержни, да и те были в таком плохом состоянии, что сохранить их было почти невозможно. Однако остатков было достаточно, чтобы показать, что на верхушках рукояток, в форме флабеллы или пальметты, куда вставлялись очины, некогда держалось по 48 перьев (то есть по 24 с каждой стороны) и что стержни перьев были очищены от «опахал» на небольшом расстоянии над очинами (см. таблицу XLIII, D), так что часть голых стержней была видна, словно лучи, и, значит, опахала должны были походить на расходящийся остов («пластины») нынешнего складного веера.

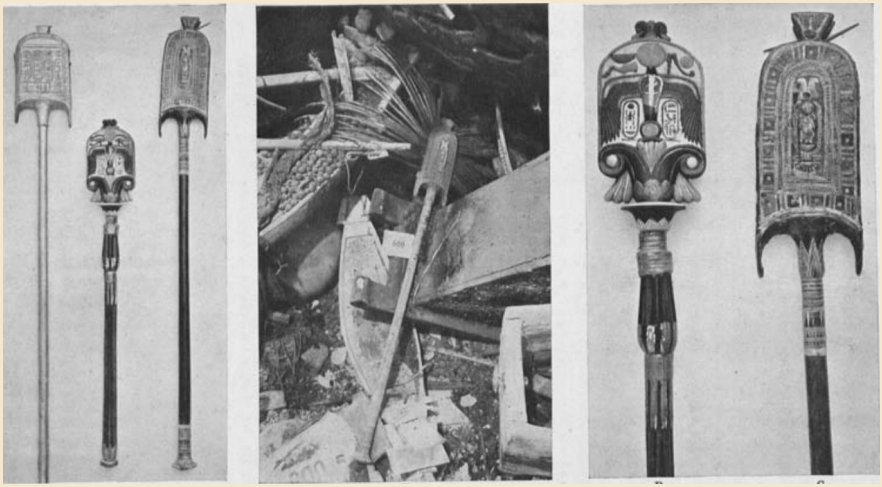

Таблица XLIII. Три рукоятки опахал из страусовых перьев. Рукоятка (A) из чеканного золота; (B) из резной тонированной слоновой кости; (C) из черного дерева, облицованного узорной корой. (D) Очины страусовых перьев на своем месте

Рукоятки опахал бывают от 2 до 4 футов длиной и состоят из «капители» в виде зонтика папируса с чашечками, ствола и на нижнем конце — набалдашника в виде опрокинутого зонтика папируса или венчика лотоса. Они сделаны из цельной слоновой кости, резной, тонированной и позолоченной (таблица XLIII, B), или из черного дерева, облицованного узорной корой (таблица XLIII, C), и реже — из гравированного и чеканного листового золота на деревянной основе (таблица XLIII, A). На золотом экземпляре стоят тронное и личное имена и эпитеты Эхнатона, а также два имени Атона, солнечного диска, в картушах. Экземпляр из тонированной слоновой кости — великолепное произведение декоративной резьбы.

Еще одним очень любопытным и единственным в своем роде предметом, найденным в боковой камере, был один из скипетров

царя (таблица XLIV). Трудно понять, почему столь священный предмет оказался в кладовой такого рода, а не там, где его следовало бы ожидать, — среди подобных знаков власти во Внутренней сокровищнице. Единственное объяснение, которое я могу предложить, таково: либо грабители бросили его здесь, усомнившись, красть ли его, либо он входил в полный набор, включавший одеяния для религиозных обрядов — таких, где главные роли исполнял царь, — который первоначально был положен в один из нарядных ларцов, найденных в этой камере. Последнее предположение, пожалуй, вероятнее, так как среди предметов, разбросанных по всему полу, нашлось и бронзовое тесло, инкрустированное золотом (его золотое лезвие было сорвано грабителями времен династий), которое служило в обрядах, совершавшихся перед умершим. Скипетр этого рода известен под несколькими названиями и, как я думаю, всегда был жезлом, или знаком, власти. Как скипетр *херп* он употреблялся при приношениях; на это указывает чеканное украшение на одной стороне его «лопасти» (таблица XLIV, B). Он около 21 дюйма длиной и сделан из толстого листового золота, наложенного чеканом на деревянную основу. Он украшен чеканкой и инкрустацией; верхушка, «капитель» и оба конца древка богато отделаны (египетской) перегородчатой эмалью. Надпись из золота и синего фаянса гласит: «*Благой бог, возлюбленный, сияющий ликом, как Атон, когда он светит, Сын Амона, Тутанхамон*», — и это любопытно, так как наводит на мысль о примирении веры Атона и веры Амона.

Умершего и после смерти почитали человеком, как и при жизни; царь был «Благим богом» и в этой жизни, и в загробной; прославленных людей далекого прошлого считали божествами, и эти божества звались «Великими богами», и им и их

божественным семьям поклонялись, — по сути, вторая жизнь считалась лишь продолжением первой. Поэтому мы находим в гробнице движимое имущество — домашнюю утварь, скипетры, опахала, трости, посохи, оружие и тому подобное, бывшее в повседневном употреблении; все это было погребальными приношениями умершему, который продолжал жить в памяти, и через них можно увидеть картину древнего мира.

Таблица XLIV. Скипетр херп царя

Юный Тутанхамон, должно быть, был любителем-собирателем тростей и посохов, потому что здесь, как и в передней и в погребальной камерах, мы нашли их великое множество. Отчасти они, без сомнения, имели обрядовое значение, но многие из них, очевидно, служили в повседневной жизни. Видов их много: длинные посохи с шишковатыми и раздвоенными верхушками и окованными концами, трости с загнутой рукоятью и изогнутые палки для убийства змей. Одни прекрасно оправлены золотом и серебром, другие украшены наборным узором из коры или оставлены гладкими, из полированного дерева.

Собрание оружия нападения, найденного в этой камере, состоит из палиц, фехтовальных палок, серповидных мечей, луков и стрел, бумерангов и метательных палок для охоты на птицу и для войны. Для защиты были настоящие и обрядовые щиты и панцирь.

Самое первобытное из этого оружия — естественно, палицы, и, судя по тому, что они часто встречаются среди даней, взимавшихся с окрестных чужеземных стран, они, по-видимому, более свойственны чужеземцам, чем египтянам. Их было много, и большей частью они нашлись в грубом белом ящике для луков, упомянутом выше. Большинство из них серповидные (то есть постепенно загибаются на толстом конце и по форме похожи на серп): на конце у них либо намек на набалдашник, либо уплощенная лопасть, вырезанная как серп, причем вогнутый край

острее (таблица LXXVI, A). Другой, более редкий вид — в форме дубинки, очень похожей на удлиненную полицейскую дубинку, с выраженным набалдашником на конце рукояти (таблица LXXVI, B). Все они из тяжелого темного полированного дерева, а у некоторых рукоять обтянута корой, похожей на кору серебристой березы.

Фехтовальные палки (таблица XLV, A) — первые, какие до сих пор найдены в Египте. Их бросили на пол камеры в юго-западном углу. Шесть из них были около 25 дюймов длиной, а одна — 37 дюймов. Это круглая палка, на одном конце толще, чем на другом, и служила она, по-видимому, оружием и нападения, и защиты. В отличие от нынешней европейской фехтовальной палки, острием здесь был толстый конец оружия, окованный металлом, а тонкий конец служил рукоятью, — это заставляет думать, что они произошли от палицы. Руку защищала кожаная «гарда», несколько похожая на корзинчатый эфес, сделанная жесткой с помощью проволоки и украшенная сквозной золотой «гардой». Их сорвали, но части их нашлись разбросанными по полу. Рукоять, или «хват», была набита кожей и обмотана бечевкой, чтобы отдача не передавалась руке. На снимке (таблица XLV, A) можно заметить, что у всех у них есть проволочные петли — (?) для подвешивания; у трех рукоять на большом протяжении оправлена листовым золотом; одна украшена корой, а у трех — совсем простых палок — сохранилась их естественная кора.

Судя по сценам на египетских памятниках, изображающим своего рода «бой на дубинках», или «фехтование на палках», в эту игру входили по крайней мере защиты, удары и отражения; но, кроме того, к левому предплечью, наподобие лубка, привязывали короткую палку, чтобы отводить удары, не отраженные фехтовальной палкой, и она, очевидно, служила дополнительной

защитой от ударов противника. Никаких следов такой дополнительной защиты здесь не нашлось.

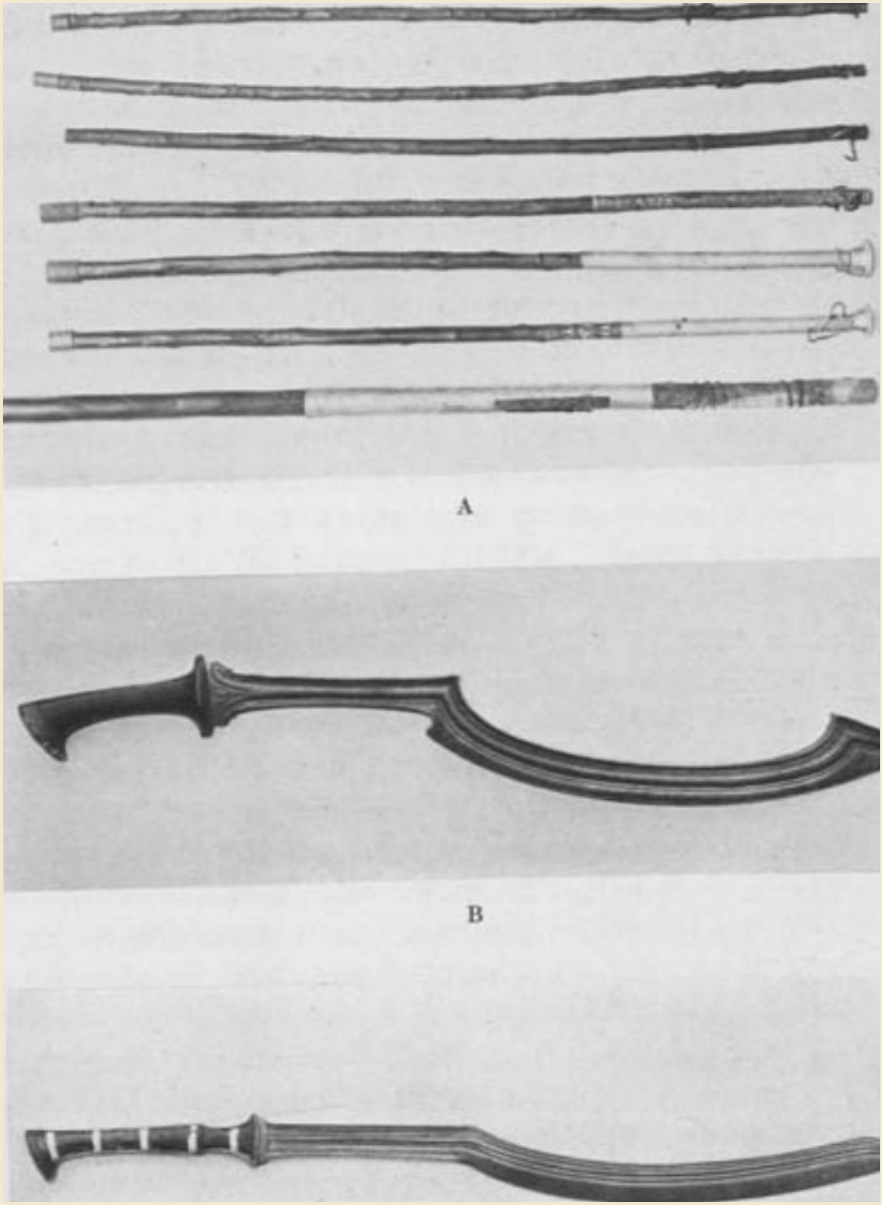

Таблица XLV. Оружие нападения. (A) Фехтовальные палки. (B и C) Два бронзовых серповидных меча

Во многом единственны в своем роде два бронзовых серповидных меча (таблица XLV, B и C): большой и тяжелый, найденный вместе с фехтовальными палками, и гораздо меньший и легкий, обнаруженный среди прочей всячины на полу.

Меньший меч (16 дюймов длиной), вероятно, был сделан для царя, когда тот был ребенком; больший и более тяжелый (23½ дюйма длиной) предназначался на то время, когда он достигнет юности. В обоих случаях клинок, стержень и пластина рукояти отлиты одним куском; на пластину рукояти наложены боковые накладки из черного дерева. Большой меч, по-видимому, больше годится для «дробящего», чем для «режущего» удара: его выпуклое лезвие развито лишь отчасти, и потому он едва ли ушел на шаг дальше описанных прежде серповидных палиц; клинок же меньшего меча больше похож на нож. Большой вес большего меча, обусловленный толщиной обуха, а именно 0,65 дюйма, показывает, что удар им был очень тяжелым.

Такие серповидные мечи, по-видимому, свойственны Новому царству, то есть XVIII–XX египетским династиям, и, судя по серповидному определителю иероглифического названия, такой меч назывался *хепеш*. По словам сэра Гарднера Уилкинсона («Нравы и обычаи древних египтян», т. I, с. 213), «…сходство его формы и названия с *копис* греков наводит на мысль, что жители Аргоса, египетской колонии, у которых он был главным образом в ходу, первоначально заимствовали это оружие от серповидного меча Египта». Быть может, это и прообраз восточной изогнутой сабли, ятагана, которая обычно расширяется к острию, но тоже серповидна.

Луков и стрел было очень много, они отличались большим разнообразием и высоким мастерством, и, как подобало

достоинству и сану владельца, большинство из них было тонко украшено.

Хотя среди луков ни в одной из следующих групп нет единообразия — у каждого лука более или менее есть своя особенность, — их все же можно разделить на три отдельных разряда: (*a*) «простой лук», сделанный из одной цельной деревянной заготовки, без украшения; (*b*) «простой лук» из двух цельных деревянных заготовок (по одной на каждое плечо), соединенных посередине и по всей длине обмотанных корой; (*c*) составной лук, у которого вся длина заготовки сделана из нескольких склеенных полос рога или дерева, «брюшко» заполнено студенистым веществом, а по всей длине он обмотан корой и тонко украшен. Коры, которыми обмотаны и украшены луки, напоминают, по крайней мере цветом, кору вишни и серебристой березы, но ни породы дерева, ни коры до сих пор не определены. Немногие простые луки из одной заготовки всего 27 дюймов длиной; простые луки из двух заготовок — около 29 дюймов, но один из них всего 14 дюймов. Составных луков гораздо больше всего, и длина их — от 44 до 49 дюймов. Нечего и говорить, что у каждого лука середина жесткая и упругая, а оба плеча постепенно сужаются к «рожкам», на которые надевается «тетива»; но у простых луков из одной заготовки рожков нет: тетиву закрепляли несколькими витками вокруг концов плеч. Во всех случаях, где «тетива» лука сохранилась, она оказалась сделанной из четырехпрядной крученой жилы.

Главное различие между простым луком, который в Египте гораздо древнее, и составным луком (времен Нового царства и, вероятно, чужеземного происхождения), по-видимому, в том, что простой лук чувствительнее и его работа совершается в основном на последних нескольких дюймах натяжения, тогда как составной

лук натягивается ровно на всем протяжении. Разные виды и размеры луков, как и стрел, без сомнения, предназначались для разных целей, подобно нашему огнестрельному оружию и боеприпасам: военной винтовке, охотничьей винтовке и ружью разного веса и калибра, пистолету.

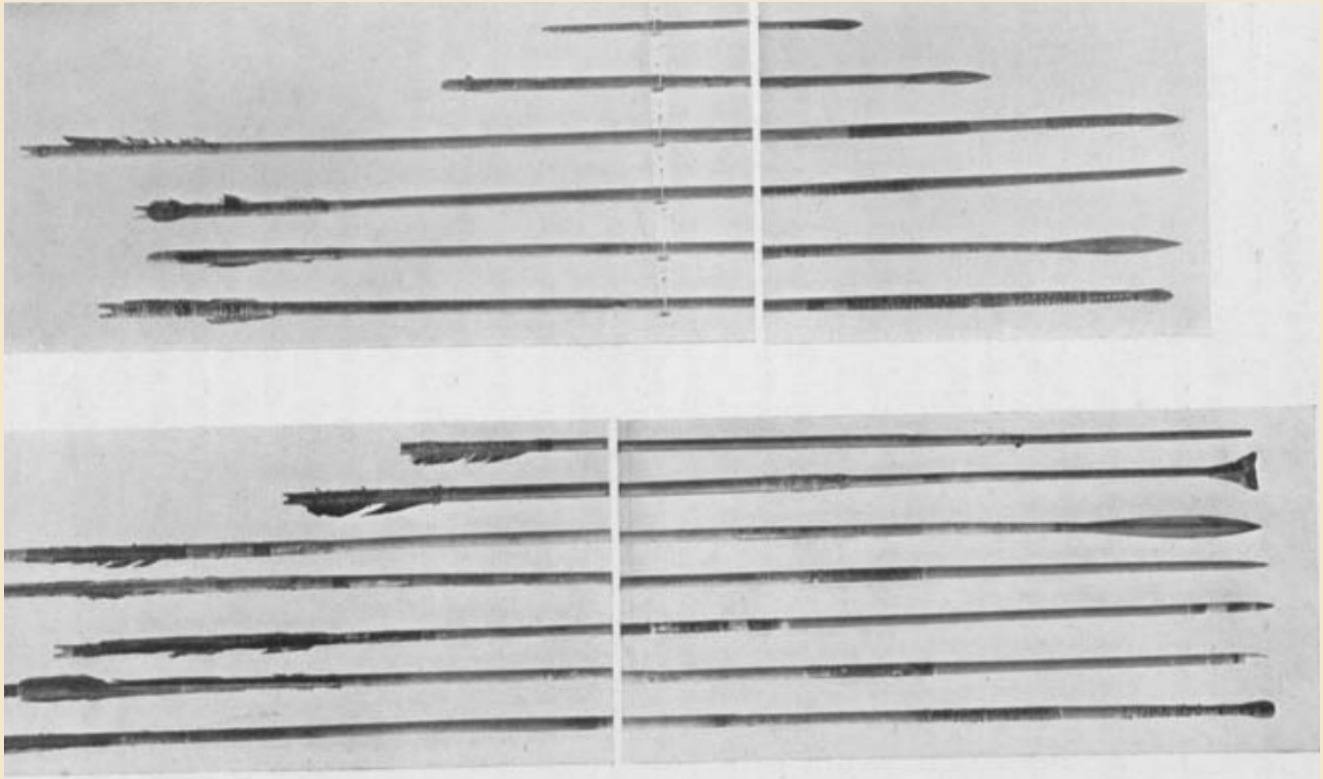

PLATE XLVI

ARMS OF OFFENCE: ARROWS OF DIFFERENT TYPES AND SIZES

Таблица XLVI. Оружие нападения: стрелы разных видов и размеров

Среди 278 найденных стрел было около шестнадцати разных разрядов, различающихся подробностями и размером (см. таблицу XLVI). В общем эти стрелы состоят из тростникового древка с «надставкой» — то есть куском твердого дерева, насаженным черенком на тростниковое древко, к которому крепится «наконечник»; из «наконечника», или острия, из бронзы, слоновой кости или дерева, разной формы, насаженного черенком на надставку, или из стекла (вместо кремня), в форме долота, приклеенного к концу надставки; из оперения; и из насаженного черенком «ушка», или выреза для тетивы, из твердого дерева или слоновой кости. Некоторые стрелы имеют трехперое оперение, но большинство — четырехперое. Все они — стрелы «с надставкой» и, за немногими исключениями, слегка «сужающегося» образца, то есть древко с надставкой немного сужается от начала надставки к наконечнику. Исключение составляла группа из 13 четырехперых «цельных» стрел «прямого» образца. У них древко и надставка одной толщины от шейки до наконечника и сделаны из одного куска дерева.

Длина этих стрел — от 36 до 10 дюймов; одна из них всего 6 дюймов (ср. упомянутый выше очень маленький лук). Наконечники бывают разного вида в зависимости от назначения — для войны и для охоты, чтобы пронзить, рассечь или оглушить цель.

Несколько пучков стрел, а также несколько луков нашлись в разных местах камеры, но большая их часть была обнаружена в большом белом ящике для луков (см. выше).

Превосходное качество этих луков и стрел ясно показывает, что в эту пору египетского Нового царства мастера луков и стрел

были искусны в своем ремесле. Луки довольно коротки даже для таких людей невысокого роста, как египтяне, но в этом случае причиной может быть юный возраст царя, так как сила лука и длина стрелы должны соответствовать силе стрелка.

Есть все основания полагать, что из великих народов древней истории египтяне были, вероятно, первыми и самыми прославленными стрелками из лука, полагаясь на лук как на главное оружие на войне и на охоте. Как охотничье оружие лук в его разных видах употреблялся даже больше, чем на войне. Однако и военное значение его было, должно быть, огромно. Владелец лука и стрел мог настигнуть самого быстрого зверя и мог защитить себя от врага. Говорят, что скорость стрельбы в среднем доходила до четырех-пяти выстрелов в минуту. Наступать под частым дождем стрел было, конечно, делом нелегким. Египтяне стреляли из лука и с колесниц, откуда, по-видимому, стреляли так же метко, как и пешими, а для защиты от стрел употреблялись и щиты, и кожаные панцири.

При нынешней сохранности луков невозможно определить их силу (то есть усилие натяжения). Вероятно, они били на расстояние примерно от 150 до 250 ярдов. Пробивную силу простых луков и стрел «с надставкой» одного разряда, относящихся к египетскому Среднему царству, хорошо показывает находка мистера Г. Э. Уинлока в одной из древних гробниц в Фивах (Бюллетень музея Метрополитен; *The Egyptian Expedition*, 1925–27; вышел в феврале 1928 г.; с. 12 и далее, рис. 17, 20 и 21): по ней видно, что стрела того времени могла глубоко пробить тело. Насколько нам известно, в ту пору в Египте знали и употребляли только простой лук. Обломки стрел из этой находки показывают, что стрелы были «сужающегося» образца, с надставкой из черного дерева и с тупыми концами без «наконечников».

Простой лук среди товаров, привозимых из страны Пунт — страны где-то на восточном побережье Африки, к северу от экватора, вроде Абиссинии или Сомали, — ясно показывает, откуда такие луки происходили.

Другим видом метательного оружия был бумеранг; их здесь нашлось великое множество — и настоящих, и обрядовых. Настоящие бумеранги лежали в ящике для луков (см. выше).

Бумеранги и метательные палки употреблялись в Египте с древнейших до последних династий. Бумерангом, несомненно, пользовались для охоты на птицу, метательной палкой — вероятно, на войне. В этом собрании представлены оба вида. Среди бумерангов первого вида — бумерангов в собственном смысле — различимы возвращающиеся и невозвращающиеся, хотя общая форма у обоих почти одна и та же: изогнутая наподобие серпа или в виде двух прямых плеч под углом; главное, вернее, существенное различие — в перекосе (скрученности) плеч, который у этих двух видов прямо противоположен. Невозвращающийся бумеранг, по-видимому, метали так же, как возвращающийся, и обратный перекос помогал ему лететь дальше обычных метательных палок.

Наши бумеранги сделаны из твердого дерева, которого я не могу определить; они либо расписаны многоцветным узором, либо частично обмотаны корой, похожей на березовую (таблицы LXXVI, LXXVII). Обрядовые экземпляры — из резной слоновой кости, с золотыми колпачками на концах.

Метательные палки здесь либо причудливой формы (см. таблицу LXXVII, A), либо простой изогнутой формы, из твердого дерева. Палки из черного дерева с позолоченными концами, вероятно, обрядовые, как и экземпляр из позолоченного дерева с

фаянсовыми колпачками или палки, сделанные целиком из фаянса.

Для защиты было восемь щитов: четыре, возможно, для настоящего употребления и четыре обрядовых. Два из настоящих щитов сделаны из легкого дерева, обтянутого шкурой антилопы, и посередине на них изображены картуши царя; два других, тоже из легкого дерева и с подобными же знаками, обтянуты шкурой североафриканского гепарда (таблица XLVII, B); шерсть и пятна на шкурах еще в сносном состоянии. Наибольший размер этих щитов — 29 на 20½ дюйма. Обрядовые щиты (таблица XLVII, A, C) немного больше; они из сквозной резьбы по дереву и позолочены. Рисунок их геральдический: на двух царь изображен львом, попирающим врагов Египта в человеческом облике, или воином с серповидным мечом, поражающим врагов в образе льва; на двух других — восседающим на троне в этой жизни и в загробной.

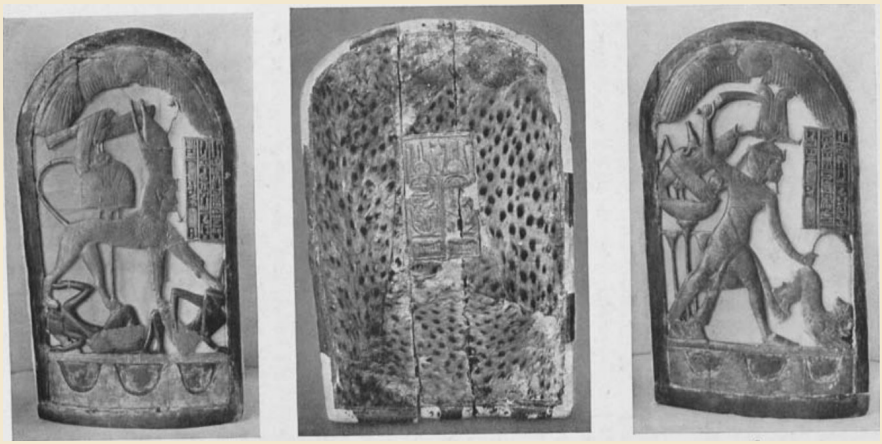

Таблица XLVII. Оружие защиты. (A и C) Обрядовые щиты геральдического рисунка. (B) Щит из твердого дерева, обтянутый шкурой гепарда

Другим видом защитного снаряжения был скомканный кожаный панцирь, брошенный в ящик. Он был составлен из чешуй толстой тонированной кожи, нашитых на льняную основу, или подкладку, в виде облегающего лифа без рукавов. К несчастью, он слишком истлел, чтобы его можно было сохранить.

Из других предметов чисто обрядового значения, найденных в этой камере, следует упомянуть: серпы для жатвы на полях блаженных; различные бронзовые, деревянные и каменные орудия-амулеты; амулеты из камня, фаянса и золота; деревянные, каменные и стеклянные палетки; большую часть набора деревянных маленьких погребальных ладей, описанных в главе II, и большое количество фигурок ушебти в ящиках-ковчежцах, принадлежащих к той же серии, что была поставлена в сокровищнице (см. главу II).

Часть II. Собственное содержимое боковой камеры (кладовой)

Масла, жиры, умащения и вина, плоды и съестные припасы были, как я думаю, собственным содержимым этой боковой камеры.

Масла и маслянистые вещества хранились в тридцати четырех алебастровых (кальцитовых) сосудах и одном сосуде из змеевика, примечательных разнообразием форм и размеров. Десять алебастровых кувшинов[1] того же рода, найденных опорожненными и брошенными на полу передней камеры, по всей вероятности, происходят из этого запаса в боковой камере. За редким исключением крышки и пробки всех этих сосудов были сорваны силой и отброшены в сторону, а содержимое вылито и похищено, так что в каждом сосуде остался лишь небольшой осадок. На внутренних стенках некоторых сосудов, где хранились

густые вещества, следы пальцев руки, выгребавшей драгоценное содержимое, сегодня так же ясны, как в день кражи (см. главу III). Многие сосуды, несомненно, были старше погребения царя. На некоторых надписи тщательно стерты; на других даже стоят имена предков, восходящие к царствованию Тутмоса III, а некоторые несут следы долгого употребления, старых поломок и починок; по сути, в них, по-видимому, хранились родовые масла из знаменитых давилен, выдержанные жиры и умащения, восходящие ко времени лет за восемьдесят пять до Тутанхамона.

[1] Сюда не входят четыре богато украшенных сосуда, найденных на своем месте в передней камере (т. I, таблица XXII).

Таблица XLVIII. Алебастровый сосуд для умащений в виде мифического льва

Если ненадолго отступить от главного предмета, эти родовые амфоры проливают свет на некоторые предметы, найденные в прежних царских гробницах XVIII династии. Присутствие более старых предметов среди весьма отрывочных остатков их погребального убора всегда было загадкой, и думали, что они могли попасть туда случайно. Однако раз мы находим разные предметы с именами предшественников среди этих сильно разграбленных и разбитых погребальных уборов и подобные же примеры в этой находке, не показывает ли это, что включение родовых вещей было не только обычаем, но и имело какую-то причину? Есть и еще одно обстоятельство. Так как большинство алебастровых сосудов найдено в гробницах — в самом деле, редко находят значительную гробницу без таких кувшинов, — могло бы показаться, что их делали только для погребения. Однако едва ли можно сомневаться, что они служили своему особому назначению и в повседневной жизни, хотя, быть может, и не так широко, как обычная глиняная посуда, ведь они дороже, тяжелее и легко бьются. Особое их назначение — хранить масла и маслянистые вещества, тогда как глиняные сосуды служили главным образом для вина, пива, воды и тому подобного. Каменные сосуды, сделанные нарочно для гробницы, скорее можно узнать среди очень нарядных образцов, которые из-за своего сложного рисунка в житейском смысле мало годились для дела.

Эти каменные сосуды бывают от семи до двадцати шести с половиной дюймов высотой и вмещают примерно от 2,75 до 14 литров; это показывает, что в этой комнате для царя хранилось по меньшей мере 350 литров масел, жиров и других маслянистых

веществ. На двух сосудах с именами Тутмоса III отмечена их действительная вместимость, а именно 14½ и 16¾ *хина*. Так как *хин* в ту пору составлял около 460 кубических сантиметров, в них, вероятно, было 6,67 и 7,70 литра какого-то выдержанного маслянистого вещества. На паре ваз с картушами Аменхотепа III амоновское личное имя царя стерто и заменено его тронным именем. Это показывает, что обе вазы были в употреблении в царствование Эхнатона. Любопытно и то, что на вазе с тщательно стертой надписью смутно видны следы прежде бывших на ней тронных и личных имен двух царей, возможно Аменхотепа III и Аменхотепа IV, и в таком случае мы имеем указание на соправление этих двух фараонов (см. главу I).

На таблицах XLVIII, XLIX, LXXVIII и LXXIX показаны некоторые из наиболее характерных видов этих кувшинов. Самый большой сосуд из всех — амфора, сделанная по образцу глиняных винных кувшинов (таблица LXXVIII, A). Другая амфора, стоящая на своей первоначальной *тацце*, или круглой подставке, высотой 26 дюймов (таблица LXXVIII, B). На дне этого сосуда воры оставили немного масла; под затвердевшей коркой масло и до сего дня осталось вязким. Из наиболее примечательных сосудов надо упомянуть следующие. Ваза в виде мифического льва (таблица XLVIII), стоящего во весь рост в грозной позе, причудливо геральдического, словно «лев, обращенный к зрителю» в гербе; его правая передняя лапа в благородном гневе загребает воздух, а левая опирается на знак *са*, означающий «защита»; на темени льва укреплено «горло» вазы в виде венчанного цветка лотоса. Украшение этой вазы-льва врезано и заполнено красками; язык и зубы — из слоновой кости. Другая ваза изображает блеющего козерога, переданного правдиво (таблица XLIX, B). Третья ваза имеет форму кратера на подставке-*тацце*; она тонко украшена

резным желобчатым орнаментом и врезанной надписью, раскрашенными краской (таблица LXXIX, A). Четвертая ваза, тоже в форме кратера, украшена искусной сквозной оболочкой из полупрозрачного кальцита (таблица XLIX, A). Работа этих сосудов довольно ровная по качеству. Создавая их, резчик по камню дал волю своей фантазии, заимствуя их формы у цветов и животных. Одни могут быть тяжелыми и неуклюжими, другие же отличаются изяществом и разнообразием формы. Особенно любопытна пара вытянутых ваз с тонкими горлами и заостренными туловами: вокруг горла они украшены изображениями цветочных гирлянд из многоцветного фаянса, вделанного в поверхность камня (таблица LXXIX, B).

Таблица XLIX. (A) Алебастровый кратер для масла. (B) Алебастровый сосуд для масла в виде козерога

Глиняные винные кувшины (амфоры), числом три дюжины, представляют исторический интерес (таблица L). Вина, которые в

них хранились, разумеется, давно высохли, но на каждом кувшине есть ярлык, написанный иератическим письмом, где указаны год, место и урожай вина. Из этих ярлыков мы узнаем, что отборные вина царских погребов происходили из имений Атона, Амона и Тутанхамона, лежавших в Дельте — некоторые в Кантаре на востоке, но большей частью на западном рукаве Нила. Из этих ярлыков мы узнаем также, что гораздо больше всего вина было из имения Атона и что оно помечено годами с III по XXI; это показывает, что имения Атона существовали по меньшей мере двадцать один год. Следующим по количеству было вино из имения Тутанхамона, и самое позднее помечено IX годом, а именно: «*Год 9, вино Дома Тутанхамона с Западной реки*», — а за этим следует имя главного винодела. Это указывает, что царь, должно быть, женился на наследной царевне Анхесенпаатон и взошел на престол в нежном возрасте девяти лет, так как свидетельства, которые дает его мумия, в целом показывают, что ему было около восемнадцати лет, когда он умер. Меньше всего вина было из имения Амона, и оно помечено «годом I», а это заставляет думать, что возвращение к почитанию Амона, бога столицы, произошло, быть может, уже поздно в царствование Тутанхамона.

По печатям на винных кувшинах мы получаем некоторое представление о способе, которым древние египтяне разливали, или, как, пожалуй, лучше сказать, хранили вина. По-видимому, когда первое брожение заканчивалось, молодое вино переливали в глиняные кувшины, которые закрывали и запечатывали тростниковой затычкой, целиком покрытой колпаком из глины или ила, облегавшим все устье и горло кувшина (см. таблицу L, A). Пока эти огромные колпаки были еще мягкими, на них оттискивали знак имения, которому принадлежало вино. Таким

образом, второе брожение происходило в кувшинах, и, чтобы дать выход углекислоте, образующейся при этом вторичном брожении, наверху колпаков проделывали маленькое отверстие. Затем эти маленькие отверстия закрывали глиной или илом и оттискивали на них меньший знак имения, сделанный нарочно для этого (см. таблицу L, B). По всей вероятности, внутренность кувшинов промазывали тонким слоем смолистого вещества, чтобы противодействовать пористости глины: на внутренней поверхности черепков ясно виден черный налет.

Таблица L. Винные кувшины. (A) Винные кувшины с нетронутыми ярлыками и печатями. (B) Колпак с позднейшей меньшей печатью. (C) Винные кувшины чужеземной формы

Хотя многие винные кувшины были разбиты, никаких признаков того, что вино было украдено, не было. Поломки, скорее всего, произошли от грубого обращения воров, когда они доставали и похищали содержимое соседних каменных сосудов, о которых говорилось выше.

Около дюжины винных кувшинов были сирийской формы — с яйцевидным туловом, длинным тонким горлом, отогнутым краем и одной ручкой (см. таблицу L, C). Будучи хрупкой работы, они

большей частью разбились. Ни на одном кувшине этого вида не было ярлыка, но на глиняных колпаках был оттиснут знак, подобный знакам на других винах, так что можно предположить, что вино в них было египетского, а не чужеземного производства.

Поверх каменных сосудов и глиняных винных кувшинов было сложено 116 корзин, а то и больше, если прибавить корзины той же работы, найденные брошенными на полу передней камеры. В них были съестные припасы — большей частью разные плоды и семена, в том числе мандрагора, *набак*, виноград, финики, семена дыни и орехи пальмы *дум*. Корзины — круглые, овальные и в форме бутыли — бывают от 4 до 18 дюймов в большем поперечнике (см. таблицу LXXX). Своей соразмерностью они показывают природную сноровку искусного мастера. Приемы плетения, примененные при их изготовлении, по-видимому, в точности те же, что и у нынешних местных корзинщиков. Некоторые меньшие корзины более тонкого плетения украшены узорами из крашеных трав, вплетенных вперемежку с естественными. Более грубые корзины сделаны из волокнистых «пасм» плодоносных стеблей финиковой пальмы, обмотанных листьями пальмы дум или в некоторых случаях финиковой пальмы, которые, по всей вероятности, сначала вымачивали в воде, чтобы сделать их прочными, как кожа, и гибкими. В корзинах в форме бутыли (таблица LXXX, B) был сушеный виноград. В некоторые праздники нынешние египтяне и сейчас приносят такие же корзины с плодами к гробницам своих умерших родных.

ГЛАВА V. ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ПОРЧИ И ХИМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПРЕДМЕТОВ В ГРОБНИЦЕ

✦

Прежде чем закончить этот рассказ об открытии, будет нелишним сказать несколько слов о том, в каком состоянии мы нашли предметы в гробнице, и высказать предположение о главной причине, по которой столь многие из них пострадали.

Сырость, бывавшая в гробнице в прошлом, — предмет, требующий рассмотрения, хотя в предыдущих томах о ней уже говорилось вкратце.

С какой стороны ни посмотри, было тысячу раз жаль, что эта гробница страдала от влаги, время от времени просачивавшейся сквозь трещины известняковой скалы, в которой она высечена. Эта влага насыщала воздух ее камер, и сырость держалась в них, должно быть, подолгу, то появляясь, то исчезая. Она не только питала плесень и оставила повсюду своеобразный розовый налет, но и погубила почти все изделия из кожи, превратив их в черную вязкую массу. Из-за нее же сильно покоробились различные породы дерева, из которых было сделано множество предметов. Она растворила все клеящие вещества, вроде клея, так что многие вещи распались на составные части. Сильно пострадали от нее и ткани — потеря невосполнимая, ибо среди них были редкие одежды и подобные им вещи из льняной ткани гобеленового тканья, а также с вышивкой.

В сущности, именно эта влага и потребовала тех десяти зимних сезонов работы (с 1922 по 1932 год), которые мы посвятили

выносу погребального убора из гробницы: очевидно, нужно было сначала сделать его пригодным для перевозки, а затем и для выставки. Не будь эта «первая помощь» оказана со всем тщанием, и десятой доли многих сотен предметов не дошло бы до Каирского музея хоть в сколько-нибудь сносном виде. Иной раз вещь требовала обработки прежде, чем к ней можно было прикоснуться: на первый взгляд она казалась почти свежей, но опыт показывал, что от малейшего усилия она едва не рассыпается. Так, упорным трудом, при доброй помощи и добрых советах, ценой долгой кропотливой возни, решалась задача за задачей, и я с гордостью могу отметить, что не пропало и четверти процента этих разнообразных и прекрасных предметов. Граф Кроуфорд и Балкаррес в своей президентской речи перед Обществом антикваров (июль 1929 года) справедливо сказал: «археолог должен строжайше остерегаться разрушать — ведь его область — воссоздавать, — и не должен он пренебрегать художественными достоинствами».

Кроме тех периодов, когда эти предметы находились в чрезвычайно влажном воздухе, должны были быть и долгие промежутки, когда они пересыхали; так они время от времени то расширялись, то сжимались.

Когда представишь себе губительное действие суточных перепадов температуры в открытой пустыне — от них трескаются все поверхностные слои скал, обваливаются уступы обрывов и раскалываются даже огромные кремневые валуны, — уже не удивляешься размерам ущерба, который причинили редкие смены сырости и засухи, какие, по-видимому, бывали в этой гробнице. Тем более что многие вещи ее убора были сделаны из целого ряда разных материалов: например, ларец из простого дерева-основы, облицованный ценным слоем слоновой кости,

черного дерева и золота; или кресло и колесница из нескольких пород дерева и кожи, инкрустированные разными веществами — металлами, природными камнями, стеклом и слоновой костью; или большие охранные ковчеги из дуба и хвойного дерева, покрытые левкасом и обложенные тонким листовым золотом. Право, удивительно, как такие предметы, при разнородности их материалов и при их древности, столь долго выдерживали столько противоположных напряжений расширения и сжатия. Периоды сырости после насыщения влагой в этих запечатанных, замкнутых в скале камерах, где держалась температура около 84° по Фаренгейту (29° по Цельсию), должны были длиться подолгу.

Чтобы составить себе представление о первоначальном источнике воды, проникавшей в эти камеры, нужно, естественно, рассмотреть, как часто выпадали и выпадают дожди в местности Долины царских гробниц.

Хотя климат в фараоновы времена, без сомнения, был более или менее таким же, как ныне, не надо забывать о том, что в те древние дни в долине Нила, возможно, было больше болот, притягивавших больше влаги, если не самих дождей. Животный и растительный мир, изображенный на памятниках эпохи династий, говорит о вероятности такого положения.[1] Однако, в отличие от Восточной пустыни, где почти каждый год по ущельям низвергаются потоки, Западная (Ливийская) пустыня, особенно в окрестностях Фив, на редкость бедна дождями. Обычная сохранность ее древностей, как и разные надписи (граффити) на ее голых скалах, сами по себе свидетельствуют о климате прошлого и нынешнего.

[1] Дожди в Египте в доисторические времена, должно быть, выпадали гораздо обильнее, чем в нашу эпоху. Палеолитические орудия, которые находят рассеянными по высоким пустынным террасам вдоль долины Нила, почти

наверняка доказывают, что в их эпоху условия были полупустынными. С того времени Египет, или, скажем, северо-восточная Африка, по-видимому, постепенно пришел к нынешней сухости. Египту, каким мы его знаем, вероятно, не более десяти — пятнадцати тысяч лет. Толщина его наносных илов — около тридцати — тридцати пяти футов. Отлагались они, по-видимому, со скоростью от трех до четырех дюймов в сто лет и, по всей вероятности, начали отлагаться тогда, когда приток — Голубой Нил — прорвался в Белый Нил, принеся с собой абиссинский ил. До того именно Белый Нил приносил в Дельту тропические формы африканской жизни, и путь его на север, к Средиземному морю, несомненно, был отмечен болотами, затопленными пространствами и озерами. (См. Майнерцхаген, «Птицы Египта Николла», т. I, гл. 1, 1930.)

Годы могут пройти без сколько-нибудь заметного дождя. За мою собственную бытность — более тридцати пяти лет в окрестностях Фив — я могу назвать лишь четыре по-настоящему сильных ливня: один весной 1898 года, один поздней осенью 1900 года и два совсем близко друг к другу осенью (в октябре и ноябре) 1916 года.

Примечательные черты этих ливней — их сравнительно малая площадь и резкая граница. Хотя они кратки — всего несколько часов — и обычно сопровождаются сильной грозой, внутри полосы ливня вода обрушивается с чудовищной силой. Она наполняет долины и превращает их в бурлящие реки. За несколько мгновений ущелье может вспениться бесчисленными водопадами, которые несут камни вниз, на усеянное валунами дно. Но очень скоро картина снова становится обычной, сухой. Вода схлынула в долину Нила, и лишь размытые русла остаются свидетельством этих коротких, но разрушительных потоков.

Эти кратковременные ливни, которые египтяне называют «*эль-сейль*» (мн. ч. «*эль-сайяль*»), случаются в Фиванском округе (на западном берегу), по-видимому, в среднем примерно раз в десять лет; но в отдельной долине или местности, поскольку площадь этих ливней сравнительно мала, промежутки, очевидно, по законам случая могут быть гораздо длиннее.

Летописи отдельной долины, разумеется, нет. Ее, однако, можно было бы вычислить, тщательно изучив разрез обломочных отложений, образующих дно какой-нибудь долины, — например, Долины царских гробниц, где о датах мы кое-что знаем, — и сосчитав последовательные слои наносов ветра и воды, накопившиеся со времен династий.

За мою бытность сам некрополь Долины царей пережил лишь один из этих великих ливней — зимой 1900–1901 года. Однако в той местности нет ни одного ущелья, большого или малого, которое когда-нибудь не испытало бы таких внезапных потоков.

Нечего и говорить, что ущелье может вдруг превратиться в бурлящую реку стремительной воды, хотя в ближайших его окрестностях не упало ни капли дождя: такое случается от проливного ливня где-то далеко на плато наверху, откуда часть воды, а то и вся она, стекает в ущелье и мчится вниз во всю мощь, пока не найдет свой уровень. Я сам был свидетелем такого случая, о котором, пожалуй, стоит рассказать. Около четырех часов дня 1 ноября 1916 года Большое северное ущелье — оно лежит к северу от Долины царей, параллельно ей, и сливается с ней в устье — вдруг превратилось в огромный поток. Причиной был очень сильный ливень, прошедший раньше, днем, на пустынном плато, милях в пятнадцати к северо-западу. Быть может, любопытно отметить и последствия этого потока. До того как прошла вода, на дне этого большого ущелья не было видно ни одного живого растения. К январю же обилие разных цветущих растений пустыни, ковром устлавших русло, было поразительным. К сожалению, по незнанию ботаники я не смог записать их виды. Растения — иные очень душистые — привлекли множество бабочек, особенно из семейства *Sphingidae* (бражников),[2] которые отложили на них яйца. К середине февраля гусеницы последнего

возраста уже кормились на растениях, а в конце марта появились только что вышедшие из куколок взрослые бабочки. Однако лишь немногие, самые выносливые растения пустыни пережили жаркие летние месяцы, а к концу следующей весны исчезли практически все, кроме своих высохших кустиков.

[2] *Hippotion (Chaerocampa) celerio* — виноградный бражник, и *Deilephila (Hyles) euphorbiae* — молочайный бражник.

Так вот, рост такой растительности в этих сухих ущельях после потока говорит о том, что промежутки засухи не длиннее того срока, в течение которого семена сохраняют всхожесть. И это приводит на память другой примечательный факт. Ни в главной Долине царей, ни в ее меньших боковых ответвлениях нет никаких следов растений пустыни. Это отсутствие обычной после дождя растительности столь примечательно, что заставляет задуматься. Можно было бы заключить, что промежутки между потоками в Долине царей, по крайней мере в последние времена, были длиннее срока всхожести семян пустынных растений; но если принять во внимание, как узка преграда, отделяющая эту долину от Большого северного ущелья, такое заключение кажется несостоятельным, и причины должны быть иные. Возможно, дело в самом положении долины: часть плато прямо над верховьем Долины царей невелика и сравнительно обособлена, а потому и вероятность того, что в долину стечет ливневая вода, меньше. То же рассуждение применимо и к семенам растений, тогда как соседние долины питаются с большего плато.

Как бы то ни было, первоначальный источник редкой воды в этих долинах, думаю, объяснен довольно убедительно.

Теперь о вероятной причине тех перемежающихся насыщений влагой, которые достигали камер гробницы Тутанхамона, высеченных глубоко в толще коренной породы — известняка

нижнего эоцена. На первый взгляд, до более пристального изучения, было бы не так уж неразумно предположить, что сырость объясняется низким и почти срединным положением гробницы на дне Долины, где вода, хлынувшая от внезапных проливных ливней, просачивалась бы, сочилась сквозь коренную породу и наполняла влагой воздух в камерах гробницы. Однако, хотя первая часть этого вывода и может показаться логичной, оказалось, что это не так.

Хотя и верно, что восточная сторона дна Долины в эпоху династий сильно пострадала от воды из такого источника, на западной стороне, где находится гробница Тутанхамона, не было ни следа былой воды в сколько-нибудь вредном количестве. Во время наших раскопок на участке, примыкающем к входу в гробницу (еще до ее открытия), грунт и разные древности оказались в превосходной сохранности. Право, удивительно было видеть свежесть найденных там древностей — писем и набросков черными чернилами на осколках известняка и прочих остатков, брошенных рабочими эпохи династий. Более того, не было никаких признаков влаги ни в засыпке спускающейся лестницы, ни на запечатанной двери, ни в щебне, заполнявшем наклонный коридор гробницы, где вода, будь она там, сразу же просочилась бы насквозь. Поверхности стен, потолка и пола спускающегося коридора тоже не были тронуты сыростью. Следы влаги в прошлом были видны только в самих камерах, и там они были очень заметны — дурное знамение, не сулившее добра, когда мы пробили нижний запечатанный проход и вошли в переднюю камеру. И все же воздух в этих камерах, когда мы впервые вошли в них, был совершенно сухим.

Из приведенных фактов становится ясно, что источником влаги было не дно Долины; и так как единственные следы былой

сырости были в самих камерах, естественно предположить, что она проникала сверху, с боков или с задней стороны небольшого холма у подножия обрыва, под которым высечена гробница, или же — что гораздо менее вероятно — что она возникала из источников внутри самих камер.

Что касается сырости из источников внутри камер, едва ли можно сомневаться, что некоторое количество влаги было заключено в гробнице при погребении. Такова влага, которая могла быть в свежей штукатурке стен, или в растворе, которым оштукатуривали наружные стороны запечатанных проходов, или влага свежих плодов, вина и разных других припасов из погребального убора. Но такая сырость могла причинить лишь местный вред и никак не могла объяснить того размаха влажности, которая столь явно время от времени охватывала все эти камеры. Во Внутренней сокровищнице среди ее убора не было ничего, что могло бы выделять влагу в сколько-нибудь заметном количестве, а пострадала она точно так же, как соседние камеры. Более того, такие условия, как выделение влаги из убора, были общими для всех значительных погребений эпохи династий, и мы знаем, что во многих царских гробницах этого некрополя при погребении было заключено гораздо больше влаги, чем в этой. В их кладовые ставили большие пористые глиняные кувшины (*зиры*), наполненные водой, туши забитых быков, вина, плоды и прочее, а оштукатуривать стены и потолки их погребальных камер, как и запечатанные двери, было обычным делом. И все же вред от сырости из такого источника для их убора был ничтожен.

Хотя былая сырость была повсеместной и все четыре камеры этой гробницы пострадали одинаково, в подробностях были все же некоторые исключения. Западные концы четырех больших ковчегов, укрывавших саркофаг, были в худшем состоянии, чем

передние (восточные); льняной покров между внешним и вторым ковчегом был в худшем состоянии у западного конца, чем у восточного; заметно было и то, что многие предметы, взятые близ западных стен, пострадали несколько сильнее, чем стоявшие на восточной стороне. Еще одна особенность с точки зрения вреда от сырости: больше всего пострадали предметы в боковой камере. Более того, мельчайшие частицы бронзы от резцов каменотесов, приставшие к известняковой поверхности стен боковой камеры, сильно окислились, тогда как бронзовые вещи из убора пострадали гораздо меньше. Все такие факты, по мнению пишущего эти строки, указывают на то, что беда приходила сквозь скалу откуда-то с дальней (внутренней) стороны гробницы; а поскольку известняк проницаем для влаги, разгадку, по-видимому, надо искать там, где в прошлом скапливалось достаточно воды, чтобы просочиться и оказать свое действие.

Установлено, что вода от ливней над выжженной солнцем землей этих сухих ущелий уходит вглубь не больше чем на несколько сантиметров: она тотчас образует потоки и стекает к самой низкой точке, которая может быть за много миль. Поэтому земля почти не пропитывается, кроме тех мест, где вода задерживается каким-нибудь препятствием и образует лужи, — тогда-то и начинается просачивание.

Холм, под которым высечена гробница, поднимается наклонно от дна Долины на высоту около 70 футов и там упирается в обрыв Долины. Самый большой спуск холма приходится прямо над нашей гробницей, и здесь вырублена огромная подземная гробница Рамсеса VI. Гробница Рамсеса VI не обнаруживает никаких признаков былой влаги, и на южной стороне холма я тоже не смог найти никакого источника воды, достаточно вредного, чтобы подействовать на гробницу Тутанхамона. Но

самые внутренние камеры гробницы Хоремхеба, вырубленной поперек холма и лежащей позади камер Тутанхамона, гораздо ниже их, сильно пострадали от расширений и сжатий, вызванных сыростью, за которой следовала засуха, тогда как вход и передняя часть той гробницы (на южной стороне холма) в довольно хорошем состоянии. Эти внутренние, низко лежащие камеры гробницы Хоремхеба, по-видимому, позволяют сузить задачу и дают нам если не саму разгадку, то верные указания на то, откуда шла вся влага. Ведь если вода пробивалась сквозь скалу до глубины усыпальницы Хоремхеба, почему бы ей не просочиться и в нашу гробницу? Тем самым наше внимание и поиски обращаются к задней, северной стороне холма, иначе говоря — к местности над пострадавшими камерами усыпальницы Хоремхеба.

Осмотр этой местности открывает два сходящихся сухих русла, которые во время паводков питались водопадами, низвергавшимися через край обрыва над ними. Эти русла в былые времена сильно изменили этот участок. В начале они далеко отстоят друг от друга, но затем сближаются и сливаются перед входом в гробницу Мернептаха, откуда вода каскадом изливалась в глубокий боковой желоб (ныне заполненный обломками), который соединяется с главным дном Долины напротив гробницы Рамсеса IX.

Во время наших раскопок в поисках гробницы Тутанхамона на северной части нижнего склона холма мы обнаружили, что русло на этой стороне в XIX династии было запружено каменной щебенкой (отвалом), которую выбрасывали рабочие, вырубавшие в скале огромную гробницу Мернептаха; в итоге вода во время паводков задерживалась, образовывала пруд и затопляла гробницу Мернептаха. В какое-то давнее время паводки, должно

быть, были немалыми, ибо щебень и обломочный материал в той местности сцементировались действием воды в массу почти столь же твердую, как сам поверхностный известняк. Очевидно, там скапливалось немало воды; гробница Мернептаха была затоплена полностью и, таким образом, стала своего рода цистерной над внутренними камерами гробницы Хоремхеба.

Трещины разной величины изобилуют в известняке нижнего эоцена, и особенно в этом холме. Иные из них так правильны по форме, что неопытному глазу кажутся рукотворными. Трещины, пересекающие этот участок, были, полагаю, путями, по которым вода просачивалась в самое сердце холма. Более чем вероятно, что они прямо сообщаются с трещинами в скале тех низко лежащих внутренних камер Хоремхеба и связаны также с трещинами в потолках, стенах и полах гробницы Тутанхамона. Края трещин в скале этих камер покрыты водяными потеками. Поэтому я убежден, что именно они виновны в том, что влага сверху достигала этих подземных камер и пропитывала их. Между прочим, несколько небрежный образ действий, или недостаток предусмотрительности, со стороны рабочих Мернептаха в конце концов привел к полному разрушению его собственной гробницы и к частичному повреждению погребальных камер Хоремхеба и стал причиной порчи, постигшей усыпальницу Тутанхамона. Будь эти рабочие эпохи династий осторожнее и оставь они свободный путь для стока воды во время паводков, великолепные гробницы Хоремхеба и Мернептаха и прекрасный убор Тутанхамона сохранились бы до наших дней гораздо лучше. Право, не будь этого древнего недосмотра, наша работа, вместо того чтобы занять десять лет, могла бы закончиться за год или два.

Другая любопытная особенность, свойственная гробнице Тутанхамона и остававшаяся загадкой на всем протяжении нашей

работы, — розовый налет (растворимый в теплой воде), покрывавший все открытые поверхности в камерах: потолки, полы, стены и предметы. Это явление, столь своеобразное для этой находки, по-видимому, отчасти следствие уже рассмотренной сырости. Налет был повсюду; он менялся и по плотности, и по цвету — от розового до ярко-красного — в зависимости от условий; но там, где один предмет или материал покрывал другой или где предмет стоял вплотную к какой-нибудь поверхности и защищал ее часть, налет, если и не отсутствовал вовсе, был гораздо тоньше, и за предметом или под ним оставался слабо обозначенный отпечаток.[3]

[3] Недавно я был свидетелем очень любопытного проявления сходного действия. Мой склад, где хранилось множество материалов, подожгли воры, чтобы скрыть совершенную ими кражу. Они подожгли груду пеньковых мешков и больших рулонов оберточной бумаги, хранившихся на складе (древнеегипетской скальной гробничной камере, закрытой тяжелой современной деревянной дверью). Пожар заметили по дыму, выходившему из щелей двери, примерно через час после поджога, — словом, вовремя, чтобы не случилось большой беды: обуглились лишь мешки и оберточная бумага, которые только тлели из-за недостатка воздуха в камере. Потушив огонь и вынеся обугленную мешковину и бумагу, я при осмотре нашел на всех стенах, потолке и полу камеры, а также на всех открытых материалах, хранившихся в ней, светлый янтарно-коричневый липкий (смолистый?) налет от дыма — действие, в точности такое же, если не считать цвета и природы налета, какое мы встретили в гробнице Тутанхамона.

Если, как предполагалось, окраска шла из скалы под действием воды, то почему ее нет на тех поверхностях скалы, которые были заслонены предметами?

Хотя сырость коснулась гробницы Хоремхеба и многих других гробниц, высеченных в известняке нижнего эоцена в других частях некрополя, в них нет и следа розового налета, столь явно царившего здесь. Те гробницы были найдены почти совершенно лишенными убора; гробница же Тутанхамона сохранила почти весь свой погребальный убор нетронутым. Это заставляет меня

думать, что влажный воздух, создававшийся теми редкими насыщениями влагой, вызывал химические изменения в некоторых материалах убора — особенно в коже и клеях, — которые при испарении оседали и образовали этот розовый налет на всем. Должны были быть периоды, когда из-за конденсации от каждой вещи убора поднимался влажный пар, и эти камеры походили на какую-то адскую химическую лабораторию.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ДВУХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПЛОДАХ, НАЙДЕННЫХ В ГРОБНИЦЕ ТУТАНХАМОНА

✦

Дуглас Э. Дерри, профессор анатомии Египетского университета

(A) Тело недоношенного ребенка, вероятно девочки.

Длина от темени до пяток — 25,75 см.

Тело было тщательно обернуто льном, но Говард Картер эту обертку снял. Брюшного разреза нет, и никаких указаний на то, как сохраняли тело, тоже нет.

Кожа сероватого цвета, сильно сморщенная и ломкая, и сквозь нее отчетливо видны ключицы, ребра и реберные хрящи. На конечностях она собралась в складки, потому что при высыхании исчезла естественная полнота, которую придавали ей лежащие под ней ткани; здесь также ясно обрисовываются кости кистей.

Конечности полностью вытянуты, кисти лежат на передней поверхности бедер.

Ни бровей, ни ресниц нет. Веки почти сомкнуты, а маленькая щель между ними, которая видна теперь, почти наверняка возникла вторично: веки оттянулись, когда ткани усыхали.

На голове видно много тонких беловатых волосков шелковистого вида, вероятно остатков пушковых волос (лануго).

Сохранился кусок пуповины длиной 21 мм. Пупок расположен еще низко.

С поправкой на общее усыхание тела по длине плода, отсутствию бровей и ресниц и состоянию век можно заключить, что внутриутробный возраст ребенка при рождении не превышал пяти месяцев.

(В) Этот ребенок, вероятно девочка, длиной от темени до пяток 36,1 см, также родился недоношенным.

Кожа почти того же цвета и в том же состоянии, что и у младшего плода. Льняные пелены, очень ветхие, еще отчасти держатся на теле ребенка.

Конечности полностью вытянуты, но в этом случае кисти положены вдоль бедер в положении пронации.

На волосистой части головы волос нет, кроме очень тонких, похожих на пушок волосков в затылочной области, но большая часть волос, вероятно, сошла вместе с бинтами. Брови отчетливы, и уцелело несколько ресниц.

Глаза широко открыты, и в глазнице лишь сморщенное глазное яблоко без всякой набивки.

Когда голову вскрыли через передний родничок, полость черепа оказалась заполнена льном, по-видимому пропитанным каким-то солевым веществом. Лен ввели через нос. Проволока, проведенная через правую ноздрю, показалась в полости черепа, если смотреть через родничок.

Пупок. Пуповины нет и следа, но вид пупка, который не втянут, говорит о том, что пуповину удалили, срезав ее у самой брюшной стенки, и что она не подсохла, как было бы, если бы ребенок жил.

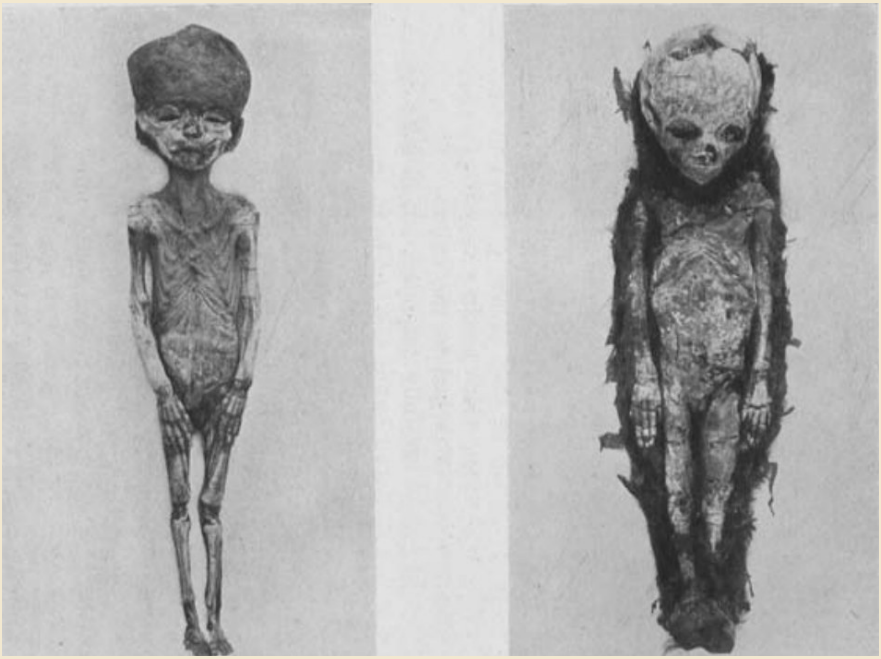

Таблица LI. Два человеческих плода (A и B), найденные в гробнице. (См. выше, таблицу XXVI)

Брюшная стенка вскрыта разрезом длиной 18 мм с левой стороны, непосредственно над паховой связкой и параллельно ей. Отверстие закрыто заплатой из смолы. Брюшная полость набита льном, пропитанным каким-то солевым веществом.

Ногти, по-видимому, вполне выросли, но с поправкой на усыхание мягких тканей возможно, что они не были развиты полностью.

Наибольшая длина головы — 84,0 мм, ширина — 73,0 мм.

Судя по длине плода и видимой степени его развития, ему было при рождении около семи месяцев.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ХИМИЯ ГРОБНИЦЫ

✦

А. Лукас

Настоящая заметка продолжает заметку под тем же названием, составившую приложение II ко второму тому «Гробницы Тутанхамона».

По мере расчистки гробницы на свет выходили не только новые материалы, представляющие химический интерес, но и новые образцы тех материалов, которые уже встречались прежде. Их теперь можно описать, как и некоторые из тех, что, хотя и были найдены на ранних стадиях работы, прежде либо вовсе не упоминались, либо упоминались очень кратко: представлялось вероятным, что подобные материалы окажутся в большем количестве в камерах, которые тогда еще предстояло расчистить. Так и вышло, и теперь о них уместно сказать подробнее.

В предыдущем томе было кратко отмечено, что в гробнице есть грибковые наросты. В передней камере на стенах там и сям разбросаны бурые пятна грибка, похожие на ржавчину; в погребальной камере стены сплошь покрыты сетью грибка, отчего расписанные сцены сильно обезображены; в сокровищнице грибка немного, хотя и больше, чем в передней камере, а в боковой камере его еще больше. Ни одного случая грибка на стенах других гробниц Египта отыскать не удалось. К тому же грибок был не только на стенах гробницы, но и на многих предметах, сильнее всего на тех, что были расписаны или покрыты левкасом и золотом; причина этого, как и обилия грибка на стенах погребальной камеры (единственной расписанной),

почти наверняка в том, что клей, служивший связующим в краске и в левкасе, и клей, которым золото крепили к левкасу, давали грибку превосходную питательную среду.

Однако распределение грибка различалось не только на разных родах предметов, но иногда и на разных частях одного и того же предмета. Так, все ладьи в сокровищнице расписаны, обычно в белый, буровато-желтый, синий, зеленый, красный, черный и канареечно-желтый цвета. Во всех случаях на белом, буровато-желтом, синем и зеленом грибка было много, а на красном и черном — очень мало (впрочем, оба эти цвета занимают сравнительно небольшую долю поверхности), на канареечно-желтом же, как правило, его не было вовсе или, самое большее, совсем немного. Грибок, красноватый на вид, часто бывал так густ, что первоначальный цвет краски полностью скрывался. Особенно это было заметно на синей краске; чрезмерное разрастание грибка на ней объясняют тем, что этот пигмент, будучи грубозернистым, требовал больше клеящего вещества как связующего (а значит, и больше пищи для грибка), чем другие краски. Почти полная невосприимчивость канареечно-желтой краски, состоящей из аурипигмента (сернистого мышьяка), объясняется, вероятно, тем, что этот пигмент ядовит для грибка.

Примечательная розовая окраска, о которой в предыдущем томе говорилось применительно к передней камере, есть и в трех других камерах, сильнее всего в боковой; она не ограничивается стенами, а встречается и на полах и потолках. Розовая окраска в гробницах для Египта не новость: она есть, например, на штукатурке в гробнице Имхотепа в Лиште, раскопанной нью-йоркским музеем Метрополитен. Подобную окраску можно видеть и на древнем строительном растворе, недавно открытом близ

сфинкса в Гизе, и, несомненно, в других местах. Вероятно, эта окраска, лежащая лишь на поверхности, вызвана тем, что влага растворила какое-то соединение закиси железа, содержавшееся в камне и штукатурке, капиллярное притяжение вынесло его на поверхность, и там оно окислилось в окись железа (которая может быть почти любого оттенка красного); но почему цвет розовый на известняке и штукатурке и алый на кальцитовых прожилках в камне, неясно.

Материалы, о которых пойдет речь, будут рассмотрены в алфавитном порядке, как и в предыдущем томе; те, что уже описаны полностью или не представляют особого химического интереса, опущены.

Насекомые. Как сказано в предыдущем томе, образцы различных мертвых насекомых, найденных в гробнице, передали для определения г-ну А. Альфиери (тогда энтомологу Королевского сельскохозяйственного общества в Каире, а ныне служащему Министерства земледелия). Было сообщено, что это мелкие жуки из тех, что питаются мертвым органическим веществом, и что все они принадлежат к видам, обычным в Египте и поныне, причем за 3280 лет ни размер их, ни строение ничуть не изменились; но названий жуков тогда не привели, и теперь это можно сделать.

1. Из алебастрового сосуда № 16:
Lasioderma serricorne, Fabr.
Sitodrepa panicea, L.

2. Из алебастрового сосуда № 58:
Lasioderma serricorne, Fabr.

3. Из алебастрового сосуда № 60:
Lasioderma serricorne, Fabr.
Gibbium psyllioides, Czemp.

4. Из алебастрового сосуда № 61:

Lasioderma serricorne, Fabr.

5. Из ящика № 115:

Lasioderma serricorne, Fabr.

Sitodrepa panicea, L.

Gibbium psyllioides, Czemp.

Все названные насекомые — жуки: *L. serricorne* и *S. panicea* принадлежат к семейству *Anobiiæ*, а *G. psyllioides* — к семейству *Ptinidæ*.

Металлы. Металлы были тех же родов, что и найденные прежде, только свинца не оказалось, а он и прежде был представлен лишь одним очень маленьким куском. Различные оттенки золота из первых двух камер уже описаны, и все они, включая весьма характерный розовый цвет, встретились и на золоте из сокровищницы и боковой камеры. Однако на нескольких предметах, особенно на одном посохе, золото покрыто тонким красным слоем, который при анализе оказался окрашенным клеем. Материала для исследования было слишком мало, чтобы определить природу пигмента, но он, вероятно, минерального происхождения.

Серебро и электр, найденные в сокровищнице и боковой камере, показали новую особенность: налет на них состоял не из тонкой пленки хлорида серебра, как на серебре и электре из передней и погребальной камер, а нередко из более толстого слоя сернистого серебра. Причина различия требует объяснения, и, вероятно, сера, нужная для образования сернистого соединения, происходила из аурипигмента, служившего краской на различных ладьях и других предметах, так как никакого иного источника серы не видно. Это объяснение, если его принять, означало бы одно из двух: либо часть аурипигмента рассыпалась в мелкий

порошок и разнеслась по камерам, либо он химически разложился, и сера или, вернее, образовавшийся из него сероводород распространился по воздуху и, соприкасаясь с серебром и электром, действовал на них, образуя слой сернистого серебра. Хотя первое предположение не исключено, второе представляется вероятнее, и можно думать, что часть аурипигмента была разложена грибком с образованием сероводорода, ибо хорошо известно, что некоторые виды грибков действительно разлагают соединения серы и выделяют сероводород. Единственное затруднение для принятия этого объяснения в том, что аурипигмент был единственной краской, на которой грибка почти не было; но его можно обойти, допустив, что там, где аурипигмент соседствовал с другой краской, покрытой грибком, как это часто бывало, по краям аурипигмента могло происходить некоторое слабое действие. Что сера, нужная для образования сернистого серебра, действительно происходила из аурипигмента, подтверждает толстый слой сернистого соединения при почти полном отсутствии иной коррозии на некоторых миниатюрных медных орудиях, уложенных в тот же ящик, что и несколько фигурок ушебти с аурипигментом, тогда как другие орудия из ящиков с подобными фигурками, но без аурипигмента, сернистого соединения не имели, и коррозия на них состояла из углекислых солей и хлорокиси. Следует отметить и то, что там, где серебряные предметы были защищены от соприкосновения с аурипигментом или продуктами его разложения, как, например, серебряные ручки салазок, на которых стоял канопический ларец (накрытый ковчегом), серебро было свободно от сернистого соединения. Эти ручки показывают и еще одну особенность, которую стоит упомянуть: в серебре встречаются неравномерно рассеянные желтоватые

пятна, явно вызванные присутствием золота, — явление, нередкое в древнеегипетском серебре.

Многие предметы из меди или бронзы еще не анализировались, но там, где анализ был возможен, как с некоторыми миниатюрными орудиями при фигурках ушебти, металл оказался медью, обычно совершенно без олова или лишь со следами его. В немногих случаях, однако, олово присутствовало в небольшом количестве, но ни в одном испытанном образце его доля не превышала примерно двух процентов, и такой материал разумно считать скорее нечистой медью, чем бронзой. Это, однако, не значит, что бронзы в гробнице не было вовсе: некоторые предметы, которые не удалось исследовать химически, почти наверняка бронзовые. В этой связи можно упомянуть материал, оказавшийся окисью олова. Он состоял из нескольких тонких обломков (толщиной от 1 до 6 мм), которые, по-видимому, первоначально составляли один кусок; материал был довольно хрупок, темно-серого цвета и на изломах обнаруживал кристаллическое волокнистое строение. Несколько обломков были очень слегка изогнуты: возможно, когда-то они были пластичны и образовали слой на дне округлого сосуда. Весь вид указывал на вторичный, а не на первичный материал, и, пока его не проанализировали, его считали, быть может, частично истощенной рудой. Удельный вес и твердость, определенные г-ном О. Х. Литтлом из Геологической службы Египта, составили соответственно от 5,0 до 5,4 и 6, а при исследовании в Химическом управлении в Каире материал оказался окисью олова. Так как на природный касситерит он не походил, его затем передали г-ну Р. Х. Гривзу, начальнику Горного управления в Каире, который любезно переслал его г-ну У. Г. Вагнеру из известной лондонской металлургической фирмы «Дж. Т. Холлоуэй и К°», а тот был так

добр, что сделал количественный анализ, показавший следующий состав:

	Процентов
Окись олова	94,80
Влага	1,23
Связанная вода	3,97
Органическое вещество	следы
	100,00

По мнению г-на Вагнера, материал был, вероятно, искусственно приготовленной окисью олова.

Был ли он изготовлен в Египте, никаких свидетельств нет, но возможно, что он предназначался для изготовления непрозрачного белого стекла, которое, как известно, при XVIII династии делали с помощью окиси олова.

Железо в сокровищнице и боковой камере ограничивалось клинками шестнадцати миниатюрных орудий, уже описанных доктором Говардом Картером, и здесь нужно лишь упомянуть, что общий вес железа — всего около четырех граммов. Точный вес нельзя было определить, не вынимая клинков из рукоятей, чего делать не хотелось, и его можно было лишь оценить по весу трех клинков, которые держались свободно; они весили соответственно 0,20, 0,20 и 0,25 грамма. Клинки, хотя очень маленькие и тонкие, были в довольно хорошем состоянии и все еще состоят в основном из металлического железа лишь с легким налетом окиси на поверхности.

Минералы. В боковой камере нашли небольшие количества различных минеральных веществ, которые при анализе оказались соответственно мелом, галенитом, малахитом (несколько

кусочков его прежде нашли на полу передней камеры), красной охрой, желтой охрой, аурипигментом и двумя небольшими комками неправильной формы из кварцевого песка, зерна которого в одном случае были сцементированы окисью железа, а в другом — смесью окиси железа и окиси марганца; то и другое часто встречается в виде жил в нубийском песчанике. Все эти вещества природные, и все, кроме аурипигмента, встречаются в Египте. Применение этих материалов, кроме железистого песка, как красок в Древнем Египте хорошо известно: галенит и малахит служили для подведения глаз, а малахит, мел, красная охра, желтая охра и аурипигмент — для росписи стен, мебели и разных других предметов, и это последнее применение хорошо видно в данной гробнице. И красную, и желтую охру, вероятно, подготовили к употреблению так: тонкие частицы сырья отделили от грубых отмучиванием водой, а затем тонкий порошок, пока он был влажен, спрессовали в комок.

Натр. Натр, или природная сода, состоит в основном из углекислого и двууглекислого натрия, но в Египте почти всегда содержит в виде примесей поваренную соль и сернокислый натрий (сернокислую соду). Натр встречается в Египте в нескольких местах, особенно в Вади-Натрун в Западной пустыне, но также на севере провинции Бехейра у Харрары и близ Эль-Каба в Верхнем Египте. В Египте натр применяли при мумификации, несомненно, уже в конце III династии.

В данной гробнице натр нашелся в четырех местах: в маленьком сосуде в покрытом черным лаком киоске в погребальной камере, во втором маленьком сосуде у входа в сокровищницу, где он был смешан с камедесмолой, и в третьем и четвертом — также в этой камере, в сосудах, поставленных перед канопическим балдахином. Во всех случаях это был тонкий

кристаллический порошок белого или светло-коричневого цвета; пишущий эти строки сделал его качественный анализ и определил его, а затем передал доктору Х. К. Коксу, члену Института химии, в Лондон для количественного анализа, который в Луксоре был невозможен. Результаты анализов доктора Кокса, несколько перегруппированные, таковы:

	Погребальная камера	**Сокровищница**		
		A	**B**	**C**
	Процентов	Процентов	Процентов	Процентов
Натр (углекислый и двууглекислый натрий)	94,0	35,7	84,7	73,8
Поваренная соль	0,5	39,5	1,5	13,0
Сернокислый натрий	5,5	24,8	13,8	13,2
	100,0	100,0	100,0	100,0

Следов натра на мумии не оказалось: несколько маленьких беловатых пятен на коже были поваренной солью с небольшой примесью сернокислого натрия.

Краски. Различные минералы, найденные в гробнице и обычно служившие красками, уже описаны. Два из этих веществ, а именно мел и красная охра, встретились также готовыми к употреблению в раковинах; так же была приготовлена и зеленоватая краска, вероятно искусственная фритта (один маленький кусок ее прежде нашли на полу передней камеры), которую, однако, нельзя было исследовать химически, не испортив образца, и черный порошок, вероятно углерод, от которого остались лишь следы. В остатках льняного мешочка был зернистый синий порошок, который при исследовании оказался

искусственной фриттой, столь характерной для Древнего Египта, — кристаллическим силикатом меди и кальция; несколько маленьких кусков ее прежде нашли на полу передней камеры.

Химически исследовались и краски на ряде предметов. Понятно, что, хотя анализы всех красок гробницы были бы ценны, исследование было возможно лишь там, где отвалились кусочки. Из предметов сокровищницы и боковой камеры испытаны синяя, канареечно-желтая и белая краски с нескольких ладей, белая с кресла и двух табуретов, синяя с нескольких фигурок ушебти и с ящика и коричневая с ящика. Во всех случаях синяя оказалась искусственной фриттой; канареечно-желтая — аурипигментом (сернистым мышьяком), вероятно полученным из Персии или Малой Азии, так как, насколько известно, в Египте он в природе не встречается и свидетельств его применения там до XVIII династии нет; белая — углекислым кальцием (мелом), а коричневая — смесью окиси железа и сернокислого кальция, приготовленной, возможно, искусственно: к красной охре добавляли тонко истолченный гипс, чтобы получить нужный оттенок.

Хотя остальные краски для химического анализа доступны не были, по виду можно с достаточной уверенностью сказать, что красная — это красная охра, буровато-желтая — желтая охра, а черная — углерод, вероятно какая-то сажа. Зеленая краска на ладьях, однако, не зеленая фритта, вроде той, что нашли на нескольких предметах из передней камеры и небольшой кусок которой тоже был найден, а, возможно, истолченный малахит — медная руда, встречающаяся в стране и служившая краской с очень давних времен.

Анализировались и краски с трех палеток. Две из них содержат лишь по две краски — черную и красную; в обоих случаях черная

— углерод, а красная — красная охра. На третьей палетке некогда было шесть красок, но сохранилось пять (черная, красная, зеленая, белая и желтая), а одной (вероятно, синей) недостает. Черная и красная — соответственно углерод и красная охра; зеленая для исследования доступна не была; белая — вероятно, сернокислый кальций, но ее было слишком мало, чтобы это подтвердить; желтая — аурипигмент.

Смола. Этого материала в гробнице было очень много, и о его присутствии в передней и погребальной камерах уже говорилось. Он был и в сокровищнице и боковой камере — и как настоящая смола, и как камедесмола: первая — в природном виде, кусками; в виде изделий (крупные бусы, ушные вставки и т. п.); как черный лак и как клеящее вещество; вторая — в виде маленьких слезок и палочек, смешанных с натром. Куски красновато-коричневые, просвечивающие и без легко узнаваемых признаков, по которым их можно было бы определить; смола бус и других изделий в проходящем свете очень темно-красная, а в отраженном — черная, и она тоже еще не определена. Черный лак уже описан прежде. Камедесмола имеет вид очень маленьких слезок и палочек, последние длиной от 2 до 5 мм и толщиной 0,5 мм, снаружи белых от приставшего натра и собственной тонкой пыли, а внутри желтовато-коричневых; ее еще не определили, но это, несомненно, не мирра, и на ладан она не похожа. В этой связи можно подробнее описать благовоние, упомянутое в предыдущем томе. Материала для исследования было так мало, что удалось сделать лишь несколько предварительных проб. Вещество желтовато-коричневого цвета, хрупкое, на вид слегка смолистое, горит коптящим пламенем, издавая приятный пряный запах; при испытании оно растворилось примерно на 80 процентов в спирте и на 20 процентов в воде после спирта, а потому это камедесмола

и не может быть ни лабданумом, ни мекканским бальзамом, ни стираксом, а по цвету это, вероятно, и не мирра, не бделлий и не гальбан; в целом оно наводит на мысль о ладане, истолченном и искусственно скатанном в шарики.

Камни. Камни для украшений и инкрустации, найденные в сокровищнице и боковой камере, большей частью повторяли уже описанные. Главными были: сердолик, которого было немало; лазурит, которого в общей сложности тоже было много; кварц, обычно просвечивающий и применявшийся с красной мастикой в подражание сердолику; кальцит, тоже просвечивающий и часто посаженный, как и кварц, на красную мастику, но иногда желтоватый и применявшийся без красной мастики; зеленый полевой шпат; бирюза, обычно зеленоватая, хотя изредка хорошего небесно-голубого цвета; один образец аметиста; один образец желтого халцедона (два прежних образца были соответственно бесцветным и зеленым[1]); красная яшма; по одному образцу зеленого и коричневого змеевика для инкрустации; немного черного стеатита для инкрустации; кремень; обсидиан для глаз и зрачков; кристаллический известняк для белков глаз и твердый темный оливково-зеленый камень, из которого сделан большой скарабей; этот камень не определен. Еще один камень, тоже пока не определенный, — несколько образцов его было из погребальной камеры и один из передней, — твердый, непрозрачный, с легким зеленоватым оттенком, по виду похожий на каллаит или на выцветшую бирюзовую матрицу.

[1] Это перстень-печатка; с тех пор его исследовали подробнее. Удельный вес его 3,4; ни стальное острие, ни кварц не оставляют на нем черты, но стекла он не царапает, а потому это не халцедон и не нефрит (жад), а, вероятно, жадеит.

Помимо камней для украшений и инкрустации, применялись: алебастр (кальцит) для ваз, фигурок ушебти и канопического ларца; кремень для миниатюрных орудий; темно-серый крапчатый гранит для фигурок ушебти; кристаллический известняк для браслетов и ножных браслетов; кварцит для фигурок ушебти; темный змеевик для вазы; черный стеатит вместо черной краски на нескольких палетках; сланец для палеток и твердый серый кварцевый камень для точильных брусков.

Сахар. Остаток в одном из многих алебастровых сосудов гробницы состоял из темной, смолистой на вид массы, в которую были вкраплены мелкие светло-коричневые частицы, а вся поверхность была покрыта бесчисленными крошечными мертвыми жуками. Более светлые частицы были кристаллическими и при анализе оказались сахаром. Природа основной массы еще не установлена, но это не сахар, не смола и не камедь. Поэтому первоначальное вещество остается неизвестным, но, по-видимому, это был не мед, главное подслащивающее средство древности; можно предположить, что это был фруктовый сок, например виноградный, который высох и в большой мере разложился и из которого выкристаллизовался сахар.

Вино. Твердый осадок со дна глиняного кувшина, который и по форме, и по надписи на нем несомненно служил для вина, при анализе оказался, как и следовало ожидать, нечистым «винным камнем» (сырым винным камнем) и, следовательно, винным осадком: были получены определенные положительные реакции на тартрат, калий и карбонат. Любопытна в этом образце большая доля углекислого калия, что указывает на разложение части первоначального тартрата.

ПРИЛОЖЕНИЕ III. ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТОВ

✦

(Таблицы LII–LXXX)

A

Таблица LII. Магическое пламя

Таблица LII

Магическое пламя

(A) Маленький тростниковый факел, оправленный золотой фольгой и поставленный на подставку из глиняного кирпича с процарапанной на ней магической формулой.

(B) Факел с подставкой в том положении, в каком они были найдены за порогом Внутренней сокровищницы, перед пилоном Анубиса.

(См. главы I и II.)

A

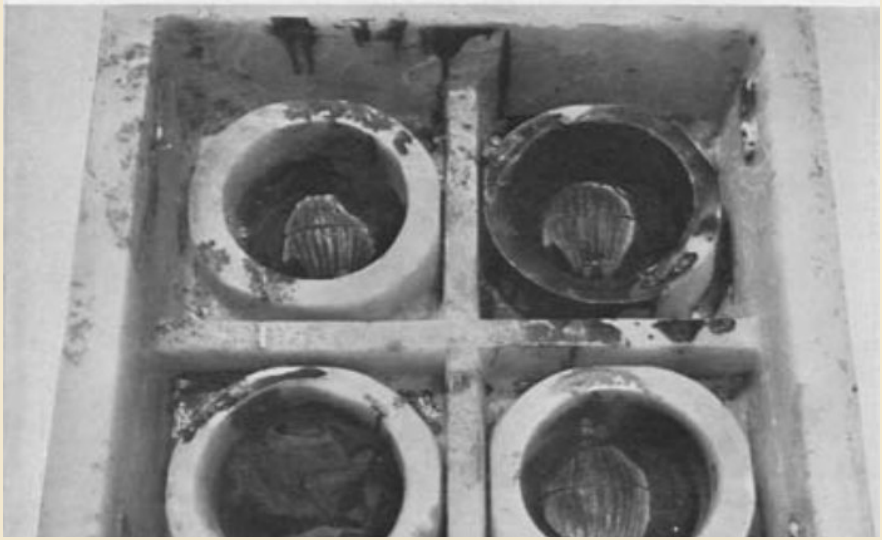

Таблица LIII. Подробности канопического ларца

Таблица LIII

Подробности канопического ларца

(A) Одна из четырех печатей, которыми была закреплена крышка канопического ларца.

(B) Внутренность канопического ларца: видны мнимые прямоугольные отделения и края мнимых сосудов. В каждом таком сосуде видна голова золотого гроба для внутренностей (таблица LIV).

(См. главы I и II; таблицы IX, X и LIV.)

Таблица LIV. Миниатюрный золотой гроб из канопического ларца

Таблица LIV

Миниатюрный золотой гроб из канопического ларца

Один из четырех миниатюрных золотых гробов, в которых хранились внутренности царя. По замыслу они сходны со вторым гробом, заключавшим мумию царя, но гораздо богаче инкрустированы узором из перьев, и на каждом гробе написана формула, относящаяся к богине и ее гению, под чью охрану он был отдан.

(См. главы I и II; таблицы IX, X и LIII.)

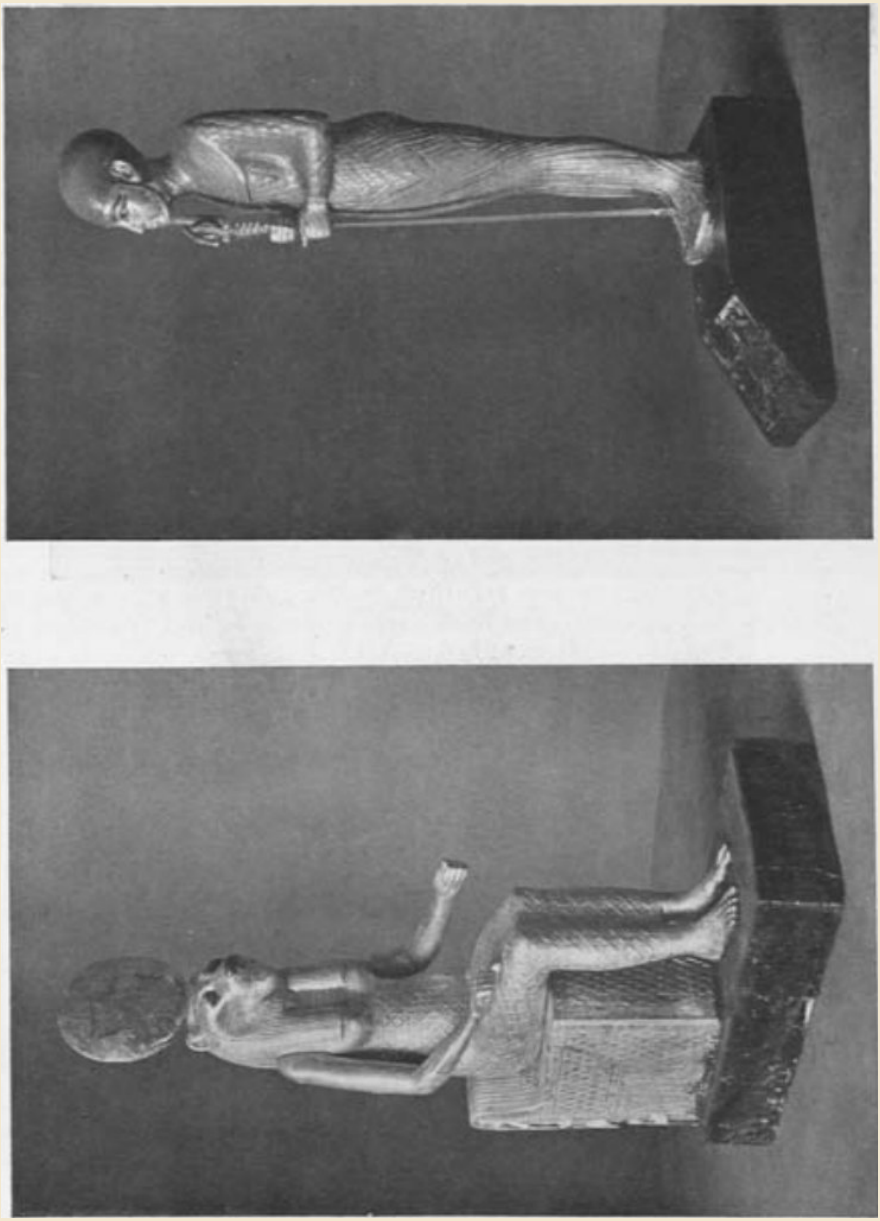

Таблица LV. Позолоченные статуэтки божеств

Таблица LV

Позолоченные статуэтки божеств

(A) Сехмет, «Могучая», львиноголовая богиня войны.

(B) Птах, бог Мемфиса и бог-покровитель Египта, почитавшийся хранителем художников и ремесленников. Его головной убор сделан из синего фаянса, а его знаки — из бронзы.

(См. главу II.)

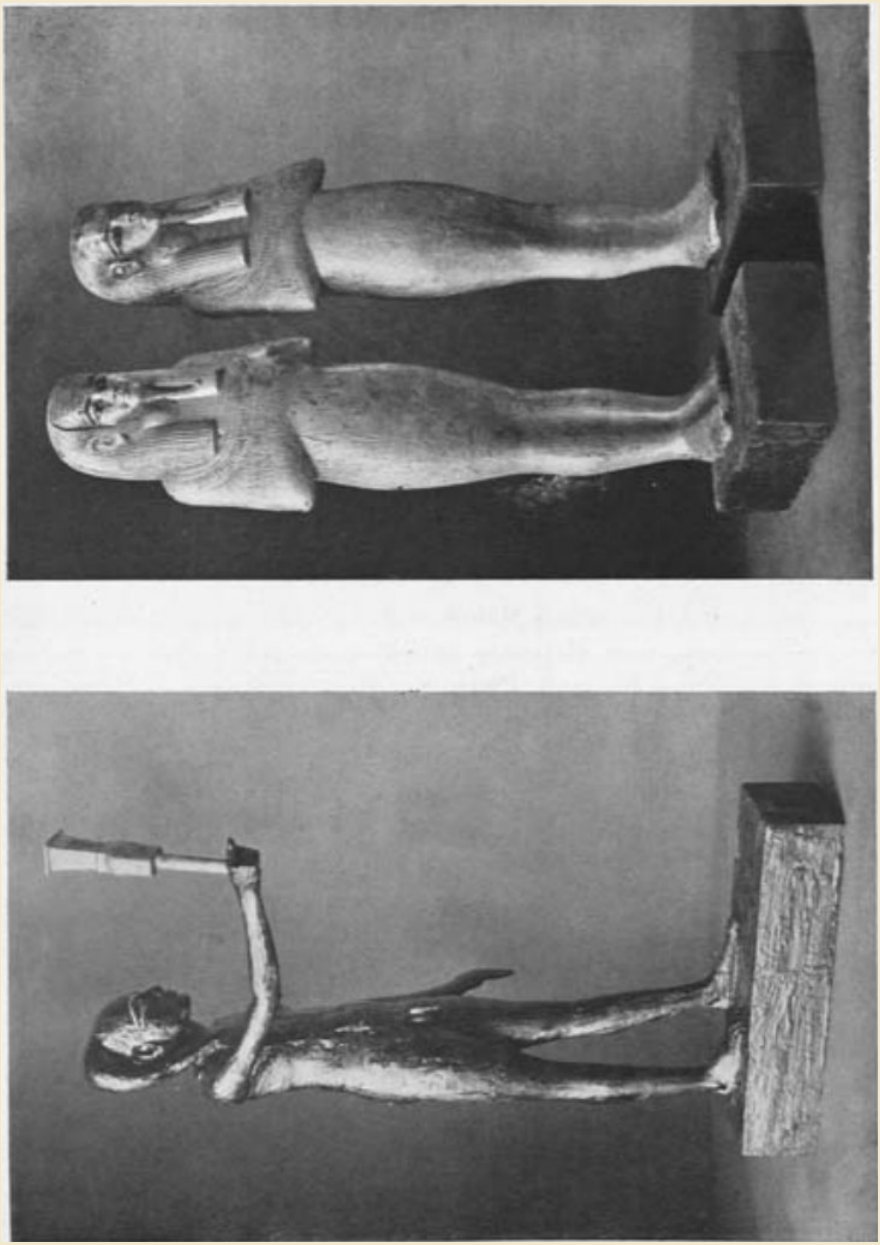

Таблица LVI. Статуэтки божеств

Таблица LVI

Статуэтки божеств

(A) Музыкант *Ихи*, вырезанный из дерева и покрытый черной смолой.

(B) Имсети, гений Исиды.

(C) Божество по имени Маму.

Два последних божества (B и C) сделаны из дерева, обложенного золотом; на таблице XI они показаны такими, какими были найдены, — в своих ларцах в форме ковчегов.

(См. главу II.)

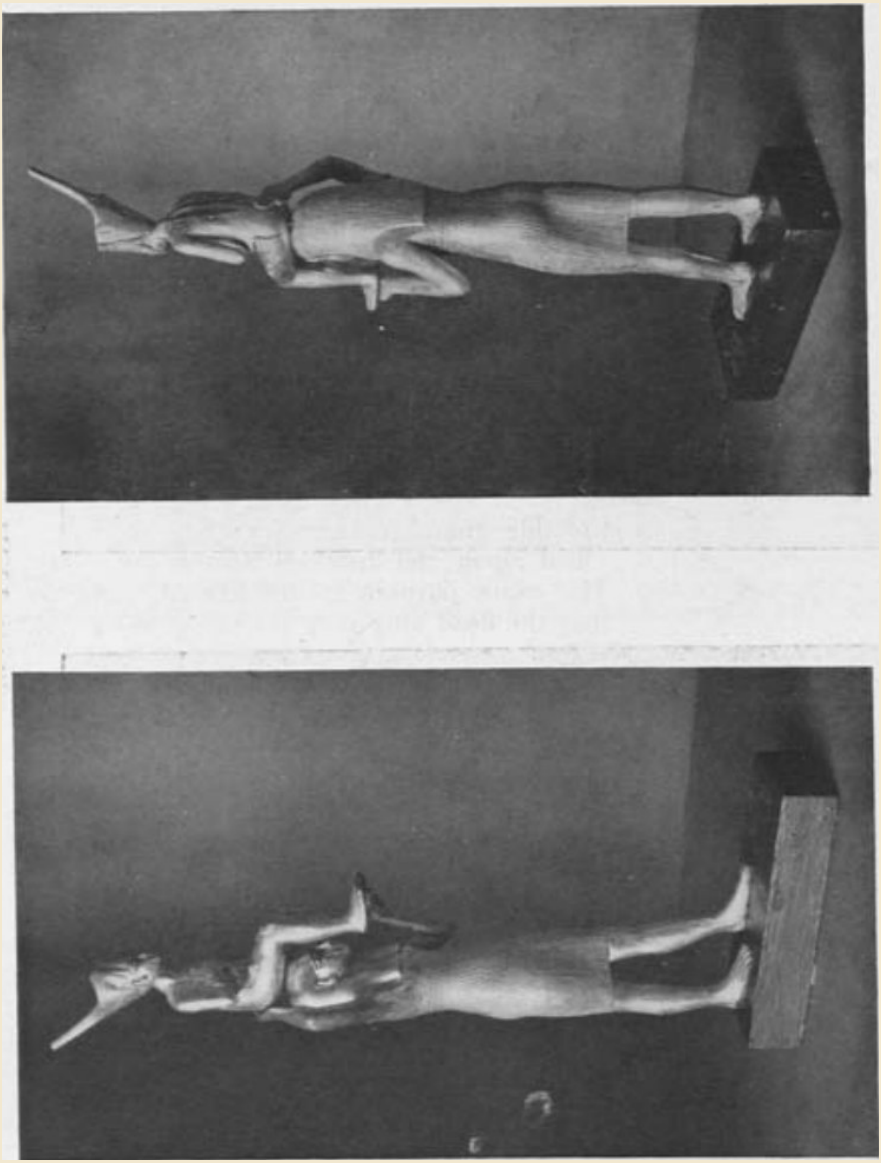

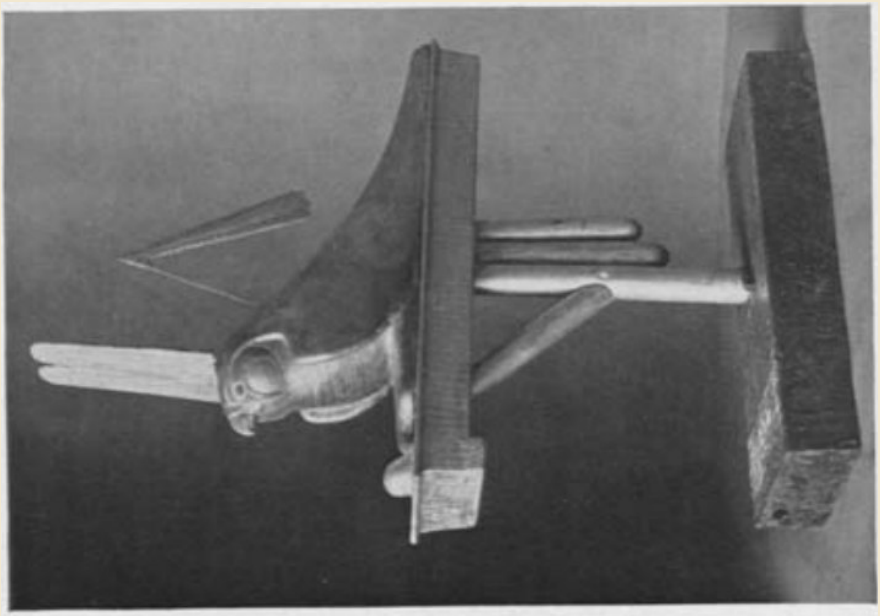
Таблица LVII. Позолоченная статуэтка божества Менкарет

Таблица LVII

Позолоченная статуэтка божества Менкарет

Эта замечательная группа изображает умершего царя, которого божество Менкарет держит над головой. Точное ее назначение неизвестно, но, возможно, так сделано для того, чтобы умерший царь мог видеть славное светило — солнце.

(См. главу II.)

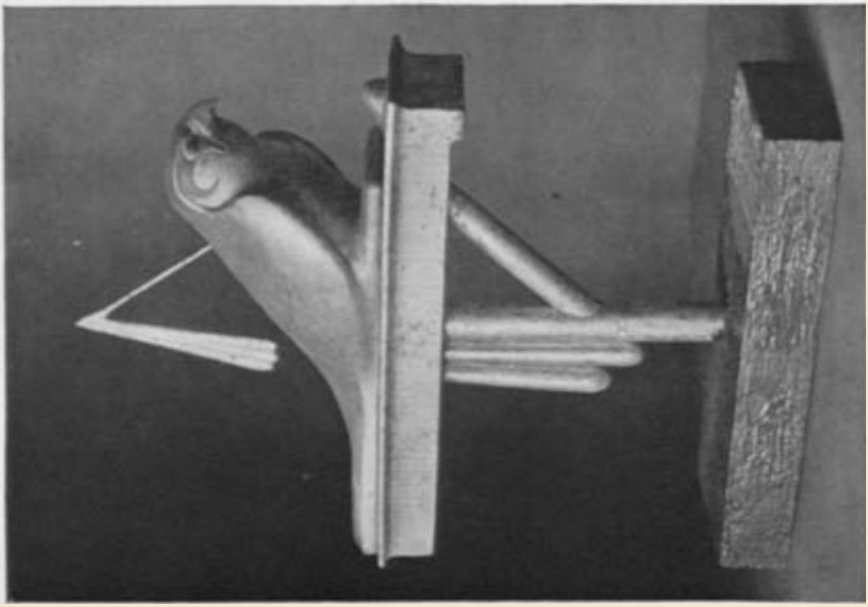

Таблица LVIII

Два позолоченных соколиных штандарта

(A) Соколиный штандарт по имени Гемехсу.

(B) Соколиный штандарт по имени Спеду.

Быть может, это две формы соколиного штандарта древнего XX нома Нижнего Египта — подобно тому как два штандарта, найденные в передней камере, принадлежали X ному Верхнего Египта (т. I, с. 114).

(См. главу II.)

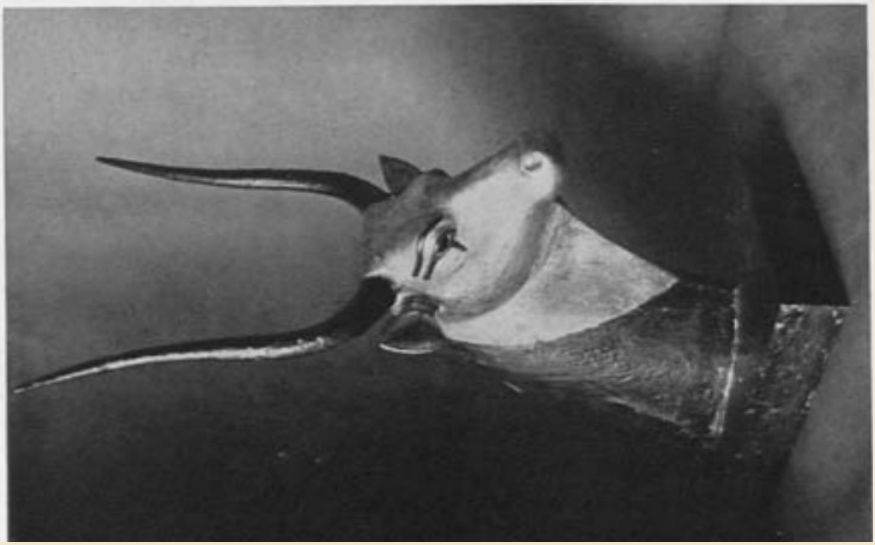

Таблица LIX. Знаки загробного мира

Таблица LIX

Знаки загробного мира

(A) Золотая голова коровы Мехурит.

(B) Змеиное божество по имени Нетер-анх.

(См. главы I и II.)

Таблица LX. Статуэтка Тутанхамона

Таблица LX

Статуэтка Тутанхамона

Деревянная позолоченная статуэтка, изображающая царя в образе юного воина Гора на тростниковом плоту в тот миг, когда он поражает тифоново животное. Вероятно, это древнеегипетский прообраз святого Георгия и Змия христианской эпохи. Это одна из пары статуэток, найденных в черном ларце в форме ковчега; она была бережно окутана льном.

(См. главу II; таблица XIII.)

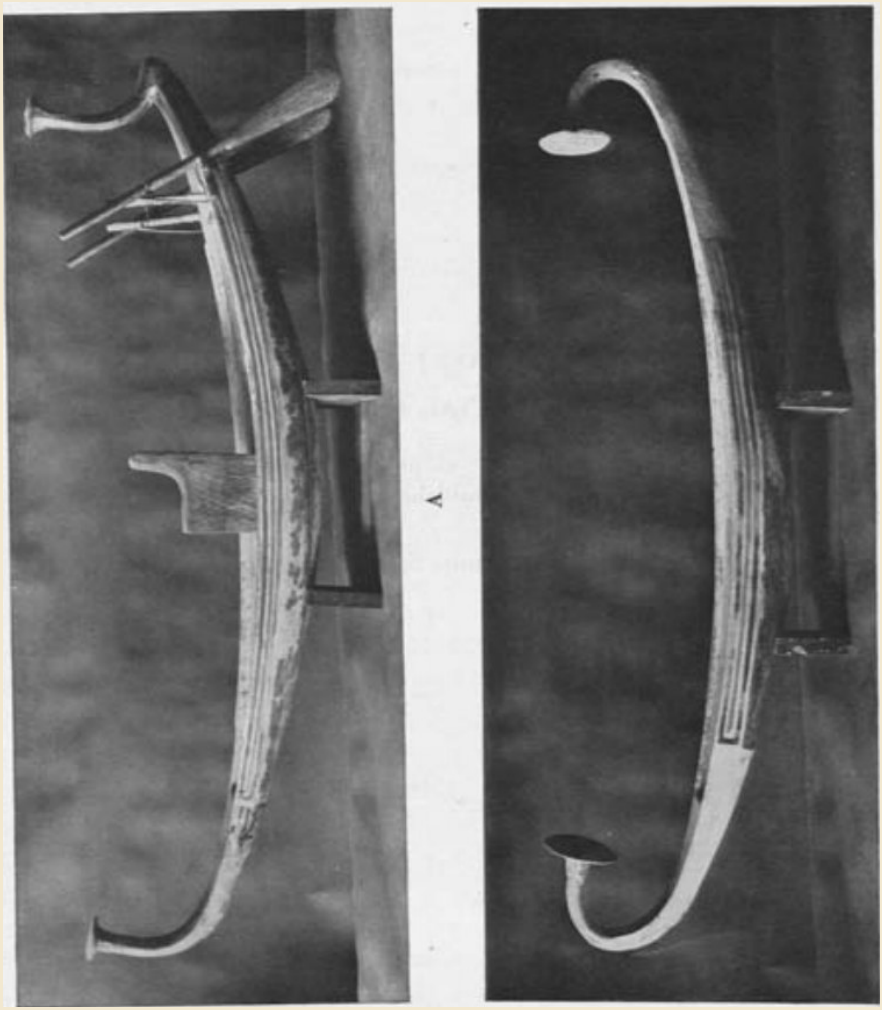

Таблица LXI. Небесные суда

Таблица LXI

Небесные суда

(А) Одно из четырех судов, назначенных следовать за божественными странствиями солнца. Посередине —

позолоченный трон для царственного путника.

(B) Один из двух челнов для переправы на поля блаженных.

(См. главу II.)

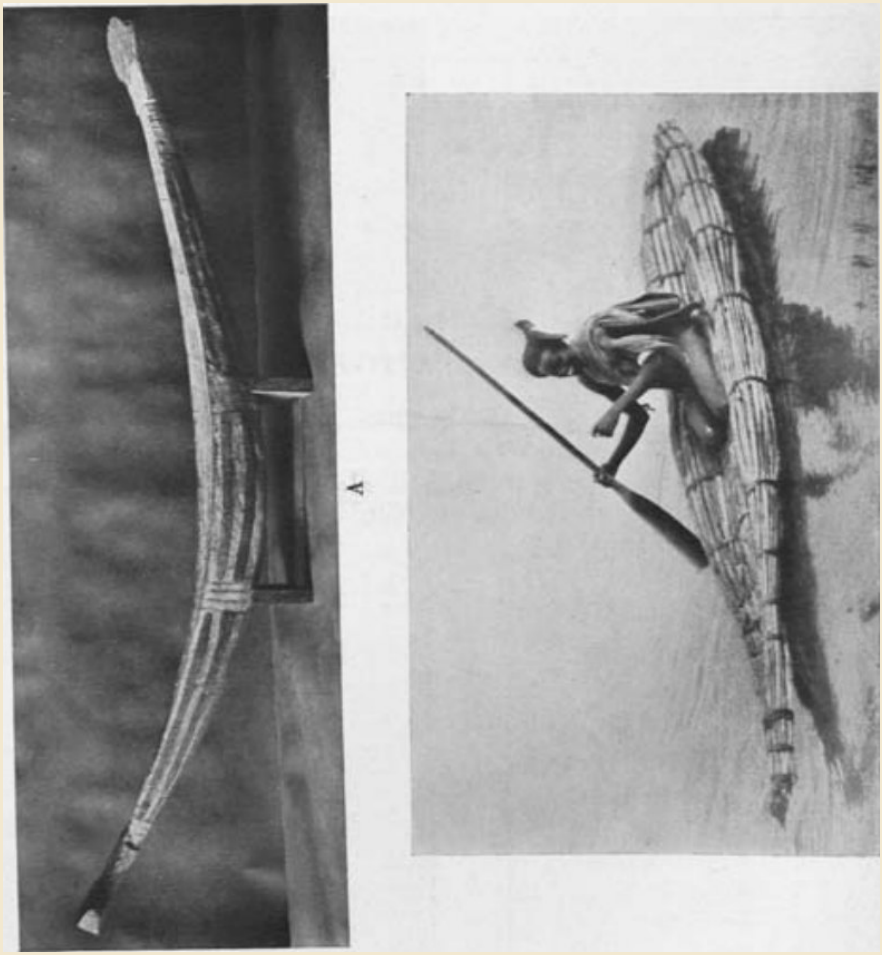

Таблица LXII. Челн первобытного вида

Таблица LXII

Челн первобытного вида

(A) Модель тростникового плота, или челна, для мифических забав Гора-царя.

(B) Пережиток этого первобытного тростникового плота, которым до сих пор пользуются в верховьях Нила.

(См. главу II.)

A

Таблица LXIII. Два судна для погребального паломничества

Таблица LXIII

Два судна для погребального паломничества

(A) Модель корабля с полной оснасткой, с каютой посередине и позолоченными беседками на баке и юте; он вел на буксире погребальные барки (B), принадлежавшие к погребальному паломничеству. На баке и юте барок — маленькие «смотровые» будки, а посередине — большая каюта с двойной крышей.

(См. главу II.)

Таблица LXIV. Проросшая фигура Осириса

Таблица LXIV

Проросшая фигура Осириса

(A) Деревянная рама в форме Осириса, выдолбленная, наполненная илом и засеянная зерном.

(B) Фигура в том виде, в каком она была найдена в ящике, — целиком обернутая льняными пеленами.

(См. главу II.)

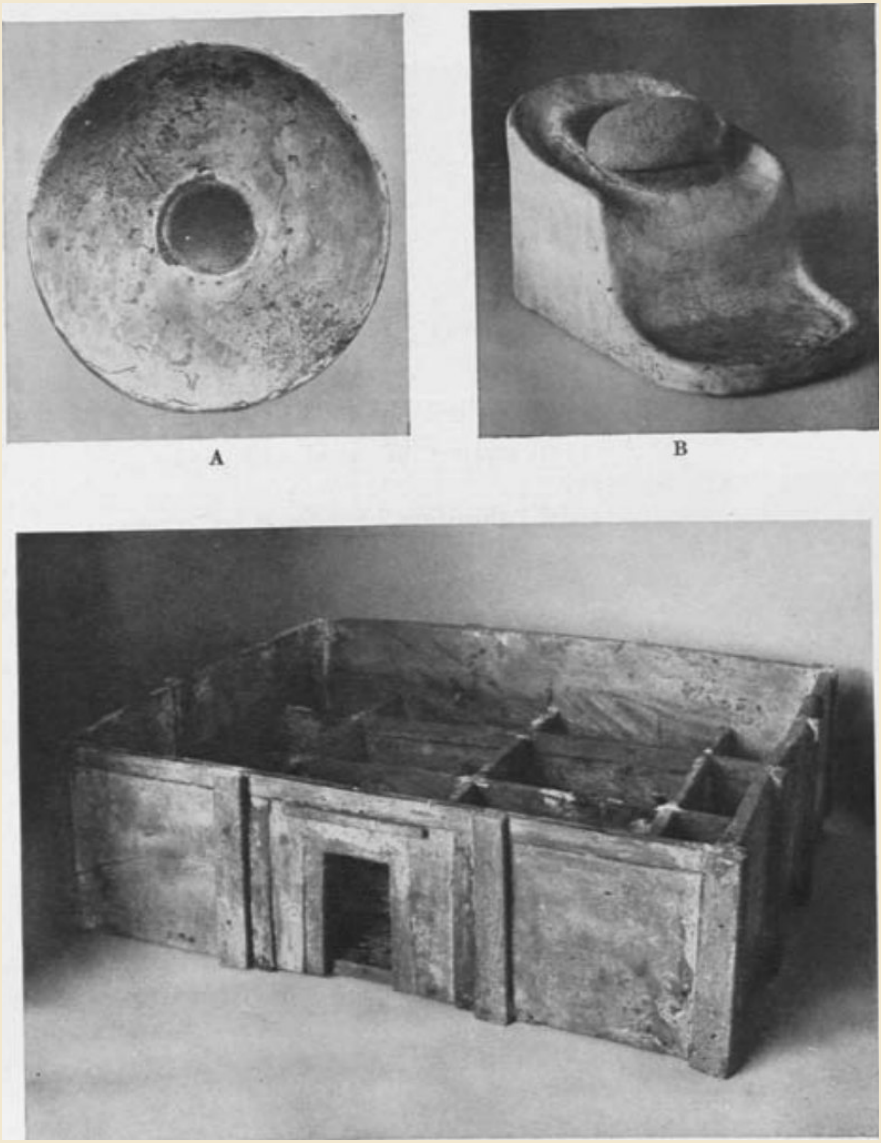

Таблица LXV. (A) Модель цедилки для пива; (B) модель ручной зернотерки; (C) модель житницы

Таблица LXV

(A) Модель цедилки из дерева и меди для приготовления пива.

(B) Модель «толкательной» ручной зернотерки для помола зерна.

(C) Модель житницы: видны вход и отдельные отсеки для хранения зерна.

(См. главу II.)

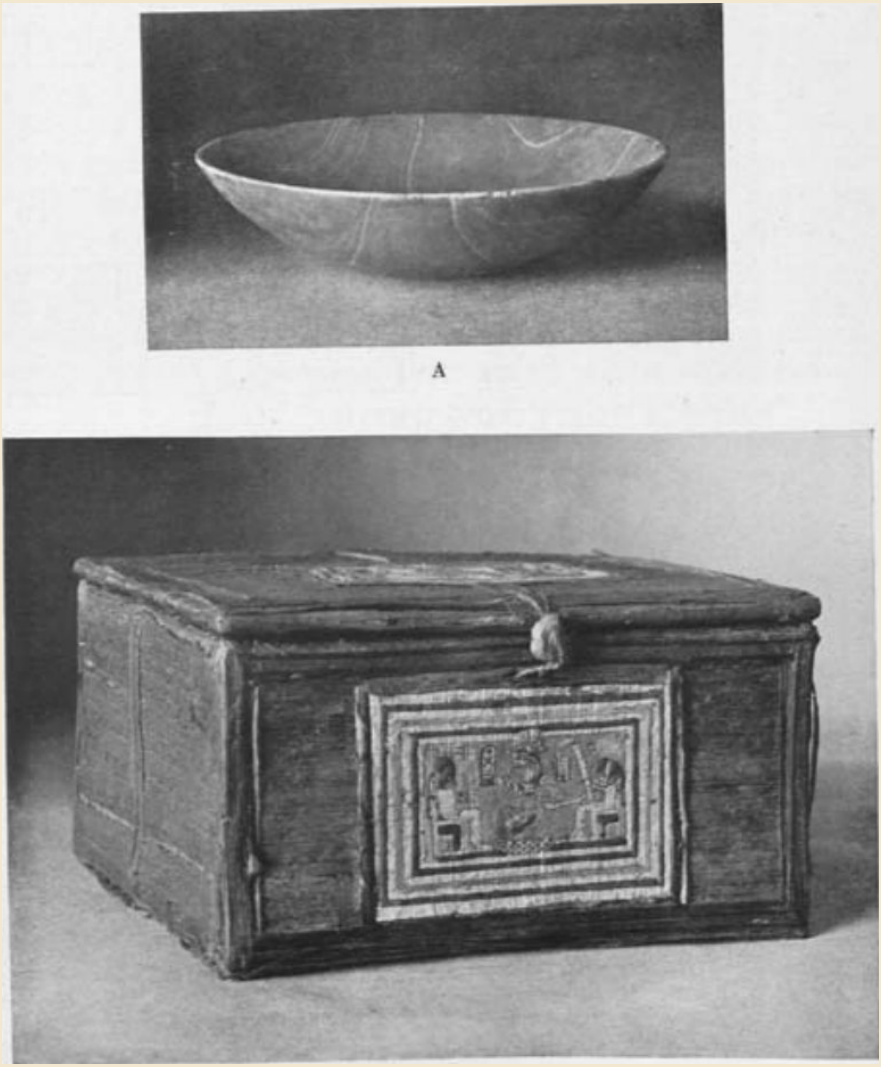

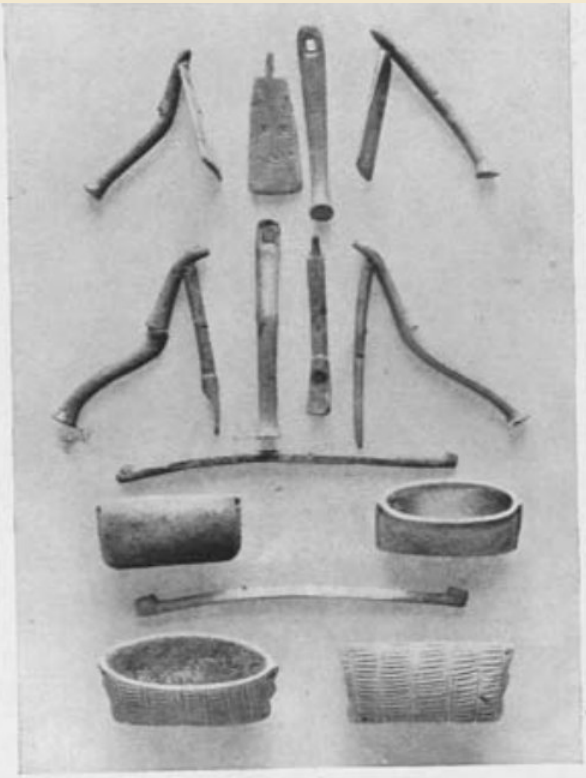
Таблица LXVI. Часть письменного прибора царя

Таблица LXVI

Часть письменного прибора царя

(A) Чаша из слоновой кости, окрашенная в красный цвет, и (B) корзинка из папируса, входящие в письменный прибор царя. На корзинке — ярко раскрашенные изображения: царь перед Амоном-Ра, Херахте, Птахом и Сехмет.

(См. главу II; таблица XXII.)

A

Таблица LXVII. Земледельческие орудия и киоски для фигурок ушебти

Таблица LXVII

Земледельческие орудия и киоски для фигурок ушебти

(A) Модели мотыг, кирок, коромысел, корзин и сосудов для воды из синего фаянса — для надобностей фигурок ушебти.

(B) Маленькие деревянные киоски, покрытые черной смолой, в которых помещались фигурки.

(См. главу II; таблица XXIII.)

A

Таблица LXVIII. Пара табуретов

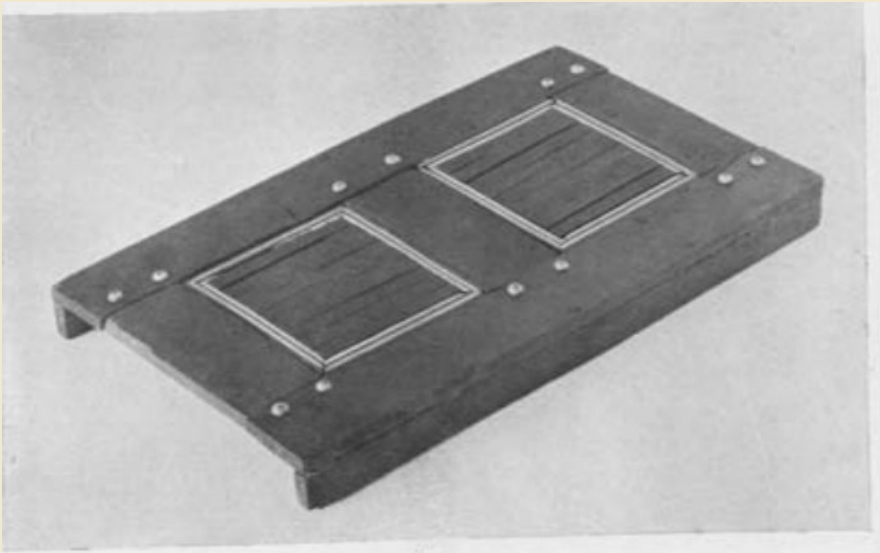
Таблица LXVIII

Пара табуретов

(A) Трехногий деревянный табурет с полукруглым сиденьем, выкрашенный белой краской.

(B) Четырехногий деревянный табурет, выкрашенный белой краской, с позолоченным традиционным орнаментом между сиденьем и распорками.

(См. главу IV; таблица XXXIV.)

A

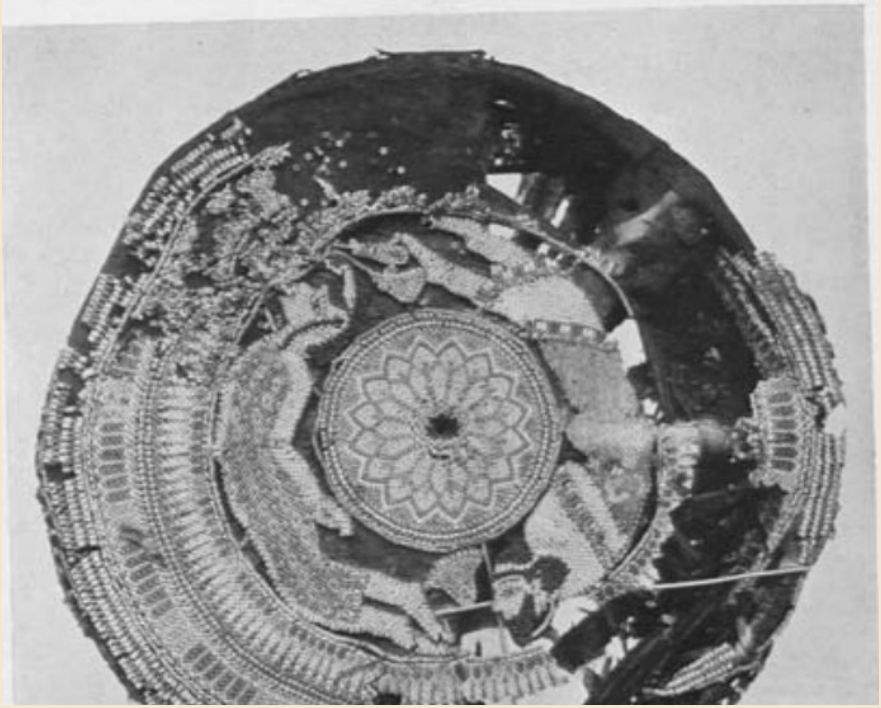

Таблица LXIX. Скамеечка для ног и подушка для коленей

Таблица LXIX

Скамеечка для ног и подушка для коленей

(A) Маленькая скамеечка для ног из кедрового дерева, инкрустированная слоновой костью и черным деревом.

(B) Подушка для коленей из плетеного тростника, подбитая льном и покрытая искусной многоцветной бисерной работой: вокруг розетки в середине изображены связанные чужеземные пленники, лежащие ничком.

(См. главу IV.)

A

Таблица LXX

Пара подголовников

(A) Подголовник из фаянса цвета лазурита, оправленный инкрустированным золотым воротничком.

(B) Подголовник из бирюзово-голубого стекла, оправленный воротничком из чеканного золота.

(См. главу IV; таблица XXXVI.)

A

Таблица LXXI. Сундуки из времен ранней юности царя

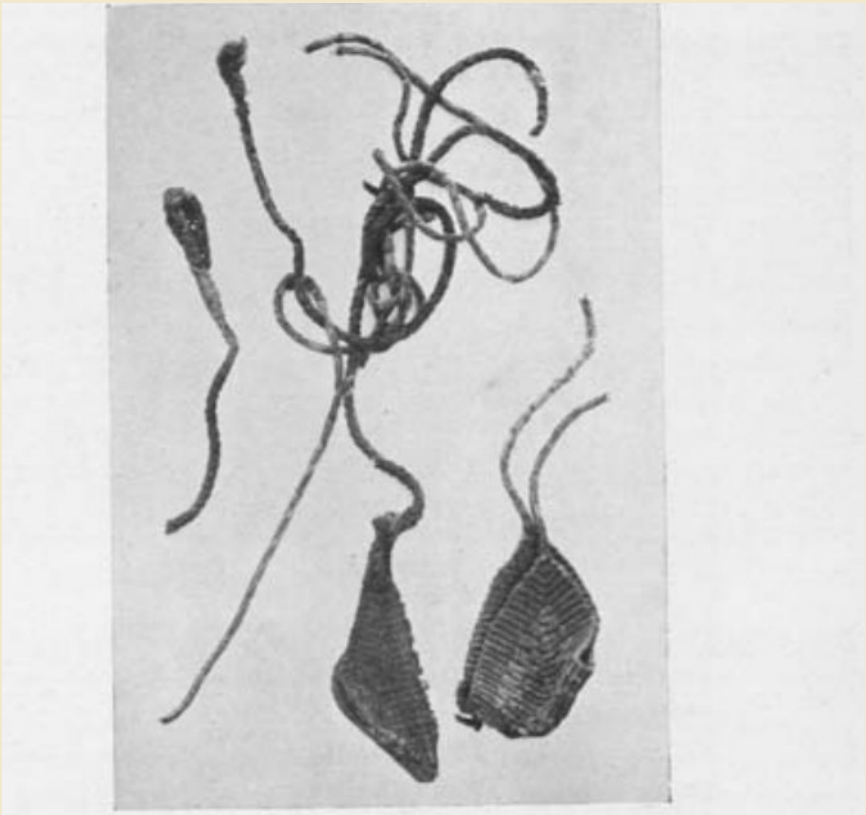
Таблица LXXI

Сундуки из времен ранней юности царя

(A) Два небольших сундука вьючного типа из кедрового дерева, черного дерева и слоновой кости.

(B) Сундук для безделушек и игрушек юности.

(См. главу IV.)

A

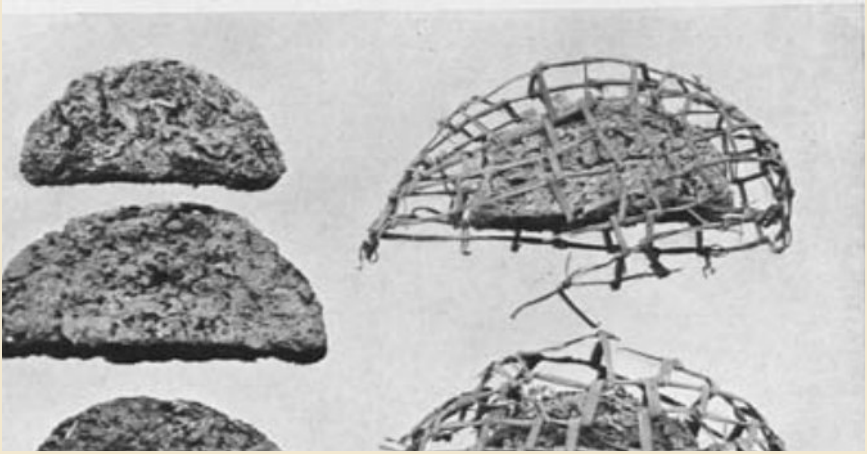

Таблица LXXII. (A) Остатки двух пращей; (B) лепешки в формах из пальмовых листьев

Таблица LXXII

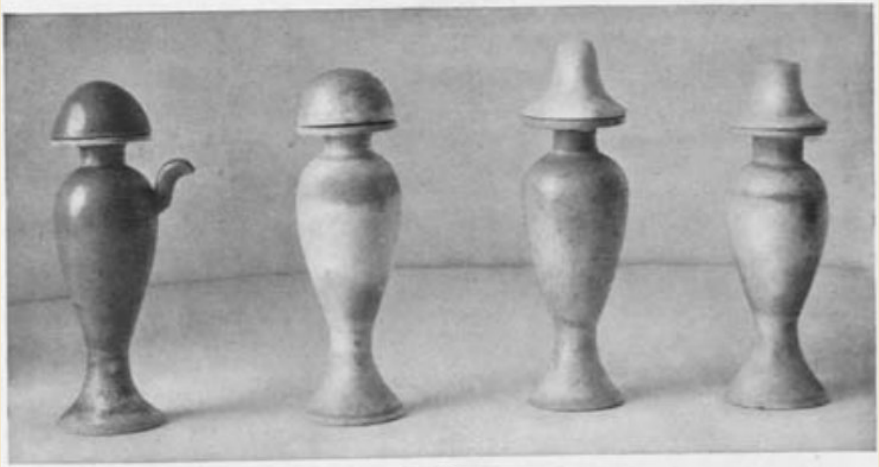
(A) Остатки двух пращей для метания камней, сплетенных из льняной нити.

(B) Лепешки, приготовленные в формах из пальмовых листьев.

(См. главу IV.)

A

B

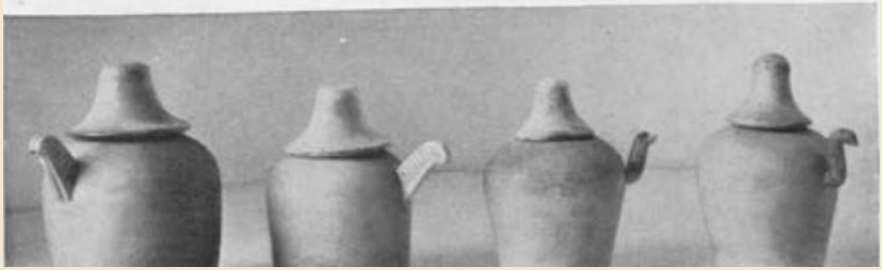

Таблица LXXIII. Серебряные и фаянсовые сосуды

Таблица LXXIII

Серебряные и фаянсовые сосуды

(A) Серебряная ваза в форме плода граната.

(B) Вазы из бледно-голубого и темно-синего фаянса.

(C) Сосуды для возлияний из бледно-голубого фаянса.

(См. главу IV.)

Таблица LXXIV. Подробности алебастровой ладьи-украшения

Таблица LXXIV

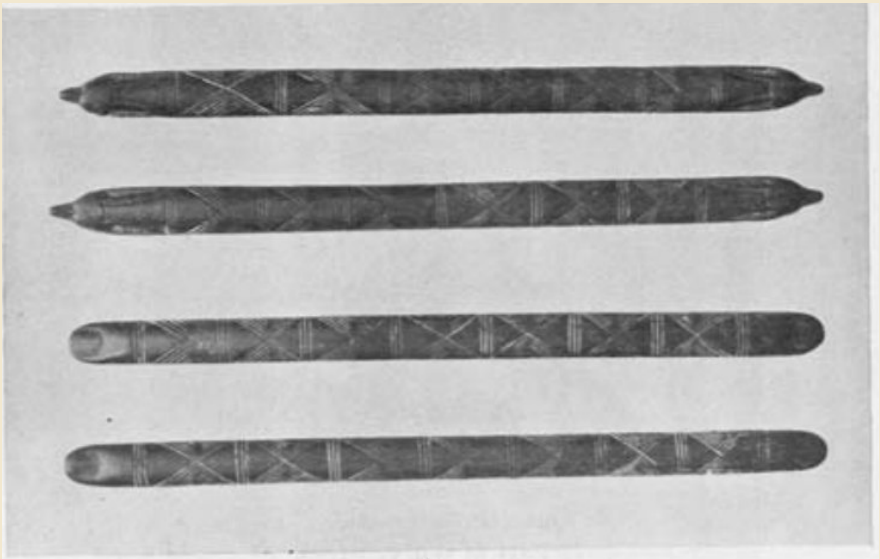
Подробности алебастровой ладьи-украшения

(A) Фигурка нагой девушки, сидящей на корточках на носовой палубе ладьи с цветком лотоса в руках.

(B) Женская фигурка карлицы с ахондроплазией у кормила: она правит ладьей.

Головные уборы обеих фигурок сделаны из темно-зеленого камня.

(См. главу IV; таблица XLI.)

A

Таблица LXXV

Игральная доска и «метательные палочки»

(A) Набор из четырех «метательных палочек» с верхней стороной из черного дерева и нижней из слоновой кости; по тому, как они упадут, определяются ходы на игральной доске.

(B) Двусторонняя игральная доска из черного дерева и слоновой кости: сверху на ней поле для игры в три ряда по десять клеток, а снизу — поле для игры в три ряда по четыре клетки с подходом из восьми клеток.

(См. главу IV; таблица XLII.)

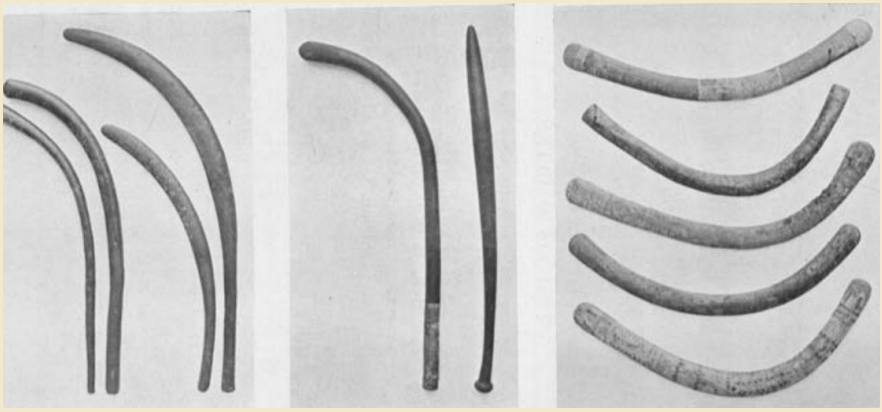

Таблица LXXVI. Наступательное оружие

Таблица LXXVI

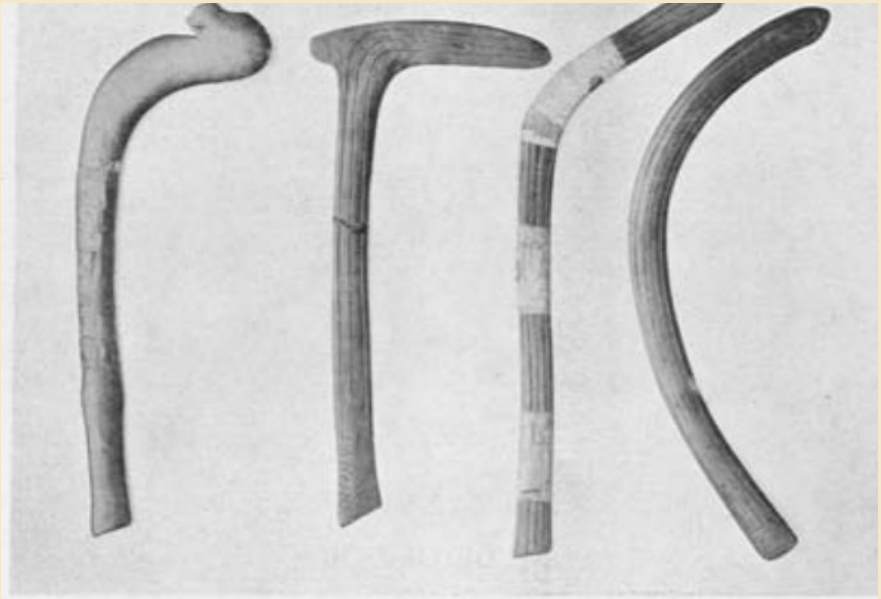
Наступательное оружие

(A) Серповидные палицы из твердого дерева: одни с едва намеченным набалдашником на конце, другие с плоским клинком, выгнутым наподобие серпа.

(B) Серповидная палица с рукоятью, обтянутой корой, и палица в виде дубинки. Обе из твердого дерева.

(C) Бумеранги из твердого дерева, раскрашенные.

(См. главу IV; таблица LXXVII.)

A

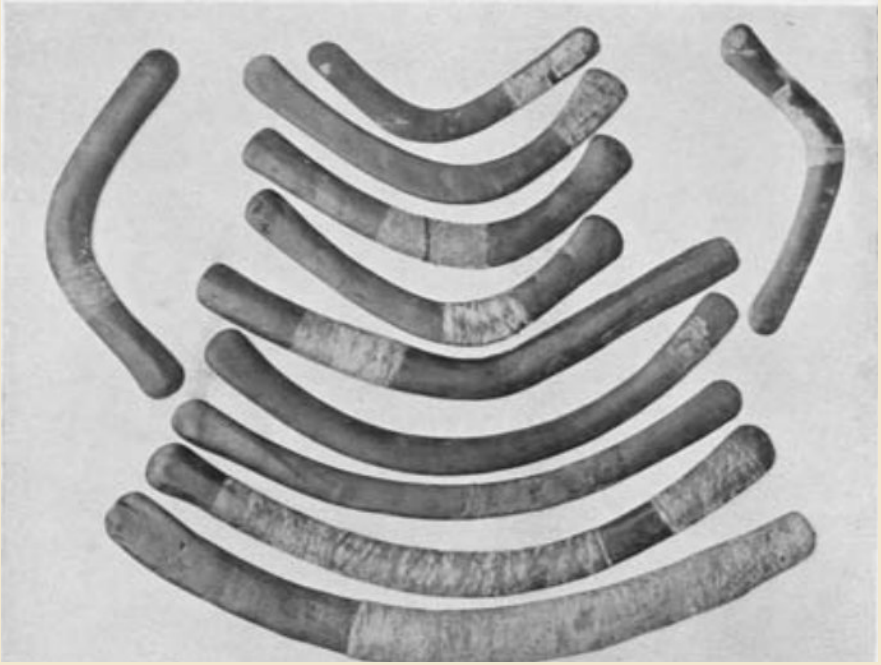

Таблица LXXVII. Наступательное оружие

Таблица LXXVII

Наступательное оружие

На рисунках A и B — разные виды бумерангов и метательных палок из твердого дерева, украшенных корой.

(См. главу IV; таблица LXXVI.)

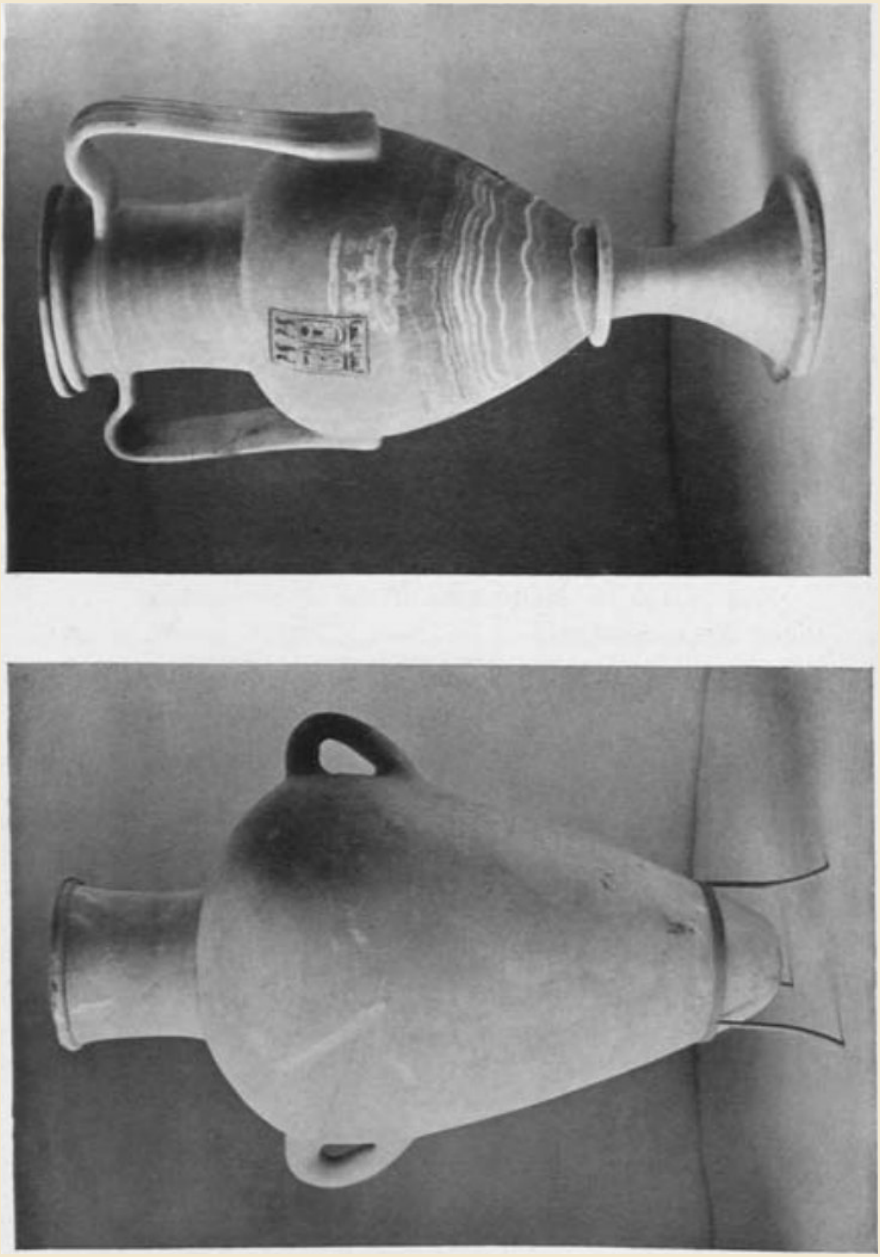

Таблица LXXVIII. Алебастровые сосуды для масла

Таблица LXXVIII

Алебастровые сосуды для масла

На рисунках A и B — два из больших кувшинов для масла, найденных в боковой камере.

(См. главу IV; таблицы XLVIII, XLIX, LXXIX.)

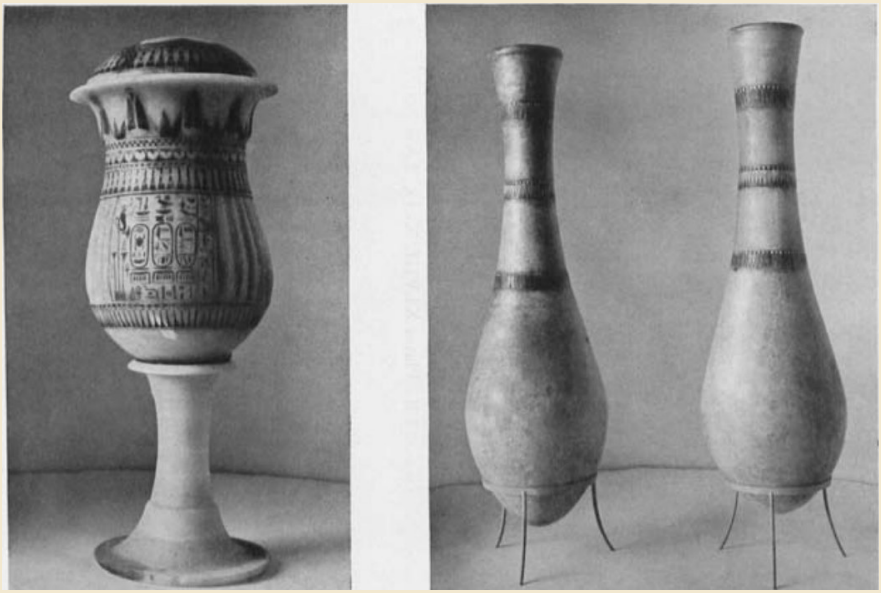

Таблица LXXIX. Алебастровые сосуды для масла

Таблица LXXIX

Алебастровые сосуды для масла

(A) Богато украшенный кратер, стоящий на подставке-«тацце».

(B) Пара высоких вытянутых кувшинов; их горла инкрустированы фаянсовыми гирляндами.

(См. главу IV; таблицы XLVIII, XLIX, LXXVIII.)

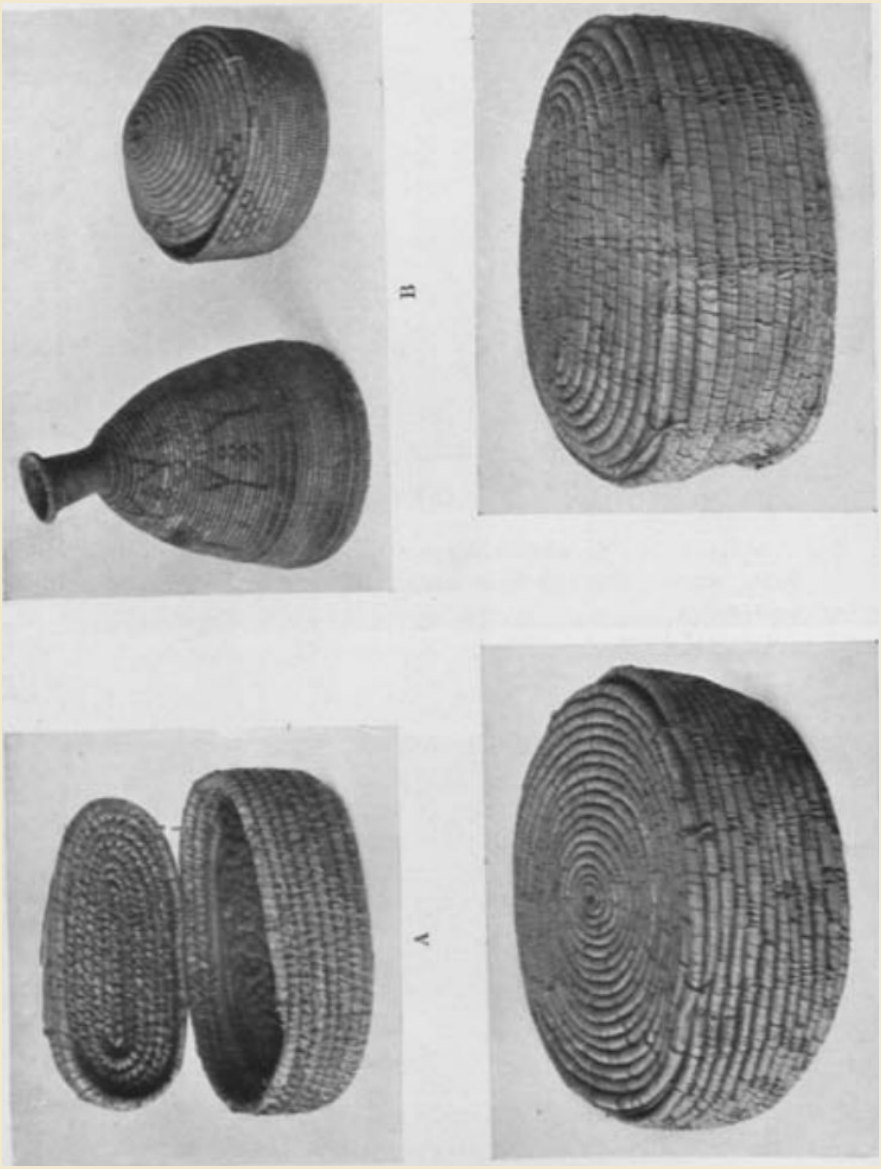

Таблица LXXX. Корзины с плодами

Таблица LXXX

Корзины с плодами

На рисунках A, B, C и D — характерные виды из числа 116 корзин с плодами, найденных в боковой камере.

(См. главу IV.)